

2019

Том 10. № 1

2019. Vol. 10. No. 1

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Российские реалии:
современные вызовы**

**/Неопределённость и нестабильность –
имманентные характеристики
постмодерна**

**/Расхождения в состоянии здоровья
в России и в мире**

**/Потребление без оглядки
на экологические последствия**

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 1'2019

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2019. Том 10. № 1

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1

Учредитель: **Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

Издатель: **Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

Главный редактор: **М. К. Горшков**

Заместители главного редактора: **П. М. Козырева, И. А. Халий**

Ответственный секретарь: **К. В. Подъячев**

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.



Контент доступен по лицензии Creative Common Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.



© Вестник Института социологии, 2019

© Vestnik instituta sotziologii, 2019

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университет им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонгин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Irina A. KHALIY, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department “Sociology and Informative Technology”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

Об этом выпуске	8
Тема номера:	
«Российские реалии: современные вызовы»	12
<i>Яницкий О. Н.</i> Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира?.....	12
<i>Никитина Б. А.</i> «Зимняя вишня» и полигон «Ядрово» как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного...	28
<i>Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А.</i> Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан ...	58
<i>Дроздова Ю. А.</i> Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей.....	76
<i>Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.</i> Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения	96
Социология образования:	
в условиях инновационной экономики.....	110
<i>Дежина И. Г., Ключарев Г. А.</i> Среднее профессиональное образование для инновационной экономики	110
Здоровье населения	127
<i>Русинова Н. Л., Сафронов В. В.</i> Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте.....	127

Contents

About This Issue	8
The Theme of the Issue:	
“Russian realities: modern challenges?”	12
<i>Oleg N. Yanitsky.</i> Is Social Forecasting of the Mobile World’s Dynamics Currently Possible?.....	12
<i>Bela A. Nikitina.</i> “Zimnyaya Vishnya” and the “Yardovo” Landfill As Two Sides of the Same Coin: Difficulties in Comprehending the Obvious	28
<i>Gulnara F. Gabdrakhmanova, Elvina A. Sagdieva.</i> The Socio-Cultural Conditions for the Adaptation of “New” Ethnic Groups in the Republic of Tatarstan	58
<i>Julija A. Drozdova.</i> Resource Approach in Studying Territorial Communities	76
<i>Sergey G. Ivchenkov, Elena V. Sayganova.</i> Patriotism as a Component of Public Consciousness: A Generational Measurement Perspective.....	96
Sociology of Education: For Innovative Economy	110
<i>Irina G. Dezhina, Grigory A. Kliucharev.</i> Secondary Professional Education for an Innovative Economy.....	110
Public Health	127
<i>Nina L. Rusinova, Viacheslav V. Safronov.</i> The Issue of Social Inequality in Terms of Health: A Comparative Study of Russia Within the European Context.....	127

Об этом выпуске

Постоянно меняющийся мир, всё возрастающая напряжённость в отношениях между странами и внутри многих стран мира (возникающая и увеличивающаяся в зависимости от внешнего давления или внутренних проблем) заставила нас обратиться к теме номера [«Российские реалии: современные вызовы»](#). Она оказалась актуальной и в связи с Обращением Президента РФ к Законодательному собранию, состоявшемуся в феврале 2019 г., где обозначены основные направления деятельности российского государства, которые должны осуществляться в ближайшее время. Наши авторы готовили свои материалы до публикации Обращения, тем значимее для страны определить, совпали ли научные и политические подходы. Более того, наши авторы предлагают как свои теоретические инструменты анализа турбулентных международных и внутривосточных процессов, так и некоторые пути решения стоящих перед российским обществом задач.

[О. Н. Яницкий](#) (Москва) в статье [«Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира?»](#) стремится выяснить, возможно ли социальное прогнозирование в современном неопределённом и всё время меняющемся мире; показывает, что в прогностических исследованиях до сих пор преобладает дихотомический подход, характерный для большинства англо-саксонских исследователей глобализации. Также рассматриваются теоретико-методологические тренды, развиваемые исследователями стран «третьего мира» за пределами вышеупомянутой дихотомической аналитики. В частности, анализируются эвристические возможности анализа современной глобализации как самоорганизующегося «движения движений», необходимость междисциплинарного и метаболического анализа. Особое внимание уделяется изменениям на микроуровне, т. е. положению и образу жизни индивида в условиях текучей модернизации.

Одной из наиболее сложных ситуаций является проблема управления отходами жизнедеятельности общества. [Б. А. Никитина](#) (Самара) в статье [«Зимняя вишня» и полигон «Ядрово» как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного»](#) обращает внимание на то, что кризис в системе обращения с ТБО пришёл в Россию позже, чем в развитые страны, в связи с тем, что в период социализма повседневное потребление было ограничено дефицитом товаров. После перехода страны на рельсы капитализма, особенно в «тучные» годы, российское население стало компенсировать свою прежнюю депривированность, активно занявшись потреблением без оглядки на экологические последствия. В то же время система государственного управления игнорировала

необходимость формирования системы обращения с отходами, которая была бы адекватна изменившемуся образу жизни населения. Очевидно, что кризис в этой сфере назревал, но его формы оказались неожиданными для государственных и муниципальных менеджеров. В этой связи принимаемые ими решения носят глубоко ошибочный или недостаточный характер, что не приближает общество к устойчивому состоянию, но лишь откладывает решение проблемы. Реальное изменение ситуации должно начинаться не там, где находится конец жизненного цикла товаров, а там, где он начинается, утверждает автор.

Проблемы миграции в последнее десятилетие стали едва ли не центральными в государственной политике многих стран мира, значимое место занимают они и в России. [Г. Ф. Габдрахманова](#) и [Э. А. Сагдиева](#) (Казань) в статье [«Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан»](#) подчёркивают, что переписи рубежа XX–XXI вв. демонстрируют усиление этнического многообразия Татарстана. Миграция народов, давших название союзным республикам и государствам СНГ, простимулировала появление в регионе нетрадиционных этнических групп. Вопросы о том, почему одни их представители закрепляются в регионе, а другие нет, какие факторы на это влияют, мало изучены. Цель исследования – выявить субъективные социокультурные условия процесса приживаемости представителей «новых» этнических групп Татарстана с разными сроками пребывания в республике. Материалы глубинных интервью показали, что длительность пребывания и отсутствие планов на выезд из региона вселения – недостаточные (а иногда и не работающие) признаки приживаемости мигрантов: при её измерении должны подключаться социокультурные характеристики прибывающих.

В ходе глобализационных процессов обостряются проблемы развития локальностей (местных территориальных сообществ). Этой теме посвящена статья [Ю. А. Дроздовой](#) (Волгоград) [«Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей»](#). По мнению автора, будущее региона определяется социальными ресурсами, имеющими пространственно-временной характер и включающими количественный и качественный состав населения (человеческие ресурсы), человеческий и социальный капиталы, событийность, социальную активность. Отмечается, что социальные ресурсы территориальных общностей обеспечивают их внешнюю связь с другими общностями и территориями, определяют конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность региона, качественный и количественный состав миграционных потоков. «Новой повесткой» социолого-управленческого подхода является опережающее создание, формирование, развитие социальных ресурсов, их удержание на определённой территории.

Для современной России особо значимым фактором жизни общества стало отношение к Родине. [С. Г. Ивченков](#) и [Е. В. Сайганова](#) (Саратов) в статье [«Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения»](#) анализируют многозначность тракто-

вок патриотизма в общественном мнении саратовцев. Установлено, что чаще всего «Родина» интерпретируется жителями как Россия, «малая родина» – как свой город, семья, (реже – родной двор). Содержательная интерпретация этого понятия ассоциируется с социально значимой деятельностью, активизмом социальной ответственностью. Основными проявлениями патриотизма респонденты считают службу в армии, патриотическое воспитание детей, законопослушность и добросовестный труд на благо общества. Большинство саратовцев считают себя патриотами в той или иной степени. Но каждый третий горожанин, особенно среди молодёжи, склонен отрицать это. Патриотизм молодёжи ориентирован более всего на любовь к России. Старшее поколение выстраивает патриотические чувства на любви к семье, близким, родному городу и СССР. При этом большинство граждан (хотя и в разной степени) различают понятия «патриотизм» и «национализм». Последний воспринимается скорее негативно. Следующие две рубрики, хоть и выделены нами в отдельные, по сути продолжают анализ современных вызовов в образовании и в состоянии здоровья населения.

В рубрике [«Социология образования: в условиях инновационной экономики»](#) размещена статья [И. Г. Дежиной](#) и [Г. А. Ключарева](#) (Москва) [«Среднее профессиональное образование для инновационной экономики»](#). В ней дана оценка текущего состояния российской системы среднего профессионального образования (СПО) и уровня его готовности обучать специалистов, востребованных в инновационной экономике. СПО в последнее десятилетие оказалось не только вне приоритетов государства, но и в определённой мере «пострадало» от усиленного внимания федеральных властей к университетам, получившим специальные статусы, – федеральные, исследовательские, опорные. Ограниченные финансовые ресурсы были перераспределены в пользу высших учебных заведений, что повлекло за собой снижение удельных расходов на подготовку кадров в системе СПО и ухудшение его материальной базы. Это наиболее болезненно сказалось на технических колледжах, готовящих специалистов новых, перспективных профессий. В данной ситуации связь с работодателями становится одним из ключевых факторов, однако кооперация учреждений СПО с предприятиями и компаниями находилась в кризисном состоянии ввиду общего падения целого ряда производств в постсоветский период.

В рубрике [«Здоровье населения»](#) [Н. Л. Русинова](#) и [В. В. Сафронов](#) (Санкт-Петербург) в статье [«Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте»](#) анализируют проблему социальных неравенств в здоровье и приводят основные результаты её эмпирического изучения, полученные при анализе данных Европейского социального исследования (ESS) для нескольких десятков стран, включая РФ, и статистических сведений о состоянии их экономики и социального государства с помощью методов двухуровневого линейного и логистического моделирования. Показатели общего самочувствия и рисков развития депрессии заметно отличаются в разных частях

Европы – в России, как и во многих других относительно менее развитых странах, здоровье населения отчётливо хуже, чем в наиболее развитых социальных демократиях. Эти показатели сильно варьируют и внутри стран – у людей, занимающих неодинаковые позиции в демографической и социальной структурах. Естественные расхождения в состоянии здоровья между младшими и старшими возрастными когортами с особой резкостью проявляются в отстающих государствах, тогда как в странах с высоким уровнем благосостояния и государственных социальных гарантий возрастные различия в значительной степени сглаживаются.

ТЕМА НОМЕРА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.554

Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира?

Ссылка для цитирования: Яницкий О. Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 11–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.554>

For citation: Yanitsky, O. N. Is social forecasting of the mobile world's dynamics currently possible?. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 11–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.554>



Яницкий Олег Николаевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

oleg.yanitsky@yandex.ru

Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира?

Аннотация. Отталкиваясь от прогноза распада СССР, сделанного советскими социологами в середине 1980-х гг., автор стремится понять, возможно ли социальное прогнозирование в современном неопределённом и всё время меняющемся мире. Опираясь на теоретические работы российских и западных социологов 2000-х гг., включая собственные исследования автора и его участие в трёх международных проектах, в статье показывается, что в прогностических исследованиях до сих пор преобладает дихотомический подход. Этот аналитический подход характерен и для большинства англо-саксонских исследователей глобализации. В статье рассматриваются также теоретико-методологические тренды, развиваемые исследователями стран «третьего мира» за пределами вышеупомянутой дихотомической аналитики. В частности, анализируются эвристические возможности анализа современной глобализации как самоорганизующегося «движения движений» (the movements of the movements), необходимость междисциплинарного и метаболического анализа. Особое внимание уделяется изменениям на микроуровне, т. е. положению и образу жизни индивида в условиях текучей модернизации. Статья завершается некоторыми конкретными соображениями автора относительно типа и характера теории и методологии, которые дают возможность адекватно анализировать и прогнозировать динамику современного неравновесного и мобильного мира. Анализируются методологические расхождения общественных и естественных наук в их представлениях и подходах, касающихся критериев и методов прогнозирования динамики глобального мира.

Ключевые слова: глобализация, «движение движений», концепция, дихотомия, индивид, междисциплинарный и метаболический анализ, социальное прогнозирование, российская социология, теория и методы

Научные и гуманитарные позиции авторов прогноза 1980-х гг.

Прогноз относительно причин и сроков распада СССР был сделан советскими социологами в период начала-середины 1980-х гг. на относительно небольшом материале качественного исследования и оправдался с точностью до месяца. Однако собственно социальная прогностика, бурно развивавшаяся в СССР в 1960–70-е гг., к этому времени практически прекратила своё существование. Этот прогноз был сделан методом экспертного опроса (всего не более 50 чел.). Инициатором, теоретиком и методистом этого опроса стал Андрей Алексеев, ленинградский социолог, который был строго наказан советскими и партийными органами Ленинграда за организацию такого несанкционированного властью исследования.

Что же позволило советским социологам «вычислить» точный срок распада СССР, чего не смогли сделать западные «советологи» и «кремленологи»?

Как видно сегодня, достаточно было грамотно составить обычный вопросник (я бы сегодня назвал этот метод глубинным полу-структурированным интервью) с необходимыми методическими пояснениями для интервьюеров, которыми были не наёмные «с улицы», а те же рефлексирющие социологи. Сам принцип экспертного опроса был иной: не интервьюер и «ответчик», а *диалог заинтересованных профессионалов* (к сожалению, процесс выработки «окончательного ответа» не был отражён в последующей публикации). Затем предстояло опросить полсотни рефлексирющих и граждански ориентированных экспертов-социологов, чтобы получить ответы на вопросы, над которыми спустя много лет размышляют российские и зарубежные социологи. Это были мысли и оценки думающей части советской гуманитарной интеллигентии во времена, которые позже российская и западная социология назвали «застойными». Возможно, что в отношении экономики и научно-технического прогресса эта оценка была справедлива, но она никак не относилась к гуманитарной сфере.

Как известно, именно в этот «застойный» период появилось множество исследований и произведений литературы и искусства, которые показали всему миру творческую интеллектуальную мощь советской интеллигенции. Достаточно вспомнить имена А. И. Солженицына, Д. С. Лихачева, В. Г. Распутина, С. П. Залыгина, В. Л. Гинзбурга, Н. Н. Моисеева, А. М. Прохорова, А. Адамовича, Н. Ф. Наумовой и многих других. Не менее существенно, что данное качественное исследование выступило «оппонентом» уже широко применяемым в нашей стране методам опроса общественного мнения. Это был красноречивый пример, что «воевать» на «идеологическом поле» можно и нужно не числом, а умением. Какие же аргументы в пользу скорого распада страны выдвигались авторами названного исследования?

Во-первых, – это общий (системный) кризис. То есть кризис экономики, внутренней и внешней политики, институциональной структуры, морали, системы основополагающих ценностей и т. д. Называлась и такая демографическая причина, как вымирание геронтократии в верхних эшелонах власти, а также фактор антагонизма между социалистическим и капиталистическим укладами, рецидивы которого мы наблюдаем и сегодня.

Во-вторых, это была «развилка», говоря современным языком, точки бифуркации, которая, как ожидалось, должна наступить до конца XX века. Существующее противоречие между «снежным комом» нарастающих проблем и противоречий и стабильностью социалистической системы объяснялось двояко. С одной стороны, источником (и резервом) стабильности назывались экстенсивные факторы экономики, и прежде всего избыточная рабочая сила, включённая в производство. Действительно, этот избыток мог видеть сторонний наблюдатель, хотя доски объявлений у заводских проходных пестрели объявлениями о приёме на работу.

В-третьих, как показал этот опрос, в подсознании большинства взрослых людей сохранялся страх перед репрессиями, резким обнищанием и другими социальными бедами, к которым, как этим людям казалось, произойдёт возврат в случае слома существующей государственной машины. Люди старшего поколения помнили ещё ужасы революционных перемен и гражданской войны 1917–22 гг.

В-четвёртых, часть экспертов была единодушна в том, что с приходом капитализма резко возрастет экономическое и политическое неравенство между теневыми дельцами, капиталистами и представителями номенклатурной элиты, с одной стороны, и бедным и бесправным населением – с другой, что и приведёт к распаду СССР.

В-пятых, уже тогда, в середине 1980-х гг., глобализация рассматривалась как фактор, который может подорвать существующую стабильность. Среди основных её характеристик назывались: научное и технологическое отставание СССР от ведущих западных стран, включая начало «информационной эпохи»; возрастающая мощь США и Китая, формирование «дуги» США–Европа–Китай–Япония. Эти глобальные вызовы обозначились на фоне ослабления экономического и политического единства внутри «социалистического лагеря».

Возможно ли социальное прогнозирование в условиях глобализации?

Сначала – каков собственно субъект исследования? Обратимся к анализу феномена «советскости», проведённому В. А. Сомовым [Сомов 2015]. Несмотря на разнообразие оценок этого феномена – от «ущербный социальный тип» (А. Н. Медушевский) и «антропологическая катастрофа» (Ю. С. Пивоваров) до оценки этого исторического периода как

«советская цивилизация» (С. Г. Кара-Мурза), – можно увидеть фундаментальную двойственность, изначальную противоречивость советского периода, которая явилась основой его нарастающей нестабильности и последующего распада.

Однако сильно ли отличалась ситуация в СССР в 1970–80-х гг. от той, которая сегодня существует на мировой геополитической арене? Нет, практически не отличалась совсем. Ситуация общей неопределённости, нестабильности и непредсказуемости геополитической ситуации, отягощённая движением вперёд одних, стагнацией и застоём других и распадом третьих, только нарастала. Она была давно предсказана такими ведущими западными исследователями, как У. Бек, М. Кастельс, Д. Урри, и позже была подтверждена многолетним исследованием глобальных рисков [The Global Risk... 2018].

С. А. Кравченко [Кравченко 2015] дал исчерпывающую характеристику 15 глобальных неравенств, часть из которых существовала ранее, а другие (например, неравенство между влиянием интернациональной культуры и национальными культурами) в распределении рисков являются новыми.

Вместе с тем современная глобальная ситуация отличается качественно. Причин геополитической нестабильности сегодня много. Во-первых, сам процесс перехода глобального сообщества из одного состояния в другое идёт неравномерно, скачками и с разными скоростями. Одни общества уже «там», в постиндустриальном обществе, но, как показал пример США, «прорыв» транснациональных корпораций во внешний мир обернулся деградацией ряда национальных отраслей индустрии (феномен «ржавого пояса Америки»). Другие только начинают движение к производству и обществу, основанному на информационных технологиях; третьи находятся в состоянии стагнации; четвёртые деградируют и распадаются и т. д. То есть *неопределённость и нестабильность суть имманентные характеристики постмодерна.*

Но и внутри отдельных стран и их сообществ те же неопределённость и нестабильность воспроизводятся на национальном и даже локальном уровнях, так как одни его субъекты более вовлечены в глобальные процессы, другие значительно менее. Плюс внутри них идёт скрытая и явная борьба между глобалистами и сторонниками национальных ценностей.

Дело усложняется тем, что современный мир «состоит» из нескольких типов двусторонних или многосторонних отношений: дружественных, неопределённых или враждебных, как бы они ни маскировались дипломатическими средствами. Сегодня США и их союзники по НАТО ведут большую работу с целью вовлечь в этот альянс как можно больше стран.

С другой стороны, даже временная стабильность – весьма неустойчивое состояние, которое может быть в любой момент нарушено как намеренно, так и по неосторожности, если инициаторы некоторого политического действия не учтут всего разнообразия окружающих их

обстоятельств и интересов. И вообще в подвижном, постоянно меняющемся мире *стабильность есть лишь момент его многосторонних трансформаций.*

Современные социологи редко задаются вопросом, какая именно стабильность нужна сегодня? При ближайшем рассмотрении оказывается, что таких «стабильностей» всегда множество. Политическая элита борется за упрочение своих властных позиций, бизнес всегда нуждается в развитии, «четвёртая власть» хочет того же, а рядовые граждане требуют, чтобы их материальное благополучие не нарушалось, а непрерывно росло при любой экономической погоде. Что же произойдёт, когда использование робототехники и других «умных машин» резко сократит рынок труда, если возникшая в результате безработица усилит массовые миграционные процессы, ломающие любые межнациональные или межгосударственные границы? В целом можно сказать, что «стабильность» для большого бизнеса измеряется миллиардными долларовыми прибылями, тогда как «стабильность» для рядовых граждан – всего лишь несколькими десятками тысяч рублей.

Теперь о некоторых ключевых характеристиках происходящих глобально-локальных трансформаций.

1. Международные социальные институты (ООН, Всемирный банк и др.), созданные в прошлый период, сохраняя своё нормативное значение, более не являются теми инструментами, которые позволяют быстро и эффективно отвечать на любые вызовы: экономические, социальные, природные, технологические. Поэтому «между» этими общими нормативами растёт и расширяется *система временных инструментов управления изменяющимся миром*: перманентные переговоры, временные соглашения и альянсы, дорожные карты. *Скорость и многосторонность изменений суть сегодня главные вызовы.*

2. В современном интегрированном мире уже нет чёткого разделения понятий «природа» и «общество», «мы» и «они», «там» и «здесь», «фронт» и «тыл» и др. Поэтому, с моей точки зрения, национальные государства и мир в целом надо рассматривать как сложные социобиотехнические системы (далее СБТ-системы). «Интеракции», то есть инструмент, которым более века широко пользовались социологи, сегодня более не отвечает степени интегрированности и взаимозависимости разнородных процессов и структур. В ходе любых «интеракций» происходят *метаболические процессы, то есть процессы взаимных изменений двух или нескольких агентов или субстанций.* Если читатель откроет инструкцию к любому лекарственному препарату, он найдёт там этот термин. А вот результат метаболических процессов может быть самый разный: усиление или нейтрализация одного агента другим, «помощь третьей стороне» (например, пищеварительному процессу) или же уничтожение одного другим, даже их взаимное уничтожение (аннигиляция).

3. Если речь идёт о взаимодействии качественно различных агентов, то одних социологических знаний будет недостаточно. *Для познания сложного, изменчивого и интегрированного мира нужно междисциплинарное*

знание. И столь же многоплановое действие. С этой точки зрения переход многих мировых лидеров к системе «ручного управления» не кажется таким уж странным. Пока только человек, опирающийся на выводы группы экспертов, в состоянии охватить многоплановую динамику сложного агента. К сожалению, собственно социология осталась одномерной дисциплиной, как и 100 лет назад. Наличие таких «параллельных» дисциплин, как социальная антропология, социолингвистика или социальная психология, не меняет дела – у каждой из них собственный профессиональный взгляд на окружающий мир. Сегодня необходимо междисциплинарное знание, междисциплинарное действие и столь же многоплановая оценка его результатов.

4. Такое знание вырабатывается только в процессе длительного взаимодействия социальных, естественных и технических наук. Космонавтика тому пример. Существует лишь ограниченное число человеческих практик, когда сам объект конструирования, например, проектирование и строительство городов, требует взаимодействия многих специалистов и столь же объёмного корпуса различных знаний и умений. Я не собирался стать урбанистом, но, отучившись и проработав в этой отрасли два десятка лет, понял, насколько ценным стал для меня этот опыт в последующей работе как социолога.

5-е, самое сложное – глобальные риски, как предвидимые, так и непредсказуемые. Однако «предвидимые» не означает, что у общества или человечества есть средства их предотвращения или смягчения. Совсем не случайно, что в английских научных текстах чаще всего используется термин «смягчение» или «ослабление» (mitigation) негативного эффекта риска, но не его полное устранение (выздоровление или возвращение к прежнему состоянию). Глобальные угрозы, которые затем трансформируются в реальные разрушения природных и социальных систем, как правило, имеют очень сложную систему формирования, часто незаметную для человека. Но даже если риск заранее предсказан, как, например, землетрясение или наводнение, то полностью уберечься от его разрушительных последствий практически невозможно. Ещё сложнее бороться с социальными и иными последствиями глобального потепления. Но в любом случае, как на предупреждение подобных рисков, так и на их «смягчение» требуются ресурсы и долгое время на адаптацию пострадавших к новым условиям жизни и быта. Приведу только один пример. После аварии на атомном реакторе Фукусима-1 значительную часть населения района, прилегающего к АЭС, пришлось переселять. Но в местах, куда их собирались переселить, «коренное» население выступило против этих «заражённых несчастных», хотя те и другие были японцами [Новикова 2013].

О роли личности в условиях глобализации

Подавляющее большинство отечественных и западных теоретиков глобализации изучали её как совокупность массовых процессов, что вполне естественно. Значит ли это, что человек становится лишь частью данной безликой массы, что «единица – ноль», как писал В. Маяковский?

Ни в коей мере! Индивиды, вооружённые современными знаниями и глобальным информационным инструментарием, приобретают важную и даже решающую роль в глобальных процессах. Это – реальное проявление феномена «силы слабости». Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что лидеры США, Китая или России играют существенную роль в современном мире.

Но это лишь политический аспект вопроса. Удовлетворение «постоянно растущих потребностей» массы населения – процесс, который формируется и направляется массмедиа, является главным механизмом развития рынка и капиталистического способа производства в целом. Иными словами, проблема современной личности была интегрирована в идеологию и политику этого производства. С одной стороны, социологический инструментарий (массовые опросы) служил познанию потребностей массы; с другой стороны, были сконструированы массмедиа, которые работали только в интересах капиталистического рынка.

Массмедиа, как показали А. Арсеналт и М. Кастеллс [Arsenalt, Castells 2008], легко управляют формированием потребностей массы населения при помощи всего двух инструментов: переключения информационных каналов и перепрограммирования их контента. Давно ли начался это процесс обезличивания? По моему мнению, с начала XX века, когда литература и искусство вместо осмысления действительности художественными средствами начали конструировать её по собственному усмотрению. Абстракционизм, «конкретная музыка», «режиссерский театр» – всё это проявления одного и того же процесса «универсализации» культуры и искусства, лишения их связи с национальной почвой. Как связан с национальной культурой Чёрный квадрат К. Малевича? Да никак, в чём я вижу глубокое сходство с современными процессами тотальной информатизации и кодификации. Вместо того чтобы проникать в сущность происходящих перемен, понять их глубинные причины и следствия, политики, социологи и люди искусства стремились навязать потребителю своё «унифицированное» видение происходящих перемен.

Не желающие следовать этой линии объявлялись «отсталыми», «устаревшими» и т. п. В конечном счёте, классика как явление европейской культуры была побеждена социальным и художественным конструированием. Вместо всеобщей пропаганды достижений науки и культуры идеологи «рыночной экономики» в её современном виде разделили эти достижения на два независимых «потока»: для избранных и для массы. Для избранных – тишина научных лабораторий и выставочных залов, посещение концертов исполнителей классической музыки мирового класса, а для массы – попса и произведённые поточным методом телесериалы. Заметьте, если даже человек массы переходил в касту избранных, он никогда более не возвращался обратно! Он был вынужден подчиняться законам рынка, лишь изредка занимаясь благотворительностью, то есть поддержанием той же рыночной системы.

Именно этим объясняется практическое отсутствие выдающихся популяризаторов достижений науки, которыми была так богата история советского времени. Именно в этом причина отсутствия сегодня таких выдающихся теоретиков в области социологии личности,

какими были Л. С. Выготский и И. С. Кон. Но хуже всего то, что престиж российской науки продолжает снижаться. Причина, видимо, проста: как заметил однажды бывший президент РАН академик В. Е. Фортов, в российской науке остались те, кто уехал. Неужели мы возвращаемся в 1920–30-е гг., когда русские учёные-эмигранты развивали американскую и европейскую науку?

Приведу только один пример из работы З. Баумана, который всегда интересовался проблемой личности в условиях «текущей модернити». Вот лишь некоторые из его основополагающих мыслей.

– Современное западное общество устроено таким образом, что индивид всё менее способен отличить собственные усилия по самовоспроизводству личности (self-production of the selves) от их имитаций под воздействием медиа [Бауман 2008: 69].

– «Текущее общество», то есть постоянно изменяющаяся социальная среда обитания, принуждает индивида следовать за ним, чтобы сохранить свою работу, положение в обществе и т. д.

– Модернизация всегда производит человеческие отходы (human wastes), которые, с одной стороны, изолируются от стремительного бега модернити, но, с другой стороны, замедляют его.

– Постоянно существует разрыв между способностью индивида делать свою работу хорошо и необходимостью убеждать общество, что она действительно сделана хорошо. Замечу, что вследствие этого разрыва возникает масса рекрутинговых агентств, экспертных контор и интерпретаторов законодательных актов, которые и определяют, способен ли данный индивид выполнять данную работу. То есть человеческие способности определяются не им самим, а множеством сторонних организаций и агентств. Это создаёт перманентную неопределённость его существования.

– Сегодня истинное освобождение индивида «требует большего, а не меньшего наличия «общественной сферы» и «общественной власти». Именно общественная сфера сейчас нуждается в защите от вторжения частного интереса [Бауман 2008: 60].

– «Происходит колонизация общественной сферы вопросами, ранее считавшимися частными...».

– «Рецепты хорошей жизни и приспособления для достижения желаемого имеют “срок годности”», поэтому «непрерывность бега» становится главным пристрастием.

– Код, «в котором записана наша “жизненная политика”, является производным от прагматики совершения покупок, шопинга». «Постмодернистское общество мобилизует и использует преимущественно потребительские, а не продуктивные (креативные) способности своих членов [Бауман 2008: 77, 80–81, 82].

Бауман различает понятия «здоровье» и «физическая подготовленность». Здоровье очерчивает, поддерживает и охраняет границу между нормальным и ненормальным. То есть, быть здоровым означает быть трудоспо-

собным. Напротив, «физическая выносливость» (я бы назвал её адаптивной способностью) никоим образом не означает «устойчивости». Это понятие означает обладание гибкостью тела и ума, чтобы соответствовать постоянно изменяющимся условиям [Бауман 2008: 86]. Он цитирует И. Иллича, утверждавшего, что «погоня за здоровьем сама становится превалирующим патогенным фактором», что ясно видно в пропаганде самых разных диет, без учёта всех остальных условий, влияющих на здоровье и адаптивную способность современного человека. Бауман заключает, что «глобализация, по-видимому, намного более успешна в разжигании межобщинной вражды, чем в содействии мирному сосуществованию общин» [Бауман 2008: 206].

По Бауману, процесс индивидуализации «заключается в преобразовании человеческой идентичности из “данности” в “задачу”», а также в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия (включая побочные эффекты) исполнения ими своих ролей. «Иными словами, она состоит в установлении автономии индивида *de jure*, хотя и не обязательно *de facto*» [Бауман 2008: 181].

«Двойная» сущность социального движения

Удивительно, что сегодня западными исследователями отводится весьма скромное место значению социальных инициатив и движений в глобальных трансформациях, хотя сегодня именно они вносят «беспорядок» и изменяют соотношение сил на аренах разного масштаба: от локальных до глобальных. Максимум, о чём сегодня ведётся речь, так это о возрождении местных гражданских и других «неформальных» инициатив [Boudreau, Davis 2017; Joss 2018]. Тем интереснее капитальное исследование [Sen 2017], в котором *глобальный мир представлен как взаимодействие множества социальных движений и их «среды» обитания*: экономической, политической, социальной и культурной. Если посмотреть на этот подход с естественнонаучной точки зрения, то в нём нет ничего принципиально нового: всякий живой организм всегда «взаимодействует» со средой обитания. Но в данном случае речь шла о всеобъемлющем социологическом анализе. Попробую применить этот подход.

Во-первых, почему я говорю о «двойном» движении? Потому что *«движутся» не только коллективные социальные субъекты, но и среда их обитания*: экономическая, социальная, культурная. Более того, существует феномен «морфологического резонанса во времени и пространстве» (a morphological resonance across time and space), когда в результате постоянного взаимодействия коллективных субъектов на обширных пространствах формируются самоорганизующиеся социальные системы, обладающие коллективной памятью и типами коллективного поведения.

Во-вторых, современный мир полон самых разных движений, не только защитных или протестных, но идеологических, политических, экологических и многих других. Инициативы идут снизу и сверху, порождаются самим ходом исторического процесса, его нелинейным, а зачастую критическим характером. В отличие от Э. Баумана [Bauman

2017]), полагавшего, что только современный мир находится в стадии «перехода» (*interregnum*'a), разные общества в ходе своего развития или распада всегда находились в этой ситуации «между». Параллельно идут процессы отмирания старых и рождения новых социальных форм жизни, то есть мир в целом находится в состоянии постоянных изменений разного характера, направления, силы, длительности и т. д.

В-третьих, иными словами, речь идёт о принципиальной важности социальных движений как результате столкновения социальных процессов не только разной направленности, но и различных *темпо-ритмов* их протекания. С моей точки зрения, изучение их разнообразия и характера – актуальная задача возрождающейся социальной прогностики. Ошибочно считать, что наличие «всемирной паутины» автоматически означает одинаковую скорость социальных перемен в его отдельных сообществах.

В-четвёртых, «всемирная паутина» действительно создала феномен инверсии пространства (*inversion of space into time*), когда связь между отдельными агентами действия устанавливается практически мгновенно. Но наличие такого взаимодействия ещё ничего не говорит о его характере, длительности и результатах. Социальные науки медленно признают *необходимость познания метаболических процессов*, то есть качественных результатов этого взаимодействия. А они могут быть самыми разными, от нейтрального, взаимного стимулирования и до взаимоуничтожения (аннигиляции), мгновенными и очень длительными.

В-пятых, сказанное означает, что представление о глобальных процессах как о борьбе между правыми и левыми силами, «либерализмом» и «консерватизмом», между охранительными и освободительными трендами сегодня является слишком сильным упрощением, потому что всякое взаимодействие есть взаимное обучение. Слоган «движение движений», в частности, означает именно этот процесс, то есть перманентный взаимный познавательный процесс, и одновременно – порождение «обучающей среды» в форме семинаров, летних школ, интернет-форумов, интернет-платформ и т. д.

В-шестых, под воздействием этого двойного процесса изменения/становления начинает медленно изменяться институциональная система глобального сообщества. Те его правила и нормы, которые были созданы после Второй мировой войны, сегодня частично разрушаются или замещаются временными формами социального взаимодействия. Но именно всякое реформирование этой системы «сверху» вызывает наиболее ожесточённое сопротивление «снизу». Так было в России с монетизацией льгот, затем с пенсионной реформой и пр. Теоретически, всякая реформа есть лишь временный (ситуативный) ответ на постоянно происходящие изменения.

В-седьмых, происходивший в течение последних 20 лет переход мира в стадию «информационного общества» есть кардинальная реформа способа общественного производства и одновременно всей сложившейся институциональной системы. Переход РФ «на цифру» уже породил множество новых форм жизни и борьбы между его агентами и теми, кто сегодня оказался в новых условиях жизни и быта, начиная от сжатия рынка живого труда и до необходимости жить и работать в совершенно

иной, технически сконструированной социальной среде. Не социальные отношения, а «поведение» технических систем становится средой жизни человека. Не рискуют ли люди превратиться в обслуживающий персонал новейших технологических систем, то есть утратить свои важнейшие социальные функции – образования, познания, воспитания и т. д.?

В-восьмых, в научной литературе активность социальных движений анализируется, как правило, обособленно: вот – экологическое движение, вот – демократическое, антикоррупционное и т. д. В действительности все социальные движения «взаимодействуют» не только друг с другом, но и со своей средой обитания, которая тоже состоит не только из «косных» или очень медленно изменяемых сущностей, но и из других социальных агентов, находящихся в постоянном изменении. И. Пригожин и его последователи вообще считают, что современный мир находится в состоянии хаоса. Действительно, степень глобального риска возрастает. Но, с другой стороны, эта изменчивость, возникновение новых сообществ, движений, идеологий есть одно из условий поддержания общей стабильности. Не единственное, но необходимое. *Устойчивость через постоянные и всё ускоряющиеся изменения – такова диалектика современного мира.*

В-девятых, результаты опросов общественного мнения, формируемого под воздействием масс-медиа, не совпадают с характером и направлением массовых процессов. *Сегодня не опросы, а массовые миграционные процессы указывают на «горячие точки» глобального мира и направления его изменений.* Социальные конфликты и локальные войны, болезни и страдания беднейших слоёв населения, природные и техногенные катастрофы, растущий разрыв между богатыми и бедными, дефицит питьевой воды и других средств жизнеобеспечения – вот что сегодня движет участниками протестных акций и социальных движений. Единственным инструментом получения релевантной научной и политической информации является непрерывный мониторинг всего «броуновского движения», которым сегодня охвачена наша планета.

В-десятых, только такой мониторинг этой всеохватывающей изменчивости мира, осуществляемый как «сверху вниз», так и «снизу вверх», может служить надёжной основой социальных прогнозов. Но и они сегодня тоже приобретают вероятностный характер. Учитывая социальный феномен «силы слабости», то есть возможности порождения глобального риска в любой точке социального пространства, инсайдерская информация приобретает особое значение. Не случайно, что в современных исследованиях глобальной динамики всё чаще используются такие термины, как защищённость, безопасность, новые (неожиданные) вызовы и время реакции на них.

Выводы и дискуссия

Успех и точность прогноза А. Алексева [Алексеев 1991] имеет архетипическое значение. Он показал, что группа отечественных гуманитариев, опираясь на собственные знания и опыт, была способна пред-

сказывать будущее. Это означало, что, с одной стороны, в динамике советского общества были достаточно устойчивые тренды, а с другой стороны, знаний экспертов было достаточно для всеобъемлющего прогноза в то время. Конечно, были и противоречия, и возвратные движения, но в целом эволюция советской системы была предсказуема. Однако спустя более трёх десятков лет ситуация качественно изменилась.

По мысли Дж. Сена [Sen 2017], мир сегодня находится во всеобъемлющем, но разнонаправленном движении (the movement of the movements). Действительно, разделить взаимодействующие сущности (не важно – на природные, социальные или технические) становится всё труднее. Мы живём сегодня не только в изменчивом, плохо предсказуемом, но и сложном мире социобиотехнических систем. Значит, нужны новые представления о современной глобализации и об агентах, её формирующих.

Современная социология способна предсказывать будущее, но только в тесном взаимодействии с естественными и техническими науками. Современный мир стал гораздо сложнее, подвижнее, противоречивее и неопределённее. Естественные и технические науки быстро развиваются, впитывая всё новое. Общественные науки, отражая устойчивость сложившихся экономических и социальных систем и институций, гораздо более консервативны. Фактически современные рациональные принципы структурно-функциональной организации и управления западных обществ, включая и Россию, восходят к идеям отцов Просвещения, которые заимствовали свои принципы у естественных наук. Напротив, создатели моделей общества будущего (Т. Кампанелла, Ш. Фурье, Р. Оуэн, А. Сен-Симон) опирались на морально-этические принципы равенства, справедливости и т. д.

Однако внутри самой проблемы предвидения заложено противоречие. Западные и российские исследователи (Дж. Александер, С. Кравченко) справедливо полагают, что современный научный подход к исследованию общественных процессов нуждается в гуманизации. Но сегодня между общественными и естественными науками существуют серьёзные разногласия в понимании критериев этого этического поворота. Представители гуманитарных и общественных наук утверждают, что любые современные технические решения, в том числе и предстоящий «переход на цифру», должны отвечать основным принципам этики и морали, выработанным человечеством за его долгую историю. А представители естественных и технических наук полагают, что дешевизна, компактность и безопасность и есть эти морально-этические нормы, отвечающие реалиям сегодняшнего дня. К этой трактовке всё более склоняются экономисты, полагая, что чем больше экономика становится «цифровой», тем более её моральные основы становятся рациональными.

Но и внутри сообщества экономистов есть неустрашимые противоречия. Одни, видя разрыв между бедными и богатыми, растущий дефицит ресурсов, полагают, что именно экономика, основанная на принципах разумной достаточности, экономии всех видов ресурсов и сбережении

природы, есть магистральный путь современного общества. Другие считают, что транснациональный капитализм, включая неизбежные войны и кризисы, «естественным образом» сократят избыточное население планеты, а оставшееся население будет жить и размножаться под полным контролем глобальной олигархии и их доверенных лиц.

Есть и третья группа теоретиков глобальной динамики, считающих «системный подход» способом разрешения названного выше противоречия. Но это только на первый взгляд, потому что сам системный подход должен основываться на каких-то морально-этических принципах. Ведущие западные обществоведы и специалисты в области системного анализа (З. Бауман, У. Бек, И. Пригожин, Дж. Стиглиц) полагали, что мир становится всё более неопределённым и неустойчивым. Но если современный мир – это «броуновское движение», то есть он никак не структурирован и неуправляем, то какие уж тут этические нормы? Как отмечал ранее Бауман, «мировой беспорядок» имеет подлинно революционный эффект: он обесценивает порядок как таковой. Повторяя мысль О. Шпенглера столетней давности, Бауман полагает, что глобализация может быть определена как «реванш кочевников» [Бауман 2008: 44]. Но в одной из своих последних работ Бауман высказывается за ре-субъективизацию работников, которая у них была отнята в ходе модернизации, снова возвращаясь к идее «креативного индивида» (creative individual) [Bauman, Raud 2015].

Допустим, что мы имеем дело с развитым капитализмом эпохи постмодерна. Однако и в этом случае общих морально-этических норм в нём не будет. Если речь идёт о транснациональном капитале с его стремлением к постоянному накоплению и расширению – это одно дело. Даже если эти нормы будут создавать представители гражданского общества или некая гуманитарно-ориентированная политическая сила, то следует ли ожидать, что их этика и мораль удовлетворят интересы всего общества? В возможности такого развития событий я сомневаюсь, так как человечество не только социальное образование, но и биологический вид. И эта «вторая его половина» всегда будет стремиться жить за счёт других, будь то менее развитые социальные общности, природные ресурсы или экосистемы, городские блага или просто другие люди. У тех, кто будет руководить глобальным миром, всегда будут средства принуждения остальных. Поэтому я не верю в возможность социального прогнозирования динамики глобальных систем только исходя из сохранения капиталистического способа производства, каким бы гуманным он ни стремился себя представить.

Проблема личности в нашем «переходном обществе» становится одной из наиболее актуальных задач социальных наук. Та модель устойчивости глобального мира (sustainable development), о которой не только мечтали, но и возвели в ранг мировой политики [Kaldor et al. 2003], безвозвратно ушла в прошлое. Ответ на вопрос, какими качествами должна обладать личность в условиях современной глобализации, – одна из наиболее актуальных проблем современной социологии.

Библиографический список

Алексеев А. Н. 1991. Ожидали ли перемен? (из материалов экспертного опроса рубежа 1970–80-х годов) / Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал. Кн. 1 и 2.

Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество / Под ред. В. Иноземцева. М.: Логос. 323 с.

Бауман З. 2008. Текущая современность. Москва–СПб.: Питер. 208 с.

Кравченко С. А. 2015. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. № 2 (370). С. 12–20.

Новикова А.А. 2013. Природная катастрофа в Японии и ее последствия (Фукусима–2011 г.). М.: ИНИОН РАН. 40 с.

Сомов В. А. 2015. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. № 2 (370). С. 29–37.

Arsenault A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. № 23 (4). P. 488–513.

Bauman Z. 2017. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. Social Europe Edition: London, UK 163 p.

Bauman Z., Raud R. 2015. Practices of Selfhood. Malden, MA: Polity Press. 153 p.

Boudreau J., Davis D. 2017. Introduction: A processual approach to informalization // Current Sociology. Vol. 65. № 2, Monograph (1). P. 151–166.

Joss S. 2018. Future cities: asserting public governance. Palgrave Communications: humanities, social sciences, business. DOI: 10.1057/s41599-018-0087-7

Kaldor M., Anheier H., Glasius M., eds. 2003. Global Civil Society Yearbook. Oxford: Oxford University Press.

Sen J. ed. 2017. The Movements of Movements. Part 1: What Makes Us Move? New Delhi: PM Press. 688 p.

The Global Risks Report 2018. Geneva: World Economic Forum. URL: www.weforum.org/risks [Дата посещения: 11.02.2019].

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.554

Is Social Forecasting of the Mobile World's Dynamics Currently Possible?

Oleg N. Yanitsky

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

For citation: Yanitsky, O. N. Is social forecasting of the mobile world's dynamics currently possible?. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 11–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.554>

Abstract. Based on Soviet sociologists being able to predict the fall of the USSR in the mid 1980's, the author of this article seeks to understand whether social forecasting is possible in our unstable and constantly changing modern world. Relying on the theoretical work of Russian and Western sociologists conducted in the 2000's, including his own research and his participation in three international projects, the author of this article demonstrates that to this day a dichotomous approach prevails in prognostic studies. Such an approach to analysis is preferred by most Anglo-Saxon scientists who study globalization. The article also examines the theoretical-methodological trends being developed outside the boundaries of the aforementioned dichotomous analysis by researchers from third-world countries. For example, subject to analysis is the heuristic potential of analyzing modern globalization as a self-organizing "movement of the movements", as well as the need for interdisciplinary and metabolic analysis. Special attention is devoted to changes on the micro-level, in other words, to the position and lifestyle of an individual under conditions of fluid modernization. The article is concluded by certain specific considerations on the author's part concerning the type and nature of the theory and methodology, which allow for adequately analyzing and predicting the dynamics of our modern non-equilibrium and mobile world. Analyzed are the methodological contradictions between social and physical sciences in their ideas and approaches when it comes to criteria and methods for predicting the dynamics of the globalized world.

Keywords: globalization, dichotomy approach, individual, interdisciplinary and metabolic analyses, the 'movement of movements' methodology, social forecasting, theory and methods, Russian sociology.

References

Alekseev A. N. Ozhidali li peremen? (iz materialov ekspertnogo oprosa rubezha 1970–80-kh godov) [Did you expect changes? (on the results of the expert survey on the turn of 1970-80-ies)]. Vols. 1 and 2. Leningrad: Institut sotziologii AN SSSR, Leningradsky filial. 1991.

Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*, 2008, no 23 (4), pp. 488–513.

Bauman Z. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. London, Social Europe Edition, 2017. 163 p.

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Moscow, Logos, 2002. 323 p.

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Moscow–Saint-Petersburg, Piter, 2008. 208 p.

Bauman Z., Raud R. Practices of Selfhood. Malden (MA), Polity Press, 2015. 153 p.

Boudreau J., Davis D. Introduction: A processual approach to informalization. *Current Sociology*, 2017, vol. 65, no 2, Monograph (1), pp. 151–166.

Joss S. Future cities: asserting public governance. Palgrave Communications: humanities, social sciences, business, 2018, april 3. DOI: 10.1057/s41599-018-0087-7

Kaldor M., Anheier H., Glasius M., eds. Global Civil Society Yearbook. Oxford (UK), Oxford University Press, 2003.

Kravchenko S.A. Mosty, soedinyayushchie vsevozmozhnye raskoly sotziologii radi bolee ravnogo mira [Bridges connecting all possible cleavages in sociology for a more equal world]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 2 (370), pp. 12–20.

Novikova A. A. Prirodnaya katastrofa v Yaponii i ee posledstviya (Fukusima – 2011 g.) [Natural disaster in Japan and its consequences (Fukushima –2011)]. Moscow, ISSS RAS, 2013. 40 p.

Sen J. ed. The Movements of Movements. Part 1: What Makes Us Move? New Delhi, PM Press, 2017. 688 p.

Somov V. A. Fenomen sovetskosti: istoriko-kul'turniy aspekt [Sociology of Sovietness: historical and cultural aspects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 2 (370), pp. 29–37.

The Global Risks Report 2018. Geneva, World Economic Forum. URL: www.weforum.org/risks [date of visit: 11.02.2019].

ТЕМА НОМЕРА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.555

«Зимняя вишня» и полигон «Ядрово» как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного

Ссылка для цитирования: Никитина Б. А. «Зимняя вишня» и полигон «Ядрово» как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 29–61. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.555>

For citation: Nikitina, B. A. “Zimnyaya Vishnya” and the “Yardovo” landfill as two sides of the same coin: difficulties in comprehending the obvious. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 29–61. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.555>



Никитина Бэла Анатольевна

Самарский государственный
экономический университет,
Самара, Россия

belanik@yandex.ru

«Зимняя вишня» и полигон «Ядрово» как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного

Аннотация. Кризис в системе обращения с ТБО пришёл в Россию позже, чем в развитые страны, в связи с тем, что в период социализма повседневное потребление было ограничено дефицитом товаров. После перехода страны на рельсы капитализма, особенно в «тучные» годы, российское население стало компенсировать свою прежнюю депривированность, активно занявшись потреблением без оглядки на экологические последствия. Причиной такого поведения стала специфическая система ценностей населения, предопределённая историей страны. В то же время система государственного управления игнорировала необходимость формирования системы обращения с отходами, которая была бы адекватна изменившемуся образу жизни населения. Очевидно, что кризис в этой сфере назревал, но его формы оказались неожиданными для государственных и муниципальных менеджеров. В этой связи принимаемые ими решения носят глубоко ошибочный или недостаточный характер, который не приближает общество к устойчивому состоянию, но лишь откладывает решение проблемы. Реальное изменение ситуации должно начинаться не там, где находится конец жизненного цикла товаров, а там, где он начинается. Поэтому важен опыт стран Европы, где в социальную и экономическую жизнь активно внедряются принципы циркулярной (циклической) экономики, предполагающей, что товары могут быть не только куплены, но и починены, использованы вторично, модернизированы, переданы или перепроданы и т. д. Для реализации этих действий нужна специфическая инфраструктура, важной частью которой является интернет. Уже сейчас спонтанно развиваются шеринговые платформы для обмена и/или безвозмездной передачи, однако этого недостаточно. По аналогии с дворцами сверхпотребления типа торгового центра «Зимняя вишня» должны появиться рассредоточенные площадки для просьюмеризма, где люди будут заниматься различными стадиями воспроизводства предметов для личного или общественного пользования. Такие общественные пространства позволят развивать виды деятельности, сплачивающие локальные сообщества, семейные группы, а также преодолевающие отчуждение потребителей от производимых товаров за счёт развития понимания их устройства и жизненного цикла воспроизводства. Одним из условий или формой проявления трансформации образа жизни социума станет изменение городской инфраструктуры и уход от практик массового централизованного потребления, что будет снижать техногенные и экологические риски и повышать качество жизни населения.

Ключевые слова: торговые центры, общество потребления, сверхпотребление, транspotребление, система обращения с отходами, твёрдые коммунальные отходы, просьюмеризм, циклическая/циркулярная экономика

Весна 2018 г. стала временем, когда в России произошло несколько трагических событий, причины и взаимосвязь между которыми не была, на наш взгляд, в достаточной степени отрефлексирована в общественном дискурсе. Речь идёт о пожаре в ТЦ «Зимняя вишня» в г. Кемерово, отличительной особенностью которого был состав погибших (большинство – дети), и события в подмосковном г. Волоколамск, а именно – выбросы свалочного газа на полигоне ТКО «Ядрово», вызвавшие массовые отравления местных жителей. В последнем случае также более заметно пострадали дети, а ситуация в целом вылилась в активную протестную кампанию населения против надвигающегося из Москвы вала бытовых отходов. Кризис в Волоколамске стал наиболее ярким проявлением системного кризиса обращения с отходами в стране, а особенно вокруг Москвы как крупнейшего центра сверхпотребления в России.

Несмотря на хронологическую близость этих происшествий, в общественном дискурсе совершенно не прозвучало выводов о том, что торговый центр и свалка бытовых отходов – это начало и конец единого процесса экстенсивного роста экономики в её существующем линейном режиме по модели «trademills». И это не удивительно на фоне ухода экологической проблематики в тень в условиях доминирования повестки дня, навязываемой современным российским государством. Поэтому критический анализ ситуации, рефлексия над превращением моллов в один из центров удовольствия для большей части россиян на фоне снижения их социально-экологической активности, является крайне актуальным как в практическом, так и в теоретическом приложении. Именно в этом контексте была написана статья¹, целью которой стало рассмотрение причин торможения развития сферы обращения с бытовыми отходами в современной России как процесса, сопряжённого с развитием общества потребления и государственного капитализма, снижающего заинтересованность и ответственность государства за развитие социальной сферы и урегулирование экологических проблем.

Предметом исследовательского внимания в статье стали механизмы стимулирования сверхпотребления в современном российском обществе, вызывающие интенсификацию производства бытовых отходов, в контексте развития государственного капитализма, а также существующие альтернативные модели производства и потребления, снижающие остроту социально-экологических противоречий.

Исследование осуществляется в рамках многолетней работы автора в сфере анализа развития системы обращения с отходами в Российской Федерации, а также в ходе разработки темы экологической роли развития шеринговой и циркулярной экономики в современном обществе, поддержанной финансированием регионального конкурса РФФИ.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-411-630003

Система обращения с отходами в России: социальные основания стагнации

Наиболее продуктивным выводом из развития событий весны 2018 г., который могли бы сделать представители органов власти, бизнеса и гражданского общества, было бы осознание необходимости срочного принятия нетривиальных и комплексных мер, позволяющих действительно затормозить «мусорное цунами» вместо обычного осуществления бюрократических манипуляций в этой сфере. Как минимум на всех возможных дискуссионных площадках должен был публично обсуждаться не только сам факт достижения крупными российскими городами (особенно Москвой) критической черты в сфере обращения с бытовыми отходами, но и причины, приведшие к этому кризису, и перечень всех возможных мер по его преодолению. Вместо этого, в противовес общим тенденциям нарастания прозрачности и открытости в обществе, в России экологическая статистика, особенно данные относительно твёрдых коммунальных отходов, фактически скрываются, в том числе с помощью юридических инструментов: так, в 2014 г. законодатель вводит вместо устоявшегося термина «твёрдые бытовые отходы» (ТБО) понятие «твёрдые коммунальные отходы» (ТКО)¹, что влечёт за собой, казалось бы, незначительное переопределение их состава, но приводит к фактическому коллапсу статистических наблюдений в этой сфере. В результате в публичном пространстве невозможно найти динамические ряды образования ТКО по субъектам РФ ни на сайте Росстата, ни в Ежегодных докладах о состоянии окружающей среды в России. Более того, некорректные и несовпадающие данные регулярно озвучиваются высокопоставленными чиновниками на правительственных мероприятиях с последующей их публикацией на сайте kremlin.ru [Думнов 2018].

С начала текущего века законодательство в сфере обращения с отходами реформируется постоянно, но судя по нарастанию объёма отходов – безрезультатно. К 2019 г. субъект РФ должен был разработать «Территориальную схему обращения с отходами» (хотя многие делают это уже не в первый раз), представив её в электронном виде, а также назначить регионального оператора ТКО, призванного определить нормативы образования ТКО и тарифы оплаты услуг по обращению с ТКО. Как ни странно, именно столица оказалась наименее готовой к решению проблемы, о чём свидетельствует принятие Федерального закона от 25.12.2018 N 483-ФЗ «О внесении изменений в статью 29.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления»², в котором переход на новую схему обращения с отходами для Москвы, Санкт-Петербурга

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2014. N 458-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об отходах производства и потребления». 2014 // Российская газета. 31.12.2014. URL: <https://rg.ru/2014/12/31/othody-dok.html> [Дата посещения: 21.11.2018].

² Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2018. N 483-ФЗ «О внесении изменений в статью 29.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления». 2018 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303481 [Дата посещения: 21.11.2018].

и Севастополя откладывается до 2021 г. Ещё одним свидетельством неготовности правительства Москвы к окончанию периода откладывания решения проблемы ТКО, стало неожиданное появление проекта по созданию экотехнопарка «Шиес» в Архангельской области для складирования вывозимых из Москвы ТКО¹, что по длине плеча транспортных перевозок является уникальным решением.

Причины торможения решения проблемы в России, бесспорно, имеют много общего с ситуацией в мире в целом, а именно – бурное развитие линейного «trademill» капитализма. Однако в нашем случае, причинами столь исторически быстрого разворачивания «мусорного кризиса» на наших глазах следует считать следующие три:

- быстрый переход от социалистической модели экономики к капиталистической;
- большая территория страны;
- значительные запасы минерально-сырьевых ресурсов.

В связи с тем, что потребление, а значит, количество бытового мусора, в советской экономике дефицита было достаточно скудным, население и управленческие структуры долго не воспринимали проблему разрастания свалок всерьёз. Если первые две причины очевидны, то роль «нефтяного проклятия» является несколько менее понятной, что требует некоторых пояснений.

Несмотря на массу проблем статистического учёта, о которых говорилось выше, всё же объём производства отходов жителями Москвы не отличается кардинально от объёмов производства ТКО в расчёте на душу населения в других субъектах Федерации, особенно если речь идёт о крупных городах. Если считать, что в целом в России в 2017 г. произведено 274,5 млн куб. м., а ТКО москвичей составляют 248 млн куб. м.², то доля коммунальных отходов москвичей (примерно 8,5% общего объёма ТКО) идеально соответствует доле москвичей среди населения России в целом (также 8,5%).

Проблема состоит в том, что обычной практикой для российских крупных городов является вынос ТКО в ближайшие пригороды, однако Подмосковье уже давно стало частью Москвы, по-прежнему привлекая мигрантов. Более того, в силу близости Москвы оно стало одним из самых быстрорастущих мест в России. Сегодня население Московской области составляет 5% населения России в целом, однако количество отходов, которое оно производит, ненамного отстаёт от количества ТКО Москвы и составляет 22 млн куб. м., или около 8% всех ТКО в России.

¹ Как пробудить спящих гигантов? 2017. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/2017130114> [Дата посещения: 20.05.2018].

² Сведения об образовании, использовании, обезвреживании, транспортировании и размещении отходов производства и потребления по форме 2-ТП (отходы), систематизированные по городам Российской Федерации за год. 2017 // Росприроднадзор. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. 2017. URL: <http://rpn.gov.ru/opendata/7703381225-rpnstatf2tpcities> [Дата посещения: 15.12.2018].

Не углубляясь в дискуссию относительно того, является ли в действительности организация быта жителей Московской области самой отходоёмкой во всей стране или же это результат экстернального переноса проблемы из Москвы, укажем, что в целом корнем проблемы является сверхконцентрация населения в регионе, привлекательном более высоким уровнем жизни и более благоприятными жизненными перспективами. В свою очередь, более высокий уровень населения связан с протеканием через Москву основных финансовых потоков, во многом обусловленным особенностями российской экономики, которая носит петрократический характер [Зубаревич 2018].

Высокий уровень жизни москвичей, конечно, должен был положительно отразиться на организации системы обращения с отходами, а также на их готовности к более экологически дружественным практикам в связи с развитием универсалистских ценностей. Предположение о более высоком уровне развития экологической культуры москвичей, чем уровень государственного и муниципального менеджмента отходов в столице, подтверждается множеством гражданских инициатив по раздельному сбору мусора в городе. Ссылки же на то, что население не готово к экологически дружественным практикам, базируются на представлении о неоднородности московской популяции [Вендина 2013], что обусловлено притоком приезжих с более «приземлённой» системой ценностей, оставляющих экологическую мотивацию далеко позади.

Однако более важным и недооценённым является тот факт, что внедрение раздельного сбора отходов как основы не только для вторичного использования сырья, но и возможности организации безопасного сжигания некоторых их фракций, является хоть и необходимой, но уже явно недостаточной мерой. Используя преимущества запоздалой модернизации, правительству следовало бы переходить сразу к реализации инновационных идей, таких как внедрение циркулярной (или циклической) экономики, замыкающей потоки товаров и отходов по множеству контуров одновременно. При этом организация раздельного сбора отходов для использования вторсырья и рекуперации энергии – это лишь часть модели циклической экономики, но для России даже этот уровень пока закрыт, поскольку само понятие рециклинга как отдельного, самостоятельного и однозначно понимаемого вида деятельности в 2014 г. вполне сознательно было исключено из федерального законодательства [Никитина 2017].

Одной из неотъемлемых идей циклической экономики является идея сокращения потребления сырья и товаров без снижения качества жизни населения. Этот принцип в англоязычной терминологии называется REDUCE и он входит в триаду наиболее известных методов снижения объёма образования отходов наряду с такими принципами, как RECYCLE (используй вторсырьё) и REUSE (используй повторно сами вещи). Отметим, что идея о снижении объёма потребления воспринимается российскими гражданами достаточно скептически, даже если контекст, в котором задаётся вопрос, носит экологический характер. Так, к примеру, по данным опросов ФОМ [Состояние экологии... 2018],

граждане готовы покупать более экологически дружелюбные товары и даже по более высокой цене, участвовать в субботниках и раздельном сборе мусора, однако в большей степени они готовы проявить активность тогда, когда товары уже стали отходами. Однако лишь 13 против 55% респондентов одобряют потребительские ограничения; например, запрет использования бесплатных пакетов, что предотвращает само появление новых отходов. Что касается ресурсосбережения в целом, то в упомянутом исследовании лишь 1% респондентов в рамках ответов на открытый вопрос заявили о своей готовности экономить воду и электроэнергию из экологических соображений [Состояние экологии... 2018]. В этой связи неудивительна бурная негативная реакция интернет-пользователей на издание летом 2018 г. чувашским отделением партии «Единая Россия» брошюры «Экономим с умом! Как платить меньше за услуги ЖКХ или энергосбережение у вас дома» в помощь малообеспеченным группам населения¹. Несмотря на то, что брошюра очень близка к материалам по образованию устойчивого развития в области, экопросветительские выступления экологов никогда не встречали такого агрессивного неприятия. В контексте же риторики, рассматривающей экономию ресурсов как ответ на общее снижение уровня доходов населения, предлагаемые рекомендации стали поводом для бурного возмущения в социальных сетях. Причина этого состоит в очевидности того факта, что текущее сокращение трудовых доходов населения никак не может быть компенсировано мерами энерго- и ресурсосбережения, поскольку ресурсы в России всё ещё стоят намного дешевле, чем труд, низкая стоимость которого является бичом и ещё одним проявлением ресурсозависимого типа развития России.

Кроме того, этот эпизод говорит о важности культурного и ценностного контекста при вторжении тех или иных инноваций в повседневную жизнь населения. К примеру, вторжение интернет-практик в сферу социального и медицинского обслуживания, несмотря на трудность в обеспечении доступности для ряда социальных групп, практически никогда не воспринимается населением в штыки, поскольку рассматривается как символ прогресса и публичного блага в перспективе. Однако в случае с брошюрой «Единой России», ресурсосбережение в общественном сознании имело больше коннотаций с экономической депривацией, нежели с экологическими аспектами жизнедеятельности. Очевидно, что люди, имеющие более универалистскую систему ценностей, в большей степени обеспокоены влиянием своего образа жизни и потребления на окружающую среду, однако для развития такой системы ценностей важно иметь не только удовлетворённые базовые потребности, но и социальную среду, ориентированную на сходные ценности [Starr 2009], материальные/финансовые возможности для проявления экологической и этической чувствительности [Инглхарт, Вельцель 2011], а также развитые социаль-

¹ Экономим с умом! Как платить меньше за услуги ЖКХ или энергосбережение у вас дома. 2018. URL: https://cdn.fontanka.ru/mm/items/2018/11/29/0151/ekonomim_s_umom_01.pdf [Дата посещения: 18.1.2018].

ные институты, к числу которых относятся не только нормы и традиции, но и инфраструктура, позволяющая реализовывать экологически дружелюбные практики [D'Astous et al. 2009; Eckhardt et al. 2010].

Приверженность к реализации практик ресурсо- и энергосбережения, сопряжённая с более высоким уровнем экологической озабоченности, не связана напрямую с понижением качества жизни, чего опасаются в первую очередь наименее обеспеченные группы населения, в представлениях которых именно объём потребляемых ресурсов главным образом определяет качество жизни. Как известно, наименьшее количество ресурсов сегодня потребляют энерго-пассивные и/или умные дома, самым экономичным транспортным средством является автомобиль с гибридным двигателем, а меньше всего пищевых отходов производит человек, питающийся вне дома. Очевидно, что малообеспеченным гражданам, сомневающимся в собственной способности удовлетворить свои базовые потребности здесь и сейчас, экологически дружелюбная альтернатива их образу жизни представляется не в образе этой футуристической зарисовки, а, скорее, как дауншифтинг и переход на натуральное хозяйство со всеми его издержками и рисками. Здесь мы придерживаемся теории модернизации ценностей К. Вельцеля и Р. Инглхарта, которая гласит, что люди начинают удовлетворять потребности универалистского свойства, только достигнув устойчивого насыщения базовых потребностей, при этом чаще не в первом поколении «удовлетворённых», а лишь в поколениях их детей и внуков [Инглхарт, Вельцель 2011].

Что касается насыщения базовых потребностей, то обратим внимание, что это не только стабильное самообеспечение индивида едой и жильём, его способность создать и поддерживать материально устойчивое семейное хозяйство. Подчёркнём, что само ощущение безопасности и устойчивости – это тоже одна из базовых потребностей. Ощущают ли современные россияне себя уверенными в завтрашнем дне? В том, что у них будет крыша над головой, достаточный доход, если не экономить на самом необходимом? Даже если они ощущают себя именно так, то подсознательный страх может быть заложен в них поколением родителей, поэтому практики сверхпотребления для них зачастую являются тестированием своих способностей к поддержанию желаемого качества даже «без экономии», а демонстративное потребление помогает подкрепить уверенность за счёт мнения окружающих.

Лишь более обеспеченные в поколениях группы населения, получившие более высокий уровень образования, расширяют горизонты своего мировоззрения до такой стадии, когда они начинают понимать прелесть самореализации и ценить радость от удовлетворения социальных потребностей более высокого уровня, таких как творческое общение, интеллектуальное взаимодействие, решение сложных когнитивных и онтологических проблем.

Однако до этой стадии потребности менее благополучных социальных групп могут быть редуцированы к потреблению максимального количества материальных благ, их запасанию «на чёрный день», снижению

тревожности за счёт обеспечения символического благополучия. С другой стороны, для таких групп неотложность решения конкретных личных и/или социальных проблем в условиях ограниченных материальных/физических/финансовых возможностей и отсутствия экологически дружественных альтернатив также могут служить фактором снижения чувствительности к экологически негативным аспектам сверхпотребления.

Торговые центры как проводники «дешёвого» потребления

Для большей части населения в современном российском обществе наиболее простое и понятное представление о высоком качестве жизни и соответствующем ему характере потребления связано именно с теми самыми торгово-развлекательными объектами индустриального масштаба (например, ТЦ «Зимняя вишня»), которые унифицируют потребителя, превращая его в транспортное звено между свалкой и гипермаркетом, когда пакеты с товарами в немного изменённом виде перекачываются через несколько дней после покупки в мусорные баки, а оттуда на полигоны ТКО. Такая модель потребительского поведения включает потребление относительно дешёвых товаров, сравнительно малобюджетный досуг, но и более низкую стоимость и ценность свободного времени, слабо рефлексивное отношение к собственному здоровью и человеческому капиталу.

На наш взгляд, проведение времени в торгово-развлекательных центрах можно назвать «дешёвым или малобюджетным досугом», хотя речь здесь не идёт о том, что в него вовлечены самые бедные группы населения, которые, по многочисленным наблюдениям, достаточно прочно изолированы от ТЦ бронёй социальной эксклюзии. Речь идёт о том, что у представителей «среднего класса», особенно его периферии, являющихся основными посетителями таких заведений, намеренно формируется привычка к пассивному потреблению как идеальному времяпрепровождению, что делает минимальный вклад в развитие человеческого и социального капитала посетителей. Наоборот, занимая большую часть свободного времени, шоппинг понижает творческие способности и социальную активность населения, отвлекает от креативного потребления, коллаборативного творчества и образования, сокращая глубину социокультурного воспроизводства.

Возвращаясь к обстоятельствам, сделавшим случай в «Зимней вишне» столь трагическим, напомним, что при пожаре погибло много детей, которые остались одни, без взрослых в кинозале этого большого ТЦ, хотя родители были где-то неподалёку. Причиной такого разделения детей и родителей является отсутствие предмета для совместной семейной деятельности: ТЦ примечательны ещё и тем, что намеренно освобождают руки родителям для предоставления возможностей полноценного шоппинга, развлекая в это время детей разнообразными спо-

собами. При этом сам миф о «семейности времяпровождения» состоит преимущественно в совместном физическом перемещении в ТЦ и, возможно, совместном посещении фудкорта. В остальном дети и родители имеют мало общих интересов; более того, в появлении этой общности родителей и детей маркетологи не заинтересованы, так как это может отвлекать взрослых от шоппинга. Несмотря на то, что наличие больших колясок для товаров в самих супермаркетах делает возможным взять с собой детей, общение с ними происходит лишь в ходе осуществления покупок, что далеко не всегда оставляет обе стороны удовлетворёнными. Формирование детских комнат, зон и кинотеатров позиционируется в этих условиях в качестве удобства для родителей, при этом очевидно, что размещают такие зоны максимально далеко от входа в ТЦ, чтобы провести посетителей мимо максимального количества торговых площадей, провоцируя их на незапланированные покупки. Данная стратегия размещения объектов стала ещё одной дополнительной причиной большого количества жертв при пожаре в «Зимней вишне», затруднив доступ пожарных к детям и в то же время обнажив тот факт, что совместное посещение ТЦ вовсе не является эффективной формой семейного досуга.

Между тем, недавние исследования аудитории российских ТЦ показывают, что для всех опрошенных их посещение является регулярной практикой, вне зависимости от степени приверженности к шопингу. Более четверти посетителей испытывают значительный энтузиазм от пребывания в ТЦ, при этом большая часть из них ориентирована на то, чтобы развлечься самим и развлечь детей [Орехов 2015].

Сегодня популярны рассуждения о том, что торговые центры стали своеобразными институтами социализации, предоставляя новые, не существующие в других форматах торговли функциональные полезности – коммуникативную и социальную. Исследователи социальных аспектов деятельности ТЦ подчёркивают, что посетители получают моральное и эстетическое удовлетворение, развивают культуру потребления, формируют представления о достойном образе жизни, что даёт им возможность приобщиться к имиджу благополучного, самодостаточного, морально удовлетворённого человека [Пилипенко и др. 2009]. Действительно, помимо рекламы инновационных товаров, само устройство быта в ТЦ просвещает посетителей, демонстрируя им различного рода инновации. Некоторые крупные ТЦ предполагают даже проведение культурных и просветительских мероприятий, ориентируясь на привлечение новых категорий посетителей и закрепление приверженности старых. Однако не стоит забывать, что ключевой целью стратегии завоевания посетителей в ТЦ является стимулирование покупок всеми возможными способами. В частности, основной задачей маркетологов является активизация и расширение доступности демонстративного и символического потребления, под которым понимается не столько удовлетворение потребностей, сколько приобретение товаров вне зависимости от того, будут ли они употреблены по своему прямому функциональному назначению или

же останутся неиспользованными или недоиспользованными. Подобное отношение к покупкам становится распространённым в связи с тем, что сегодня для посетителей ТЦ речь уже не идёт об удовлетворении базовых потребностей. За символизмом потребления товаров, о котором говорит Ж. Бодрийар [Бодрийар 2001], кроется тот факт, что товары перестают напрямую удовлетворять реальные потребности, а делают это косвенно – в ходе удовлетворения потребностей более высокого порядка. Даже еда как таковая перестаёт быть направленной на удовлетворение голода, а превращается в нечто иное: десерт становится формой психологической поддержки, рыба рассматривается как терапевтическое средство – источник полезных жиров, а фруктовое меню превращается в символ ЗОЖ. То же самое касается приобретения товаров повседневного пользования.

Просьюмеризм как альтернатива шоппину: возможности альтернативного прочтения потребления как социокультурного процесса

Говоря о нарастании потребительской активности в современном обществе, обратим внимание на противоречие, которое существует в интерпретациях бытового и промышленного потребления, позволяющее дать более взвешенную социальную декомпозицию этого процесса в целом. Одним из первых исследователей потребления стал К. Маркс, который чётко указывал, что само по себе потребление не является однозначно деструктивным процессом, уничтожающим потребительскую ценность предметов (сырья, товаров, инструментов), а тесно переплетено с производством, фактически является его источником. Будучи продуктом своей эпохи, К. Маркс фокусировал своё внимание преимущественно на производственном процессе, в то время как сегодня более важным аспектом выглядит анализ повседневной бытовой жизнедеятельности человека, где потребление также не является окончательным процессом уничтожения потреблённого ресурса и его потребительской ценности. Потреблённые ресурсы превращаются либо в бытовые отходы, либо же становятся частью процесса культурного и социального воспроизводства, имеющего результатом не только изготовленные или самостоятельно доработанные вещи или произведённые услуги, но и развитие человеческого потенциала, являющегося в дальнейшем условием и базой развития общественной жизни.

Этот подход явно противостоит редукционизму некоторых интерпретаций процесса потребления, исключая из него развитие человеческого и социального капитала во избежание избыточного усложнения вопроса [Радаев 2005]. Это связано с особенностями воспроизводства высокого качества жизни в современном обществе, когда человеческий и социальный капиталы населения становятся его важнейшими условиями. Характер, стиль и тип потребления критиче-

ски важны, поскольку именно системность и имманентность взаимосвязи между производством и потреблением позволяет нам выделить на ткани социальной реальности устойчивое и самостоятельное явление – просьюмеризм.

Концепция просьюмеризма, предложенная А. Тоффлером [Тоффлер 2002] ещё в 1960-е гг., была незаслуженно мало, на наш взгляд, востребована вплоть до начала XXI в., когда её использование активизировалось в контексте развития информационно-цифровых технологий. Именно с этого момента стало более очевидным, что сама активность пользователя является частью процесса удовлетворения его потребностей, которые становится всё сложнее определить без его участия.

Классики маркетинга, указывающие путь к массовому вовлечению населения в потребительский процесс, выделяют несколько стадий в потребительском поведении, уделяя особое внимание периоду формирования у человека потребности, когда происходит не только более или менее подробное знакомство с товаром, но первичное получение информации о товаре как таковом, а также включение в самоидентификацию индивида представления о себе как потенциальном потребителе данного товара. Благодаря маркетинговым технологиям, предмет, приобретение которого ранее казалось человеку совершенно невыполнимым, представляется уже более доступным – например, с помощью продвижения кредитных программ, наглядно демонстрирующих незначительность ежемесячных взносов.

На практике в современном обществе активность коммерческих компаний, предшествующая покупке, гораздо выше, нежели на стадии, связанной с непосредственным использованием товаров. Конечно, для большинства товаров производители предусматривают возможности текущего обслуживания, а также ремонта и замены расходных частей товара, которые осуществляются в гарантийных центрах или на станциях обслуживания. В этих местах, как правило, выполняется достаточно ограниченный перечень операций, но никакой дополнительной информационной, образовательной работы, обучающих тренингов по части использования приобретённых товаров не предусматривается, хотя они становятся всё более сложными в использовании. Параллельной тенденцией является самоустранение потребителей от изучения инструкций, которые становятся, в свою очередь, всё более объёмными и сложными для понимания. Таким образом, потребители не знают большей части функциональных возможностей приобретённых товаров, не говоря уже об отсутствии представлений о жизненном цикле их производства, составе использованного для производства сырья, процессе последующей утилизации самого товара и его упаковки. Ещё меньше интересуют потребителей такие аспекты жизненного цикла товара, как место его производства и энергоёмкость, социальные, экологические и экономические условия труда рабочих. Словом, глобализация производства в современной экономике настолько затрудняет возможности осмысления «экологического

следа» товара и социальной ответственности его производителя, что отчуждение между потребителями и системой производства выглядит катастрофически непреодолимым.

На этом фоне особенно драматичным является сокращение стадии эксплуатации товара, времени его непосредственного использования для удовлетворения нужд человека в силу высокой конкуренции с другими товарами и услугами. Ещё одним конкурентом стадии потребления является стадия предпотребления, поскольку всё большее количество действий и времени покупателю нужно не только для реального приобретения товара (оформление чеков, гарантий, рассрочки, выплата кредитных платежей), но и для потенциального приобретения (тест-драйвы, посещения шоу-румов, примерки, поиск и прочтение отзывов потребителей и др.). В этом контексте возникает ощущение, что *термин «общество потребления» следует дезавуировать, заменив его терминами «общество покупок» или «общество шоппинга»*. Примечательно, что слова, описывающие ускоренное использование покупок и избавление от них, до сих пор не устоялись в русском языке, поэтому более близкое к реальному положению дел выражение «общество шоппинга и выбрасывания» или «общество покупок и ускоренного избавления от них» выглядят несколько неуклюже. Само же потребление как процесс более глубокого познания собственных потребностей покупателя и более полноценного использования им всех возможностей, заложенных производителем в произведённые товары, судя по всему, нуждается в развитии и поддержке со стороны соответствующих социальных институтов.

Будучи ориентированы на расширение стадии предпотребления, современные маркетинговые службы питают интерес совершенно иного рода в отношении стадии использования (или потребления) проданного ими продукта. Здесь продавцу наиболее выгодно сокращение времени удовлетворённости клиента своим последним приобретением и максимальное приближение стадии неудовлетворённости, в результате чего возникнет желание отказаться от потребления уже купленного продукта и перейти к следующему. Именно этой цели служит разработка разнообразных способов ускоренного устаревания продуктов (как физического, так и морального), незаметно встраиваемых в их дизайн. Так раскручивается маховик потребительства, сущностью которого является недопущение удовлетворения нужд потребителя, его вечная жажда, ускользание товара от своего собственника.

Одной из стратегий противостояния такому бессмысленному процессу потребления представляется концепция бережного или охранительного потребления (*custodious consumption*) Х. Шерье [Cherrier 2010], которая понимает процесс потребления не только как сохранение вещей, но и их коллекционирование, упорядочивание по определённым принципам, имеющим личностное значение для потребителя, и даже их модернизация. В её логике особенно интересен акцент на возможности получения наслаждения от такого способа потребления – в противовес более

простому ощущению удовлетворения покупателя, связанного с постоянным приобретением нового за счёт отказа и выбрасывания недавно приобретённых вещей. Несмотря на то, что переход к «охранительному потреблению» выглядит весьма привлекательным с точки зрения уменьшения «экологического следа» человечества, следует признать малую вероятность его распространения, как минимум в силу того, что такому типу потребления явно не хватает коммуникативной составляющей, которая содержится в престижном или демонстративном потреблении, двигающем современную индустрию.

К тому же большая внутренняя работа, связанная с «бережливым потреблением» в интерпретации Х. Шерье, ведёт к более эффективному использованию имеющихся ресурсов, по сути приближаясь к феномену просьюмеризма, определяемого нами как такое изменение характера потребления человека, при котором оно становится частью его работы и позволяет ему получать наиболее желанные формы товаров за счёт собственного активного участия в их дизайне. При таком подходе становится понятно, что максимальная индивидуализация продукта – это прерогатива самого потребителя, недоступная в случае его отчуждения от товара.

Современные технологии искусственного интеллекта, конечно, могут отследить привычки и потребности человека, однако для успешного выполнения поставленных задач робот/программа не только должен получить от потребителя всю информацию об его предпочтениях, но и знать о существовании широкого круга товаров, отвечающих его внутреннему запросу. В силу дороговизны подобных технологий в ближайшее время следует всё же ориентироваться на активность самого потребителя в «затачивании под себя» необходимых ему продуктов. С другой стороны, само понимание того, что именно хотелось бы приобрести, попытка протестировать товар, выявить его слабые и сильные стороны в приложении к собственным жизненным практикам, определить, насколько он реально необходим – всё это эффективнее познаётся в процессе социального взаимодействия, при обмене информацией об опыте использования конкретных товаров, проблемах и преимуществах их применения на социальном и индивидуальном уровне.

Именно эта часть просьюмеристского процесса становится всё более важной в современном обществе, количество продаж в котором нарастает, благодаря, в том числе, деятельности ТЦ как институтов развития сверхпотребления, стимулирующих рост неадекватных потребностей населения в фиктивно-демонстративных товарах.

Развитие просьюмеризма можно назвать сегодня одним из видов анти-консьюмеристской реакции общества, которое на разных уровнях и разными способами противостоит примитивному потребительству. Современное прочтение просьюмеризма рассматривает его как новый виток просьюмеризма прошлых эпох, хотя и приписывает ему бесспорно уникальные черты, связанные с развитием информационных технологий. В то же время в современных теориях подчёркивается реша-

ющая роль универсалистских ценностей и стремления к самореализации в рамках современного просьюмера. Особое внимание роли инновационных информационных технологий уделяется в концепции «творческого потребления», или «потребления как искусства», К. Кэмпбелла [Campbell 2005], в работах Д. Ритцера [Ritzer 2013], Н. Юргенсона [Jurgenson 2010], Д. Бира и Р. Барроуза [Beer, Burrows 2010]. В отличие от охранительного потребления Х. Шерье, которое в какой-то степени можно назвать возвратом к прошлому, эти авторы описывают просьюмеризм с акцентом на характеристики, явно связанные с будущим.

К их числу прежде всего отнесём удалённое участие просьюмеров в формировании продукта и даже приобретении и выборе товара. Так, современные потребители заменяют продавцов, изучая самостоятельно ассортимент товаров в интернете, кассиров – заказывая товары on-line, а также пользуясь системами самообслуживания в супер- и гипермаркетах. В кафе и гостиницах клиенты сами себя обслуживают, выбирая желаемые продукты и сервируя собственные блюда, выпекая вафли или блины самостоятельно в желаемом ими виде. Сегодня отдыхающие сами себе определяют маршруты, бронируют жильё и билеты, а пациенты контролируют давление, уровень глюкозы, холестерина, алкоголя в крови, могут определить беременность или бесплодие и др. Потребители пишут отзывы о товарах и дают рекомендации, беря на себя часть работы маркетологов и аналитиков, осуществляют банковские операции, заменяя работников банков. Интернет-пользователи в полном соответствии с идеями просьюмеризма выполняют гигантскую работу по производству, распространению, компилированию и модерации документальных и образовательных материалов. Кроме того, интернет-платформы дают возможность пользователям быть осознанными потребителями не только «здесь и сейчас», но и откладывая своё потребление при согласии стать инвесторами краудфандинговых проектов.

Развитие просьюмеризма имеет, бесспорно, негативные стороны, такие как сокращение рабочих мест, связанных с выполнением алгоритмизируемых видов деятельности, перекладывание части издержек на самих потребителей, что для некоторых из них является нежелательной нагрузкой. Однако следует отметить и позитивные аспекты процесса, а именно: преодоление отчуждения человека от производственного процесса, лучшее понимание того, что происходит в «слепой» для потребителя зоне, более серьёзное осмысление собственных потребностей и возможностей их удовлетворения. Стирание границ между работой и другими видами деятельности также предопределяет возможность получения бесплатных услуг и даже товаров [Alderete 2017], поскольку далеко не все стремятся коммодифицировать результат собственной самореализации.

Говоря о плюсах и минусах цифровизации потребления, обратим внимание на нехватку человеческих интеракций, которые минимизируются сегодня в крупных компаниях. Зачастую неудовлетворённость

потребителей вызывают несовершенные программы-роботы по информированию клиентов, которые не могут дать совет в неопределённой ситуации. Другим негативным аспектом иногда является физическое участие покупателей в пред-потреблении. Например, в крупных ТЦ персональное обслуживание клиентов сведено к минимуму – потребитель сам должен искать размер и цвет, доставать товар с полок, читать этикетки и бирки, изучать срок годности, при этом ему практически не к кому обратиться с нестандартными вопросами по поводу товаров. Это делает актуальным обращение к социальному опыту пользователей, которые уже имели дело с той или иной продукцией, снова возвращая потребителей в интернет в поиске репутационных отзывов. Однако как бы ни были разнообразны и красочны комментарии, потребители сегодня испытывают явную нехватку возможностей апробации тех или иных товаров, разнообразие которых делает затруднительным переходы от одной модели к другой без переходного периода. И в данном случае рациональным подходом была бы оценка издержек, связанных с освоением нового функционала или программного обеспечения товара (особенно если речь идёт об электронном гаджете), физических или механических особенностей его конфигурации, оригинальных инноваций при его практическом использовании, что явно требует «тест-драйва», на который согласны далеко не все производители, но что можно было бы получить в рамках социальной сети потребителей.

Таких «клубов потребителей» сегодня торговые центры не предлагают, вероятно, опасаясь снижения объёма продаж при более продуманном приобретении товаров, что противоречит основной цели существования ТЦ.

С другой стороны, моллы сегодня используют множество иных путей привлечения потребителей, в том числе предлагая им участие в дизайне собственного жилья или офисов, и даже в производственном процессе. Это не только грандиозные усилия ИКЕА для использования покупателей в качестве сборщиков, это и многочисленные сервисы таких строительных гипермаркетов, как «CASTORAMA» и «Leroy Merlin», которые сегодня предлагают разнообразную помощь в создании необходимых заготовок (а в европейских странах предоставляя оборудование и машины в краткосрочную аренду), а также продают широкий ассортимент полуфабрикатов и товаров для творчества.

Без сомнения, часть потребителей выбирает такие формы «самообслуживания» в целях экономии, но некоторая часть делает это исходя из постиндустриальных соображений: для самореализации, сплочения с семьёй и/или друзьями, в ходе совместного планирования, проектирования и дизайна, для совместного проведения времени, которое является одновременно и досугом. Таким образом, потребление ряда продуктов превращается в удовлетворение не только нужд в данном продукте, и не только необходимости в демонстративном потреблении, но и в удовлетворении социальных потребностей более высокого ранга.

Изменение локализации и форм бизнес-процессов: сервисизация экономики и её экологические аспекты

Итак, покупка совершена, товар доставлен по месту потребления, домой, в офис и т. д., где его может ожидать самая различная судьба – от интенсивного использования до забвения в нераспакованном виде. Так или иначе, большая часть активности, связанной с творческим освоением покупки, её модернизации и т. п. осуществляется за пределами ТЦ, в то время как внутри самого ТЦ потребление предположительно является более примитивным, сводимым к приобретению товаров и исключаящим элементы социальной активности и творчества.

Здесь следует отметить, что и сам процесс продаж в современном обществе также подвергается трансформации. Речь идёт не только об онлайн-продажах, гораздо более интересной тенденцией является сервисизация бизнеса, предполагающая переход от продажи товаров к продаже услуг, что являет собой превращение товаров лишь в элемент услуги, удовлетворяющей ту или иную потребность [Bellos et al. 2015]. В этой связи сегодня меняется сам бизнес, выходя за пределы линейной модели экономики: «изготовление (производство) – продажа (покупка) – эксплуатация (потребление) – утилизация (выбрасывание)», превращая отношение с потребителем в партнёрские отношения клиента и сервисной организации. Так, достаточно широко распространённым является предоставление сервисных услуг, заменяющих продажу товаров в обоих форматах: как B2B (business to business), так и B2C (business to client).

Примеры сервисизации продаж в формате B2B быстрее всего внедряются в таких сферах, которые имеют дело с прочными, объёмными и массивными объектами, которые клиенты предпочитают чинить, а не покупать заново. Постепенно услуги компаний, занимающихся починкой чужих изделий, начинают вытесняться сервисным обслуживанием компаний-производителей, которые далее, переосмыслив ситуацию, приходят к пониманию необходимости смены самого формата взаимодействия, что позволяет отказаться от реализации маркетинговых приёмов ускоренного устаревания продукции и перейти к воплощению идеи удлинения жизненного цикла товаров за счёт их более качественного обслуживания. Так, например, широко распространёнными сегодня стали услуги локомотивов, турбин, лифтов, эскалаторов и др. вместо их продажи [Buntz 2017], а немецкая компания «Kaiser Compressors» сегодня движется в направлении продажи сжатого воздуха как услуги, нежели компрессоров и насосов как оборудования¹. Весьма популярными примерами сегодня является инициатива компании Canon, которая с 2014 г. продаёт в Европе не сами аппараты, а лишь количество ксерокопий, сделанных на них, а также работает с клиентами в режиме починки,

¹ Рагимова С. Прибыль кубометрами // URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345857-pribyl-kubometrami> [Дата посещения: 11.12.2018].

модернизации и усовершенствования товаров, которые уже были в употреблении [Maintenance, Upgrades ... 2018]. Компания XEROX трансформировала свою коммерческую деятельность от продажи аппаратов к услуге копирования («Document Company»); IBM вместо производства персональных компьютеров стала компанией, предоставляющей информационные услуги; компания «Herman Miller» перестала быть просто производителем офисной мебели и стала услуговой фирмой по мебелировке офисных помещений; компания «Castrol» не продаёт больше смазочные материалы, а обслуживает клиентов этой сфере; Electrolux вместо продажи оборудования превратилась в сервисную структуру, обслуживающую компанию. Ещё одним примером является стратегия компании Филипс, которая вместо продажи лампочек предлагает комплексную услугу по освещению (Lighting Performance) [Bruin 2010].

Отметим, что приведённые примеры затрагивают уже не только бизнес как потребителя услуг, но и частных клиентов. В случае, когда сервисизация начинает затрагивать индивидуальное потребление, процесс покупки и эксплуатации начинает выходить за пределы собственно торговых площадей, также как и бизнес выходит за рамки супермаркета. Материальные потоки товаров начинают не просто отслеживаться после их покупки: товары начинают контролироваться бизнесом даже после их приобретения потребителем, что является важным шагом к формированию замкнутости материальных потоков, приближением к циклической экономике.

С появлением IoT (Internet of Things) в современных домах обслуживание бытовой техники станет не просто желательным, но и неизбежным, с чем справятся далеко не все пользователи. В этой связи всё более привлекательным станет покупка не самих вещей, а сервисов. Однако в связи с гибридностью «умных» вещей, которые частично являются материальными объектами, и их бытовой природой необходима будет их настройка под пользователя и наоборот, что потребует более длительного контакта производителя с потребителем. Онлайн-продажи и инсталляции оборудования на дому сделают посещение супермаркета умной электроники чем-то избыточным, однако общение с компанией-производителем по поводу инноваций, которые внедряются при обслуживании, может превратиться в новую образовательную программу.

Не может не быть очевидным и экологический аспект такой трансформации обращения с вещами. Концепция «расширенной ответственности производителя», которая теоретически сегодня действует уже и в России, предполагает заботу лишь о финальной стадии жизненного цикла продукта, совершенно не затрагивая вопросы возможностей его продления, которые во многом зависят от дизайна и формирования сопутствующей инфраструктуры в обществе.

За счёт программ шеринговой экономики меняется отношение к покупкам, при которых товары по большей степени становятся средством для реализации какой-либо деятельности потребителя, а не собственностью, лежащей мёртвым грузом в домохозяйстве. Фирмы пре-

имущественно ориентируются на предоставление возможностей для использования строительных и музыкальных инструментов, спортивного снаряжения, медицинских приборов, оборудования для различных видов творчества и т. п., а не на их продажу.

В этой связи существует реальная перспектива того, что торговые центры, которые по-прежнему будут ориентироваться на шоппинг, на стимулирование максимального потребления, будут обречены иметь негативную репутацию, а посещение их будет рассматриваться как символ низкого уровня культуры.

Понимание этого уже проникает в менеджмент таких крупных корпораций как, например, ныне транснациональная компания ИКЕА, которая, являясь собственником сети мегамоллов «МЕГА» в России, начала реализацию программ просвещения и социальной работы с потребителями¹. И хотя фудкорты этих мегамоллов по-прежнему полны фастфудом, а критерием эффективности их работы является количество продаж, эти программы теоретически претендуют на формирование культуры здоровья и экологическое просвещение населения.

Парадокс состоит в том, что на фоне деградировавшего в последние годы экологического образования в России даже такие ограниченные программы коммерческих корпораций выглядят достаточно прогрессивно. Несоответствие уровня развития международных корпораций и современного российского государственного менеджмента отходов ярко демонстрирует попытка разделения отходов по фракциям внутри мегамоллов, осуществляемая на фоне серьезного скепсиса россиян относительно способности существующей в государстве системы обращения с отходами эффективно перерабатывать собранное вторсырьё. Более охотно россияне верят в то, что реальную пользу приносят раздельно собираемые токсичные отходы, такие как отработанные батарейки и/или ртутные лампы. Здесь ТЦ также были пионерами организации раздельного сбора, принимая на себя не только ответственность за хранение этих отходов, но и расходы на их транспортировку в уникальные организации по их переработке².

В некоторых магазинах ИКЕА принимается старое постельное бельё. Также некоторые глобальные бренды участвуют в сборе старой и/или неиспользуемой одежды для дальнейшего её использования или утилизации. К примеру, компания Н&М, имеющая представительства в большинстве крупных ТЦ, осуществляет такую деятельность постоянно³. Здесь, конечно, следует напомнить, что, несмотря на позиционирование данных инициатив как экологически дружественных, по

¹ Отчет по экологии и социальной ответственности компании ИКЕА в России. 2017 финансовый год. 2018 // Официальный сайт IKEA Group. URL: https://www.ikea.com/ms/ru_RU/pdf/sustainability_report/Russia_Sustainability_Summary_2017.pdf [Дата посещения: 18.12.2018].

² Пресс-релиз. Компания ИКЕА возобновляет прием батареек. 2017 // Официальный сайт IKEA Group. URL: https://www.ikea.com/ms/ru_RU/about_ikea/press/press_releases/national/nat_161.html [Дата посещения: 16.11.2018].

³ Sustainability. 2018 // Официальный сайт Н&М Group. URL: <http://about.hm.com/en/sustainability.html> [Дата посещения: 16.11.2018].

сути они являются инструментом скрытого стимулирования потребления, так как предполагают вручение потребителю купонов на приобретение в дальнейшем товаров с определённой скидкой, учитывающей факт передачи им старой одежды (или постельного белья, как в ИКЕА).

Ключевой идеей этих инициатив является понимание того, что принесённые участниками акций предметы всё ещё несут в себе неиспользованную потребительскую полезность, но она полезна уже не столько для потребителя, сколько для самого производителя, который может её использовать неоднократно. В этом смысле ТЦ могут претендовать на то, что осуществляют экологическое просвещение потребителей, предоставляя возможности участия в рециклинге товаров. Но в это же время ТЦ вновь и вновь стимулируют сверхпотребление товаров повседневного спроса, что в полной мере декомпенсирует экологически дружественные практики участия в рециклинге товаров.

Действительно, повседневные бытовые товары, которые очевидно являются основной категорией, провоцирующей сверхпотребление в силу своей дешевизны и незначительности для бюджета покупателей, являются самым массовым типом товаров, протекающим через ТЦ. Именно эти предметы, выполненные из лёгких и объёмных материалов, преимущественно из пластика, бумаги, дерева и бамбука, чаще и быстрее всего выбрасываются потребителями, будучи предназначенными для одноразового использования. Одноразовость заложена в их дизайне, организованном по принципу невозможности многократного использования, который заложен в цене, адекватной подходу «не жалко купить – не жалко выбросить». Здесь ТЦ играют наиболее провоцирующую роль в развитии «лёгкого потребления», то есть такого типа отношения к покупкам, при котором ответственность за состояние окружающей среды не считается значимой или необходимой, если это мешает комфорту.

Но даже примитивный комфорт, понимаемый как пассивное потребление, доступен далеко не всем социальным группам, часть из которых не может обеспечить себе базовый уровень потребления. Если по итогам 2018 г. Росстат объявил, что количество россиян, находящихся за чертой бедности составляет 13,8%, то следует отметить, что даже законодательно в России признаётся незначительность суммы прожиточного минимума. В Федеральном законе № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» от 28 декабря 2017 г. выделена специальная группа малообеспеченных семей, чей подушевой доход составляет 1,5 прожиточного минимума работающего взрослого в регионе. Если же говорить о домохозяйствах, обладающих бюджетом развития, при котором лишь 50% доходов тратятся на самое необходимое, а остальные могут быть потрачены достаточно произвольно, то доля таковых составляла в 2017 г. лишь 28% [Как увеличить... 2018]. Отсюда следует, что значительная часть граждан современной России не имеют возможностей для полноценного удовлетворения своих витальных потребностей, в т. ч. и уверенности в завтрашнем дне. В условиях демонстративного социального неравенства и недостаточности социальных лифтов представители

социальных групп с неустойчивым экономическим положением, не имея потребностей в ряде товаров, необходимых для более образованных и информированных групп населения, прибегают к копированию престижного потребления [Аборвалова 2011], вызванного лишь желанием обладания, а не использования, что связано с ограниченностью возможностей рационализации собственных потребностей.

Наряду с этим можно указать, особенно среди российской молодёжи преимущественно столичных регионов, на такие тенденции, как развитие экологически дружественного потребления одежды, переход к так называемой «slow fashion», возврат к использованию handmade товаров, индивидуального креативного выбора, осознанное увеличение продолжительности жизненного цикла вещей [Gurova 2015]. Более универсальной в возрастном аспекте стала тенденция «кэжуализации», т. е. отказу людей от пристального внимания к тому, что они носят в повседневной жизни. Потребление вещей, которые приобретаются не в торговых центрах, отказ от посещения таковых сегодня уже рассматривается наиболее продвинутыми группами молодёжи как протестная антиконсьюмеристская тенденция.

Где же в таком случае антиконсьюмеристски настроенные люди приобретают вещи? Это могут быть магазины секонд-хенд, благотворительные организации, одежда может приобретаться у родственников и знакомых. Электронные гаджеты также занимают значительную долю рынка second-hand товаров. Так, в отчёте ассоциации «TechUK» за 2016 г. при обобщении данных по 12 европейским странам указывается, что 19% пользователей смартфонов передали свои гаджеты членам семьи или друзьям, когда покупали себе новые, ещё 10% продали старый аппарат через online-площадки, такие как eBay или Amazon Marketplace, отдали в благотворительные организации или передали производителям, сетевым провайдерам¹. И это не говоря о том, что сами компании-производители всё активнее занимаются сегодня восстановлением потребительских свойств своей продукции после первичного употребления. Так, в 2017 г. стало известно, что мировой рынок отремонтированных смартфонов вырос на 13%, достигнув около 140 млн гаджетов в сравнении с крупным рынком новых, более дешёвых смартфонов Android, который вырос всего на 3% за год, составив 33,8 млн гаджетов [Dilger 2018]. Организация такого круговорота электроники самим бизнесом возможно более перспективна и с технологической, и с экологической точек зрения. Однако в качестве отдельной петли, присущей циклической экономике, следует рассматривать и непосредственный социальный обмен, важный с точки зрения социально-экономической трансформации общества.

Заметим, что в России поток технических гаджетов перераспределяется между пользователями не в меньшем масштабе и когда речь идёт о социальных сетях родственников и друзей, и в случае продажи через

¹ Reuse | Repair | Remanufacture in the ICT Sector techUK report | June 2018 // URL: <https://www.techuk.org/insights/reports/item/13314-new-techuk-report-on-reuse-and-repair-of-tech-goods> [Дата посещения: 11.12.2018].

интернет. При этом ещё активнее через интернет-платформы происходит перераспределение одежды и самых разнообразных бытовых предметов, будучи как платным, так и бесплатным, как взаимовыгодным, так и благотворительным.

В таком случае процесс потребления теряет рыночные характеристики: он не потребует денег или потребует гораздо меньшее их количество, что компенсируется затратами времени на интернет-поиск и коммуникацию с контрагентами. Думается, что в условиях сокращения количества рабочих мест, связанной с развитием автоматизации и компьютеризации труда, когда в обществе всё настойчивее звучит идея об обеспечении минимальных ресурсов за счёт всеобщего базового основного дохода, использование человеческого потенциала для реализации альтернативных практик потребления может стать вполне приемлемой альтернативой трудовой занятости. При этом появившееся свободное время человек сможет потратить на поиск более адекватных его потребностям товаров, их более тщательный и рациональный отбор [Малахов 2018].

Большее внимание к товарам, их выбору позволяет осуществить *уход от отчуждения* как в отношении производственного процесса, так и относительно истории вещи, особенностей её использования, индивидуализации её эстетики, этических и социокультурных аспектов её существования. При таком подходе покупателя уже сложно назвать просто потребителем, он явно приобретает черты просьюмера, в руках которого получают особую ценность предметы с историей, с автографами; вещи, которые носят в сочетании с чем-то или в каких-то особенных ситуациях. Просьюмерами вещи модернизируются, дорабатываются, более подробно изучаются как для собственного использования, так и для возможной их продажи или передачи иным пользователям, которые могут быть как конечными, так и промежуточными.

Для такого типа обращения с вещами следует ввести специальный термин – *транс-потребление*, которое предполагает, что само использование вещей не является однозначным расходом их потребительской стоимости, а может приводить к её видоизменению или даже приращению, что выявляется при коммерческой или некоммерческой передаче данных вещей их новым владельцам в ходе последующих трансакций. При этом также происходит приращение человеческого и социального капитала¹ промежуточных и/или конечных пользователей вещей.

Одним из наиболее очевидных экологически дружественных последствий такого типа потребления является продление жизненного цикла вещей. Социальными же последствиями является развитие человеческого капитала потребителей, которые превращаются в просьюмеров, то есть осуществляют одновременно как функции потребителей, так и функции производителей товаров.

¹ В данном случае использование терминов человеческий и социальный капитал противоречит идее возможности выхода общества за пределы исключительно рыночной логики, поскольку сама концепция капитала основана на идее постоянного роста, в то время как развитие человеческой личности и её социальных характеристик происходит качественно, а не количественно. Однако обсуждение этих терминов выходит за рамки тематики данной статьи.

В зависимости от характера взаимодействия это может быть простая передача вещей от одного потребителя к другому, а также передача с последующей, предшествующей или совместной модернизацией предметов взаимодействующими сторонами, которые могут быть как индивидуальными субъектами, так и коллективными (такими, как благотворительные фонды или НКО).

В данной интерпретации идеи просьюмеризма мы сталкиваемся с активностью потребителей в соответствии с моделью C2C (client to client), которая на определённом этапе исключает взаимодействие с бизнесом и активизирует вторжение потребителя в сферу производства путём воспроизводства товаров, восстановления их прежних качеств, придания новых характеристик, соответствующих или несоответствующих предшествующей функциональности, трансформации их состояния и др. [Кузнецов, Максимов 2013].

Возможно, таким способом может быть преодолено отчуждение потребителя от процесса производства товаров, «расколдована» технология, которая обедняет понимание потребителями высокотехнологичных производственных процессов, позволяющих расширять горизонты творчества и собственных познаний [Аксенова, Халий 2018].

Активность потребителей на уровне C2C способствует также развитию социального доверия, так как, с одной стороны, позволяет опираться на опыт и рекомендации потребителя, уже имеющего опыт использования данных предметов, а с другой – ориентирует потребителя в море избыточных товаров, являющихся результатом сверхпроизводства.

Развитие просьюмеризма видится как весьма логичный, естественный процесс, имеющий свои предпосылки и последствия (как позитивные, так и негативные). Наиболее пугающим последствием развития просьюмеризма является уменьшение количества рабочих мест на рынке труда, однако само понятие труда должно быть подвержено переосмыслению в ситуации, когда он становится средством самореализации, а существующие у человека хобби – средством самообеспечения. Возможно, сокращение мест, где можно будет «трудиться», т. е. делать что-то для получения зарплаты, будет компенсировано появлением мест (специально организованных площадок с соответствующей инфраструктурой), где можно будет заниматься «любимым делом», удовлетворяя при этом целый спектр собственных потребностей.

Инфраструктура просьюмеризма как перспектива трансформации современного антропогенного ландшафта

Формирование специфических центров постиндустриальной активности, которые станут инфраструктурой просьюмеризма, является, вероятно, одним из условий его развития. Эта идея Д. Ритцера берёт начало в его критике К. Маркса, который, рассматривая производство и потребление как парные процессы, выделял и описывал средства произ-

водства в качестве сущностно важной категории, позволяющей осуществлять как производство товаров, так и контроль, а также эксплуатацию рабочих. Что касается средств потребления, то Маркс не описывал их, упоминая в своей схеме лишь конечные продукты потребления, что объясняется несопоставимо меньшим вниманием к потреблению как к социальной практике в тот исторический период. Сегодня же инфраструктура потребления представлена гигантскими сетевыми объектами типа ТЦ, складов и служб доставки. Аналогичной инфраструктуры для развития просьюмеризма пока не создано, но, как указывает Д. Ритцер, для полноценного развития подобных практик должны существовать соответствующие инфраструктурные объекты [Ritzer 2013]. Одним из важных условий существования современного просьюмеризма является интернет.

Помимо чисто виртуальных площадок, для развития просьюмеризма нужны и материальные условия, которые тесно связаны с идеями циклической экономики. Не ограничивая их перечень практиками рециклинга и повторного использования товаров и/или их частей, укажем на целый спектр видов деятельности, обращённых на повседневные бытовые практики. Это такие виды деятельности, как починка, обновление, модернизация вещей, переделка, использование их для изначально непредвиденных целей, в качестве деталей для починки других предметов, для творческого применения при создании декоративных и символических объектов и др. По-английски все эти слова можно начать со слога RE-. Именно поэтому в европейских пособиях по обращению с отходами концепции многократного использования предметов называются 5-R, 7-R и даже 9-R подходами.

Заметим, что подобного рода инфраструктурные заведения являются неиндустриальными по своей сути, поскольку включают в себя совокупность самых разнообразных объектов и предметов, что исключает возможность применения по отношению к ним типовых технологических приёмов. С одной стороны, это вызывает озабоченность с точки зрения безопасности работы, например, сложных приборов и оборудования, о чём говорится в «Техническом отчёте по развитию циркулярной экономики», разработанном в 2018 г. в Великобритании¹. С другой – отсутствие жёстких технологических стандартов и необходимость понимания того, что собой представляют предметы, как они функционируют или функционировали, когда находились в рабочем состоянии, будет способствовать преодолению отчуждения человека от этих индустриально произведённых товаров через углубление познаний об их устройстве и жизненном цикле их производства.

Все эти практики можно реализовывать на уровне конкретного домохозяйства, но для их широкого распространения необходимо создание общественных пространств, где хранились бы невостребованные и переданные для дальнейшего использования предметы (мебель, посуда, электротехника и др.), где можно было бы найти необходимые инстру-

¹ Reuse | Repair | Remanufacture in the ICT Sector techUK report | June 2018 // URL: <https://www.techuk.org/insights/reports/item/13314-new-techuk-report-on-reuse-and-repair-of-tech-goods> [Дата посещения: 11.12.2018].

менты и вспомогательные материалы, а также получить консультационную помощь. Подобного рода пространства можно рассматривать как инфраструктуру *транс*-потребления, необходимую для развития деятельности по удлинению жизненного цикла товаров за счёт того, что к ним будут приложены социальная креативность и знания.

Для создания и функционирования подобного рода инфраструктурных объектов бесспорно нужны инвестиции, но они не будут требовать глобальных корпоративных проектов с запланированным на несколько лет периодом окупаемости. В отличие от централизованных корпоративных инвестиций, которые являются антиэкологичными по своей структуре, практики циркулярной и шеринговой экономики будут, вероятнее всего, децентрализованными, базирующимися на узловых платформах естественных социальных сетей, таких как образовательные, досуговые центры, кружки и клубы по интересам, группы социальной поддержки, краудфандинговые проекты, социально ориентированные предпринимательские инициативы, такие как арт- и крафт-мастерские, тайм-кафе и коворкинговые пространства, коллективные сады и фермы, кулинарные мастерские, оздоровительные секции и многое другое.

Пронизывающая социальную ткань населённых пунктов, такая инфраструктура не будет требовать специально предпринимаемых транспортных перемещений, связывающих семью или друзей. Находясь вблизи мест проживания, такие объекты будут обеспечивать усиление социальных связей в локальном сообществе, а также связывать творческой деятельностью близких людей, для которых досуг будет обогащён социальным и творческим содержанием, а результат станет значим для обеспечения насущных потребностей социального, духовного, материального и даже финансового характера.

Таким образом, крупный торговый центр, будь то «Зимняя вишня» или ИКЕА, как проявление индустриализованного потребления в ситуации перехода к обществу, основанному на постиндустриальной циркулярной экономике, имеет все перспективы раствориться, уступив место разнообразным, небольшим локальным структурам по проведению досуга, неформальному образованию населения, семейному взаимодействию, общественному потреблению, где невозможны серьёзные катастрофы, при которых люди могут пострадать от того, что они проводят время в виде атомизированной массы, отчуждённой от места нахождения, проводя время отдельно от детей, в среде бессмысленных симулякров благополучия, усиливая и без того нарастающие социальные, экологические и технологические риски.

Библиографический список

Аборвалова О. 2011. Торговые центры в социальном континууме городского пространства // ИСОМ. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovye-tsentry-v-sotsialnom-kontinume-gorodskogo-prostranstva> [Дата посещения: 11.12.2018].

Аксенова О. В., Халий И. А. 2018. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. № 24. С. 13–26. URL: http://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2018_24/Aksenova,Khaliy.pdf [Дата посещения: 11.12.2018]. doi: 10.19181/vis.2018.24.1.492

Бодрийар Ж. 2001. Система вещей. М.: РУДОМИНО. С. 214.

Вендина О. 2013. Две Москвы: мировоззрение москвичей и дифференциация городского пространства // Вестник института Кеннана. № 23. С. 87–100.

Думнов А. 2018. Статистика или игра в «цифирьки»? // Национальный портал «Природа России». URL: <http://www.priroda.ru/reviews/detail.php?ID=12112> [Дата посещения: 11.12.2018].

Зубаревич Н. 2018. Москва в гиперотрыве от страны // Веб-сайт «Полит.Ру». URL: <http://polit.ru/article/2018/03/06/moscow/> [Дата посещения: 12.12.2018].

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство. 464 с.

Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие / Под ред. Я. И. Кузьминова, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона. М.: ИД ВШЭ, 2018.

Кузнецов Д., Максимов М. 2013. Коллективный субъект антиконсюмеризма: к постановке проблемы // Философия и общество. № 2 (70). С. 100–119. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/fio/2013_2/100-119.pdf [Дата посещения: 17.12.2018].

Малахов С. 2018. Самоорганизация несовершенных рынков в условиях разброса цен: невидимая рука против праздного потребления // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 10. № 2. С. 6–24. DOI:10.17835/2076-6297.2018.10.2.006-025.

Никитина Б. 2017. Роль населения в организации обращения с коммунальными отходами: сравнительный анализ российских и европейских тенденций // Телескоп. № 6 (126) С. 34–40. URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/2017/2017-6-05.pdf> [Дата посещения: 11.09.2018].

Орехов Д. 2015. Исследование типов российских покупателей торговых центров // Известия СПбГЭУ. № 1 (91). С. 101–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tipov-rossiyskih-pokupateley-torgovyh-tsentrov> [Дата посещения: 20.12.2018].

Пилипенко Е., Габрук Е. 2009. Феномен торговых центров как отражение особенностей экономики знаний // Вестник ЧелГУ. № 3. С. 19–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-torgovyh-tsentrov-kak-otrazhenie-osobennostey-ekonomiki-znaniy> [Дата посещения: 17.12.2018].

Рагимова С. Прибыль кубометрами // URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345857-pribyl-kubometrami> [Дата посещения: 11.12.2018].

Радаев В. В. 2005. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ. 605 с.
Состояние экологии и включённость в экологические практики. 2018 // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14146> [Дата посещения: 11.12.2018].

Тоффлер Э. 2002. Третья волна. М.: АСТ. 557 с.

Alderete M. V. 2017. The Age of Prosumerism: Some Micro-Economic Analysis Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research Vol.12. № 3. URL: <https://dx.doi.org/10.4067/S0718-18762017000300002>

Beer D., Burrows R. 2010. Consumption, Prosumption and Participatory Web Cultures: An introduction // Journal of Consumer Culture. Vol. 10. Issue 1. P. 3–12. DOI:10.1177/1469540509354009.

Bellos I., Ferguson M. 2015. Moving from a Product-Based Economy to a Service-Based Economy for a More Sustainable Future URL: <https://mason.gmu.edu/~ibellos/bfchapter.pdf>. [Дата посещения: 11.12.2018].

Bruin H. de. 2010. Green Product Development: Key To Philips' Sustainability Policies. URL: <https://thegreentake.wordpress.com/2010/01/08/philips/> [Дата посещения: 18.12.2018].

Buntz B. 2017. 8 Strategies to Transition to a Product-as-a-Service Business Model. URL: <https://www.iotworldtoday.com/2017/06/14/8-strategies-transition-product-service-business-model> [Дата посещения: 10.01.2019].

Maintenance, Upgrades & Repairs. 2018. // Официальный сайт компании Canon URL: <https://www.canon-europe.com/pro/services/> [Дата посещения: 11.12.2018].

Cherrier H. 2010. Custodian Behavior: A Material Expression of Anti-consumerism // Consumption, Market & Culture. Vol. 3. P. 259–272. DOI: 10.1080/10253861003786983

Campbell C. 2005. The Craft Consumer. Culture, Craft and Consumption in a Postmodern Society // Journal of Consumer Culture. Vol. 5. № 1. P. 23–42. DOI: 10.1177/1469540505049843

D'Astous A., Legendre A. 2009. Understanding Consumers' Ethical Justifications: A Scale for Appraising Consumers' Reasons for Not Behaving Ethically // Journal of Business Ethics. Vol. 87. № 2. P. 255–268. DOI: 10.1007/s10551-008-9883-0

Dilger D. 2018. Refurbished, high-end iPhones are suffocating the growth of cheap new Androids. URL: <https://appleinsider.com/articles/18/03/14/refurbished-high-end-iphones-are-suffocating-the-growth-of-cheap-new-androids> [Дата посещения: 11.12.2018].

Eckhardt G. M., Belk R., Devinney T. M. 2010. Why don't consumers consume ethically? // Journal of Consumer Behaviour. Vol. 9. № 6. P. 426–436. DOI: 10.1002/cb.332

Gurova O. Fashion and the Consumer Revolution in Contemporary Russia. London: Routledge, 2015. 200 p.

Ritzer G. 2013. Prosumption: Evolution, revolution, or eternal return of the same? *Journal of Consumer Culture* Vol. 14 (1). P. 3–24. DOI: 10.1177/1469540513509641

Ritzer G., Jurgenson N. 2010. Production, Consumption, Prosumption. // *Journal of Consumer Culture*, Vol. 10 (1), P. 13–36. DOI: 10.1177/1469540509354673

Starr M. 2009. The social economics of ethical consumption: Theoretical considerations and empirical evidence // *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 38 (6). № 6. P. 916–925. DOI: 10.1016/j.socec.2009.07.006

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.555

“Zimnyaya Vishnya” and the “Yardovo” Landfill As Two Sides of the Same Coin: Difficulties in Comprehending the Obvious

Bela A. Nikitina

Samara State Economic University, Samara, Russia. E-mail: belanik@yandex.ru

For citation: Nikitina, B. A. “Zimnyaya Vishnya” and the “Yardovo” landfill as two sides of the same coin: difficulties in comprehending the obvious. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 29–61. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.555>

Abstract. Russia was affected by a waste management crisis at a later point than developed countries, due to the fact that during Soviet times everyday consumption was limited by a shortage of goods. After our country made the transition to capitalism, especially during the years of abundance, Russia’s population strived towards compensating the deprivation of the past by actively consuming goods with no regard for the affects on the environment. The reason for such behavior lies in the population’s peculiar system of values, defined by our country’s history. Meanwhile the government had been completely ignoring the need for developing a waste management system which would suit the people’s new lifestyle. It is quite obvious that such a crisis was imminent. However, its nature came as a surprise to government and municipal management. Due to this fact, the decisions they make are very much flawed, and they do not contribute to stability in our society, but rather postpone the resolution of the issue in question. Actual change to the situation lies not at the end of a product’s life cycle, but rather at its beginning. Which is why the experience of European nations must be taken into consideration, where they actively implement circular (cyclical) economy principles into social and economic activity. This means that goods can not only be purchased, but also repaired, reused, modernized, passed on or resold etc. In order to implement such actions, there is a need for specific infrastructure, with the internet being a key component of such. We are already witnessing the spontaneous advancement of sharing platforms, where people swap goods or give them away for free, but this is not enough. Similarly to centers of overconsumption such as the “Zimnyaya Vishnya” shopping mall, dispersed prosumerism platforms need to appear, where people would engage in the various stages of reproducing goods for personal or public use. Such public spaces would allow for developing activities which consolidate local communities and family groups, and which eliminate consumers’ detachment from produced goods by means of developing an understanding of their content and their reproduction life cycle. One of the conditions or manifestations of transforming society’s lifestyle would be a shift in city infrastructure, away from widespread centralized consumption. This would decrease the environmental and technological risks, as well as increase the population’s living standards.

Keywords: shopping malls, consumer society, over-consumption, trans consumption, waste management system, municipal solid waste, prosumerism, cyclical / circular economy.

References

Aborvalova O. Torgovye tsentry v sotsial’nom kontinuuume gorodskogo prostranstva [Shopping centers in the social continuum of urban space]. ISOM, 2011, no 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovye-tsentry-v-sotsialnom-kontinuuume-gorodskogo-prostranstva> [date of visit: 11.12.18].

Aksenova O. V., Khaliy I. A. *Sovremennoe razvitie. K postanovke temy issledovaniya* [Modern development. Towards designating a research topic]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2018, no 24, pp. 13–26. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.492

Bodriyar Zh. *Sistema veschey* [Le systeme des objets]. Moscow, RUDOMINO, 2001. 214 p.

Vendina O. *Dve Moskvy: mirovozzrenie moskvicey i differentsiatsiya gorodskogo prostranstva* [Two of Moscow: the world of Muscovites and differentiation of urban space]. *Vestnik instituta Kennana*, 2013, no 23, pp. 87–100.

Dumnov A. *Statistika ili igra v «tsifir'ki»?* [Statistics or numbers game?]. *Natsional'nyy portal «Priroda Rossii»*, 2018. URL: <http://www.priroda.ru/reviews/detail.php?ID=12112> [date of visit: 11.12.18].

Zubarevich N. *Moskva v giperotryve ot strany* [Moscow in a hyper-linked from the country]. 2018 // *Veb-sayt «Polit.Ru»*. URL: <http://polit.ru/article/2018/03/06/moscow/> [date of visit: 12.12.2018].

Inglehart R., Veltzel K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change and democracy: Consistency of human development]. Moscow, *Novoe izdatel'stvo*, 2011. 464 p.

Kak uvelichit' chelovecheskiy kapital i ego vklad v ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie [How to increase human capital and its contribution to economic and social development]. Ed. by Y. I. Kuz'minov, L. N. Ovcharova, L. I. Yakobson. Moscow, *NRU HSE publ.*, 2018.

Kuznetsov D., Maximov M. *Kollektivniy subjekt anti-kons'yumerizma: k postanovke problemy* [Collective agent of anti-consumerism: the problem statement]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2013, no 2 (70), pp. 100–119.

Malakhov S. *Samoorganizatsiya nesovershennykh rynkov v usloviyakh razbrosa tsen: nevidimaya ruka protiv prazdnogo potrebleniya* [Self-organization of imperfect markets in the face of price volatility: an invisible hand against idle consumption]. *Journal of Institutional Studies*, 2018, vol. 10, no 2, pp. 6–24. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.006-025.

Nikitina B. A. *Rol' naseleniya v organizatsii obrascheniya s kommunal'nymi otkhodami: sravnitel'nyy analiz rossiyskikh i evropeyskikh tendentsiy* [The role of the population in the organization of municipal waste management: a comparative analysis of Russian and European trends]. *Teleskop*, 2017, no 6 (126), pp. 34–40.

Orekhov D. *Issledovanie tipov rossiyskikh pokupateley torgovykh tsentrov* [Study of the types of Russian buyers of shopping centers]. *Izvestiya SPbGEU*, 2015, no 1 (91), pp. 101–105.

Pilipenko E., Gabruk E. *Fenomen torgovykh tsentrov kak otrazhenie osobennostey ekonomiki znaniy* [The phenomenon of shopping centers as a reflection of the knowledge economy]. *Vestnik CHelGU*, 2009, no 3, pp. 19–23.

Ragimova S. *Pribyl' kubometrami* [Profit in cubic meters]. *Forbes Russian Edition Official website*. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345857-pribyl-kubometrami> [date of visit: 11.12.2018].

Radaev V. V. *Economicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Moscow, *SU HSE publ.*, 2005. 605 p.

Sostoyanie ekologii i vkluchionnost' v ekologicheskie praktiki [State of the environment and involvement in environmental practices]. *Fond «Obshchestvennoe mnenie» Official website*. Release 18.12. 2018. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14146> [date of visit: 21.12.2018].

Toffler E. *Tretia volna* [The third wave]. Moscow, *AST publ.*, 2002. 557 p.

Alderete M. V. *The Age of Prosumerism: Some Micro-Economic Analysis* *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2017, vol. 12, no 3. DOI: 10.4067/S0718-18762017000300002

Beer D., Burrows R. *Consumption, Prosumption and Participatory Web Cultures: An introduction*. *Journal of Consumer Culture*, 2010, vol. 10, issue 1, pp. 3–12. DOI: 10.1177/1469540509354009

Bellos I., Ferguson M. *Moving from a Product-Based Economy to a Service-Based Economy for a More Sustainable Future*. *George Mason University official website*. URL: <https://mason.gmu.edu/~ibellos/bfchapter.pdf>. [date of visit: 11.12.2018].

Bruin H. de. *Green Product Development: Key to Philips' Sustainability Policies*. *The Greentake website*. Release 2010. URL: <https://thegreentake.wordpress.com/2010/01/08/philips/> [date of visit: 18.12.2018].

Buntz B. 8 Strategies to Transition to a Product-as-a-Service Business Model. IT World website. Release 2017. URL: <https://www.iotworldtoday.com/2017/06/14/8-strategies-transition-product-service-business-model> [date of visit: 10.01.2019].

Maintenance, Upgrades & Repairs. Canon corp. Official website. Release 2018. URL: <https://www.canon-europe.com/pro/services> [date of visit: 11.12.2018].

Cherrier H. Custodian Behavior: A Material Expression of Anti-consumerism. Consumption, Market & Culture, 2010, vol. 3, pp. 259–272. DOI:10.1080/10253861003786983

Campbell C. The Craft Consumer. Culture, Craft and Consumption in a Postmodern Society. Journal of Consumer Culture, 2005, vol. 5, no 1, pp. 23–42. DOI: 10.1177/1469540505049843

D'Astous A., Legendre A. Understanding Consumers' Ethical Justifications: A Scale for Appraising Consumers' Reasons for Not Behaving Ethically. Journal of Business Ethics, 2009, vol. 87, no 2, pp. 255–268. DOI: 10.1007/s10551-008-9883-0

Dilger D. Refurbished, high-end iPhones are suffocating the growth of cheap new Androids. Apple Insider website. Release 2018. URL: <https://appleinsider.com/articles/18/03/14/refurbished-high-end-iphones-are-suffocating-the-growth-of-cheap-new-androids> [date of visit: 11.12.2018].

Eckhardt G. M., Belk R., Devinney T. M. Why don't consumers consume ethically? Journal of Consumer Behaviour, 2010, vol. 9, no 6, pp. 426–436. DOI: 10.1002/cb.332

Gurova O. Fashion and the Consumer Revolution in Contemporary Russia. London, Routledge, 2015. 200 p.

Ritzer G. Prosumption: Evolution, revolution, or eternal return of the same? Journal of Consumer Culture, 2013, vol. 14 (1), pp. 3–24. DOI: 10.1177/1469540513509641

Ritzer G., Jurgenson N. Production, Consumption, Prosumption. Journal of Consumer Culture, 2010, vol. 10 (1), pp. 13–36. DOI: 10.1177/1469540509354673

Starr M. The social economics of ethical consumption: Theoretical considerations and empirical evidence. The Journal of Socio-Economics, 2009, vol. 38 (6), no 6, pp. 916–925. DOI: 10.1016/j.socec.2009.07.006

ТЕМА НОМЕРА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.556

Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан

Ссылка для цитирования: Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А. Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.556>

For citation: Gabdrakhmanova, G. F.; Sagdieva, E. A. The socio-cultural conditions for the adaptation of “new” ethnic groups in the Republic of Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.556>



Габдрахманова Гульнара Фаатовна

Институт истории им. Ш. Марджани,
Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

medi54375@mail.ru



Сагдиева Эльвина Азадовна

Институт истории им. Ш. Марджани,
Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

elvina_n@inbox.ru

Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан

Аннотация. Переписи рубежа XX–XXI вв. демонстрируют усиление этнического многообразия Татарстана. Миграция народов, давших название союзным республикам и государствам СНГ, простимулировала появление в регионе нетрадиционных этнических групп. Вопросы о том, почему одни их представители закрепляются в регионе, а другие нет, какие факторы на это влияют, мало изучены. Цель исследования¹ – выявить субъективные социокультурные условия процесса приживаемости представителей «новых» этнических групп Татарстана с разными сроками пребывания в республике. В 2016 г. авторами проведено исследование указанного процесса относительно таджиков и узбеков Республики Татарстан. Использована качественная стратегия (с применением метода интервью), предполагающая выявление наиболее типичных форм субъективного восприятия миграции (феноменологизм М. Вебера, А. Шюца, Э. Гуссерля, А. Бергсона). Материалы глубинных интервью показали, что длительность пребывания и отсутствие планов на выезд из региона вселения – недостаточные (а иногда и не работающие) признаки приживаемости мигрантов: при её измерении должны подключаться социокультурные характеристики прибывающих. Это их социализация в регионах исхода, миграционный опыт и причины переезда в РТ, наличие семьи и внутрисемейные связи, ощущение себя и своих детей гражданами РФ, глубина освоения культурных норм принимающего сообщества (включая владение местными языками), этническая идентичность и внутриэтнические сети. Анализ данных показателей позволил выделить три стратегии приживаемости таджиков и узбеков в Республике Татарстан. Первую представляют те, кто приехал в конце советского периода или в начале постсоветского. Это «старожилы». Таковыми не являются неприжившиеся, хотя и имеющие длительный, многократный опыт пребывания в республике. Они не имеют жилья, российского гражданства и не стремятся его приобрести, не осваивают культуру принимающего сообщества, часто живут обособленно, их семьи находятся в Таджикистане или Узбекистане. Промежуточное положение занимают мигранты, достаточно давно проживающие в Татарстане. У всех них имеется работа, у некоторых – собственное жильё, гражданство РФ, семьи живут вместе с ними. Такие информанты чувствуют культурную дистанцию с местными жителями, а Родиной считают регион исхода. Несмотря на разную степень приживаемости (или её отсутствие), всех обследованных мигрантов объединяет ислам как одно из важных мотивационных условий миграции.

Ключевые слова: мигранты, Татарстан, таджики, узбеки, приживаемость, социокультурные особенности

¹ Статья подготовлена по Государственной программе РТ «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 годы».

Татарстан – полиэтничный регион, в котором несколько столетий проживают тюркские, финно-угорские, славянские народы. Этническая палитра республики стала более пёстрой в 1960–80-е гг., когда были зафиксированы представители Средней Азии, Кавказа, европейской части СССР, не проживавшие здесь ранее. В постсоветское время их численность увеличивалась, но к 2010 г. наряду с ростом числа одних этнических групп произошло снижение числа других (см. таблицу).

Таблица

Численность этнических групп, давших название союзным республикам и странам СНГ и зарегистрированных переписями рубежа XX–XXI вв. в ТАССР и Республике Татарстан¹

«Новые» этнические группы	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Азербайджанцы	330	390	1340	3915	9987	9527
Армяне	608	502	1153	1815	5922	5987
Белорусы	4142	4265	7074	8427	6129	4592
Грузины	300	320	812	1312	1753	1478
Казахи	389	520	969	2088	1832	1758
Киргизы	X	52	114	536	482	1156
Латыши	216	156	365	227	170	135
Литовцы	164	138	297	365	263	222
Молдаване	194	316	777	1050	1004	971
Таджики	X	88	231	742	3625	5859
Туркмены	X	83	395	901	670	968
Узбеки	512	502	1165	2692	4852	8881
Украинцы	16 099	16 868	28 577	32 822	24 016	18 241
Эстонцы	170	151	187	191	127	93

Ведущую роль в увеличении численности этнических групп, не проживавших ранее в Татарстане, играет миграция. В ТАССР для участия в развитии нефтяной отрасли, строительстве объектов нефтехимического и оборонного комплексов, КАМАЗа приезжали представители разных этносов. В постсоветское время их приток продолжился. В 1994 г. обмен с государствами СНГ давал 99,5% миграционного прироста в Татарстане, в 2007 г. – 73,1%, 2016 – 40,7%. Доминируют граждане Узбекистана, Таджикистана и Украины. В последние годы наблюдается рост числа иностранных граждан, поставленных на миграционный учёт по месту пребывания: 2015 г. – 225506 чел., 2016 – 241021 чел. Это выходцы из Узбекистана, Таджикистана, Украины, Азербайджана, Кыргызстана, Турции, Германии, Китая.

¹ Национальный состав населения Республики Татарстан: Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Казань: Издательский центр Комгосстата РТ, 2004. С. 7–8; Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 11. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2013. С. 70–71.

О методологии исследования

Анализ научных публикаций, посвящённых «новым» этническим сообществам российского пространства, показывает их многочисленность. Прежде всего, это множество статей журнала «Диаспора» о различных диаспоральных группах России, в которых раскрывается процесс налаживания социальных связей между приехавшими в РФ из стран бывшего СССР и создания ими механизмов поддержания национальной идентичности [Рейтблат 2014]. В ряде публикаций большое внимание уделяется субъективной стороне адаптации заселяющихся в российских регионах – их идентичностям, взаимоотношениям с принимающим населением, различными организациями и посредниками [Межэтническая напряженность... 2017; Мигранты на российском... 2016; Дети Петербурга... 2018; Мигранты, мигрантофобии... 2014; Идентификационные стратегии... 2016; Южанин 2007; Варшавская, Денисенко 2014; Коньков 2015]. Отметим раздел К. С. Мокина из книги «Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции», в котором автор, основываясь на критериях длительности пребывания и адаптивности, выделяет «старожилов», «недавних мигрантов» и «трудовых мигрантов» из числа армян, живущих или мигрирующих в Саратовскую область [Мокин 2009].

Региональные аспекты адаптации мигрантов раскрываются в исследованиях, проведённых в Республиках Башкортостан и Татарстан [Габдрафиков, Хуснутдинова 2015; Сагдиева и др. 2011; Козлов и др. 2016], Самарской [Мухаметшина 2013], Томской области [Нам 2015] и др. Основное внимание в них уделено институализированным адаптационно-интеграционным практикам. Повседневные этнокультурные инновации в аспекте предоставляемых услуг, привносимые мигрантами в жизнь местного населения, показаны М. Ю. Мартыновой [Мартынова 2016]. Несмотря на активное изучение вопросов адаптации и интеграции «новых» этнических сообществ в российских регионах (прежде всего, трудовых мигрантов как их части), во всех обозначенных работах вопросы приживаемости, условия закрепляемости, процессы приспособления мигрантов, прибывших в советское или в постсоветское время, и взаимоотношений между представителями различных переселенческих волн не стали предметом особого внимания. Отметим и то, что социально-экономические, этнокультурные и конфессиональные особенности регионов приёма мигрантов, как и их социокультурная специфика, требуют специальных исследований, позволяющих осуществлять межрегиональные сравнения.

Термин «приживаемость» был достаточно популярным в советской послевоенной науке, но, к сожалению, оказался практически забытым в постсоветское время. Значительный вклад в изучение этого явления внесли демографы. Ими разрабатывались специальные методологии и количественные методы изучения приживаемости мигрирующего населения СССР [Зайончковская 1972]. Ими же активно использовалась категория «новосёл», которая отражает ту «часть миграцион-

ного процесса, начало которого – в превращении мигранта в новосёла, а конец – в переходе новосёла в состав старожилов» [Рыбаковский 2001]. Деление на старожилов и новосёлов специалистами в области демографии строится исключительно на основе критерия продолжительности проживания: ядром постоянного населения, по их мнению, являются прожившие в данной местности не менее 10 лет [Демографический... 2003: 59]. А. С. Шурупова для измерения приживаемости мигрантов добавляет критерий «отсутствие эмиграционных установок» [Шурупова 2006], т. е. планов на выезд из региона вселения. Некоторые исследователи стремятся оценить «последствия» приживаемости мигрантов: она, по мнению одних, может обеспечить частичную интеграцию переселенцев [Ионцев, Ивахнюк 2013], но полная, как отмечают другие, достигается, если принимающее население постигает культуру прибывших, формирует атмосферу доброжелательности и позитивные практики взаимодействия [Мукомель 2013: 5]. Оставляя вопрос об интеграции мигрантов, сосредоточимся на анализе процесса их приживаемости и поиске её критериев.

Объект исследования – таджики и узбеки. Выбор связан с существенным ростом в XX–XXI вв. числа представителей этих народов в ТАССР: количество таджиков с 1970 по 1989 гг. увеличилось с 88 до 742 человек, а к 2010 г. – почти в восемь раз (до 5859 чел.); узбеков – в 1959–89 гг. с 512 до 2692¹ и в три раза по данным последней переписи (8881 чел.). Среди иностранных граждан, имеющих вид на жительство (2015 г. – 8114 чел.), большинство – граждане Узбекистана (3159) и Таджикистана (1149)². За десять месяцев 2018 г. в Татарстан приехало 82164 граждан Узбекистана, 28205 – граждан Таджикистана [Билалова 2018: 38].

Использование количественных методов, предполагающих разработку формализованных показателей приживаемости мигрантов, не всегда позволяет уловить глубинные аспекты этого процесса. Весьма информативной оказывается качественная стратегия, использование которой при изучении миграции имеет давнюю традицию. Она берёт начало в классической работе У. Томаса и Ф. Знанецкого, построенной на изучении жизненной истории польского эмигранта Владека Висневского. Изучение типичных форм субъективного проживания миграции оказывается достаточно продуктивной в рамках феноменологической традиции, восходящей к философии М. Вебера, а также к теориям А. Шюца, Э. Гуссерля, А. Бергсона, показывающих роль субъективного аспекта деятельности людей, из которого берёт начало социальная реальность.

Выбранная методология продиктовала использование метода интервью. Такой приём давал возможность получить данные, обладающие значительной качественной определённой, зафиксировать тонкие (требующие глубокого проникновения) грани опыта восприятия миграции, выяснить скрытые, неявные, но значимые для научного понимания

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Казань, 1990. С. 8.

² Материалы заседания Совета при Президенте Республики Татарстан по международным и межконфессиональным отношениям. 25.02.2015. Казань, 2015. С. 88.

аспекты сознания и поведения прибывающих. Летом 2016 г. авторами проведено 21 полуструктурированное интервью с таджиками и узбеками, живущими в городах Казани, Нурлате, Чистополе и Высокогорском районе Республики Татарстан. Мы стремились охватить исследованием мигрантов, прибывших в Татарстан в самое разное время, начиная с советского и заканчивая последними годами. Методика анализа текстов интервью строилась на принципе поэтапности. Вначале выявлено несколько случаев, которые демонстрировали «жизненные стратегии в сходных ситуациях» [Семенова 1998]. Было выявлено три стратегии приживаемости: первую представляют два информанта (их поиск оказался затруднительным из-за немногочисленности), вторую – семь, третью – двенадцать. На следующем этапе проводилось структурирование текстов по отдельным темам – история миграции, адаптация и обустройство, идентичности, планы приехавших. Стремясь «сконструировать «образцы» (т. е. нормы) поведения или типы культурных ориентаций, стилей жизни» [Семенова 1998: 43] мигрантов, мы выделили наиболее типичные их коды – социализация прибывших в регионах исхода, миграционный опыт и причины переезда в РТ, семья и внутрисемейные связи, ощущение себя и своих детей гражданами РФ, глубина освоения культурных норм принимающего сообщества (включая владение информантами и их детьми местными языками на момент исследования), этническая идентичность и внутриэтнические сети. Именно эти коды, как показал анализ интервью, являются социокультурными условиями, которые определяют эффективность приживаемости представителей «новых» этнических групп.

Стратегия приживаемости 1: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»

Первую стратегию приживаемости представляют те, кто приехали в Татарстан в советское время или в начале 1990-х гг. и живут в республике более двадцати пяти лет. Два таких информанта – таджик и узбек (далее по тексту сокращено как «т.» и «уз.» – прим. ред.) покинули ТаджССР и УзССР в возрасте 18 лет. Один в школьные годы помогал родителям, работая в столовой и магазине. Другой рос в религиозной семье и занимался в воскресной школе при мечети. Оба проходили воинскую службу на территории РСФСР, таджик после её завершения едет в Московский исламский центр, где *«...как раз искали учителя, то есть миссионера для провинции, чтобы учил людей. Тогда я был уже готовый специалист по религии»* (С., 43 года, т.). Информант оказывается в ТАССР и знакомится с местной девушкой, с которой заключает брак: *«...жена у меня ...татарка и она ... была моя ученица»*. Брачный союз с местной татаркой заключает и узбек, который исполнял воинскую обязанность в Казани. Молодая семья сначала уезжает в Узбекистан, так как *«...тогдашнее время все же люди Средняя Азия бегали, хлебный город, красивый»*, но прожив шесть лет, покидает республику. *«Сначала*

хотели в БАМ поехать, тогдашнее время был же БАМ, вся молодёжь едет. ... по пути здесь оказались хорошие люди, они посоветовали – оставайтесь здесь, вам дом будем давать, корову» (М., 59 л., уз.). После распада СССР оба информанта становятся гражданами РФ.

Информанты вспоминают тяжёлые условия жизни. Один поначалу жил в деревенском доме родителей жены. Второй – в мечети, а потом на съёмной квартире. Скоро они строят дома, в которых живут с детьми и внуками. Узбек начинает работать поваром в колхозной столовой. Таджик сначала был *«в мечети преподавателем арабского языка, основ ислама и работал муэдзином»* (С., 43 г., т.), а позже прихожане выбирают его имам-хатыбом.

Адаптация информантов прошла безболезненно: сказалось свободное владение русским языком благодаря советской системе, а также их стремление к освоению новой среды: *«у меня ещё была (задача – прим. авт.) татарский язык освоить ... я выучил за три месяца. Сначала мы общались на русском языке, потом потихоньку с бабаем начали изучать татарский язык... Сначала два-три года как-то не очень так, трудно освоил ... три месяца серьёзно занимался, потом свободно на татарском языке разговаривать начал»* (С., 43 г., т.). Информант признался: *«...родного языка я уже как бы забываю, на татарском языке я много общаюсь и вагазы читаю на пятничной проповеди»*. Дети респондентов знают родные языки (таджикский и узбекский) ещё хуже. Отмечается, что *«в основном ставка на русский язык, чтобы самый главный»* (С., 43 г., т.).

Информанты помнят о своей этнической принадлежности, но она носит символический характер. «Узбекскость» или «таджикскость» практически не прививается детям и воспроизводится в эссенциалистском ключе (на основании знаний о национальности одного из родителей). Примечательно, что когда в российском паспорте фиксировалась национальность, информант посоветовал своим детям записаться татарами, т. к. опасался, что *«...может подниматься националист»* (М., 59 л., уз.).

Оба информанта неоднократно вспоминают советское время. Нарративы воспроизводятся в ностальгическом ключе: *«Оттуда целый вагон со специями, ... вагонами поступали, здесь давали. Потом туда мы отправляли, помогли тогда для газа – трубы, машины, стройматериалы, картошка... сейчас такого уже нет»* (М., 59 л., уз.). Для таджика СССР – это братство народов. Информант подчёркивает, что он *«...был гражданином Советского Союза... «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»»* (С., 43 г., т.).

Советская национальная модель переносится на современную жизнь. *«Для меня до сих пор как-то осталась любовь ко всем странам... Потому что заложили во мне эту всю любовь в детстве. Это социалистическое как-то до сих пор остаётся для меня – они как не чужие... хохол или белорус, например, вообще для меня как-то он свой. Понимаете? Или грузин, или узбек, или киргиз»* (С., 43 г., т.). Информанты оказывают помощь, часто безвозмездную (советы, ночлег, деньги в долг) тем, кто приезжает в Татарстан: *«...если возможность есть, надо помогать»* (М., 59 л., уз.).

и прежде всего «...землякам, чтобы они адаптировались, уважали обычаи, традиции, изучали язык местный» (С., 43 г., т.). «Свои» вовлекаются в бизнес: «...они же с Узбекистана, ... одного взял, ещё есть парень здешний, у него отец более 60 лет, ... здесь живёт» (М., 59 л., уз.).

Респонденты чувствуют дистанцию с приезжающими. Информант-таджик неосознанно выстраивает границу, используя местоимение «у них»: «у таджиков – очень интересно – многодетные семьи, у каждого минимально по пять, по шесть, по четыре детей. Это у них традиция такая». Узбек отмечает, что перестала практиковаться традиция сбора денег на похороны членов общины, а «раньше мы – узбеки очень дружные, очень добросовестные, очень хорошие были здесь. Друг друга увидим, даже плакали, обнимались, ... теперь нет. И уважения друг к другу нету, не общаются никак... у нас самым последним появился: это – кыргызстанский узбек, это – таджикистанский узбек... Делятся... узбек – узбек. Хоть в Америке живёт узбек, хоть здесь, а они делятся... Каждый сам себе хозяин... не так, не клеится. Понимаете? Не клеится, как будто чужой» (М., 59 л., уз.). Дети информантов, социализировавшиеся в России, «... уже говорят: «Это чужие». Бывает такое – «не наш», «это не россиянин» (С., 43 г., т.).

Оба информанта не собираются уезжать из Татарстана, но они не теряют связь с регионами исхода. Семья узбека до распада СССР ежегодно выезжала в Узбекистан, но из-за дороговизны билетов и необходимости оформления загранпаспорта в постсоветское время такие поездки прекратились. Информант-таджик посещает Таджикистан два раза в год, он помог выехать в Россию своим братьям, иногда у него гостит мать. Родственники узбека живут в Узбекистане, они неоднократно пытались переехать в Россию, но безуспешно. Он оказывает им финансовую помощь.

Носителей обозначенной стратегии приживаемости можно считать «старожилами». Об этом свидетельствует не только длительность их проживания, отсутствие эмиграционных установок, обустроенность (наличие работы, собственного жилья, автомобилей, приусадебных участков, знакомых и друзей), но и свободное владение русским и татарским языками, наличие российского гражданства и ощущение себя полноправными гражданами РФ. Их дети считают себя «местными», они «... о России думают, ... учатся, занимаются в России... Они уже солдатами служат» (С., 43 г., т.).

Стратегия приживаемости 2: «В России много денег, очень много возможностей и народ добрый»

Другую стратегию приживаемости демонстрируют мигранты, которые переехали в Татарстан во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Несмотря на показатели, на первый взгляд свидетельствующие об их приживаемости (срок пребывания в РТ почти двадцать лет, наличие

постоянной работы, жилья, семьи, свободное владение русским языком (благодаря обучению в советских школах), всё же они не ощущают себя «местными», отделяют их от себя, размышляют о возвращении на родину, а некоторые уже готовятся к нему.

Культурная дистанция с местными объясняется тем, что *«... у нас менталитет другой, любовь к матери, к отцу, к родственникам»* (А., 53 г., уз.). Дистанция проявляется на работе: *«Здесь местные так не работают, как мы; ...работают до первой зарплаты, потом пьют»* (Ф., 69 л., т.) и в быту: *«... когда я дом построил, улицы разбиты были, невозможно пройти. Соседи, оказывается, недружные были, друг с другом не разговаривали. Я взял да и нашёл строительный мусор, ... начал засыпать... Народ выходит, смотрит, и уходит. Мужики не выходят, женщины разведку делают: «Насыр, что ты делаешь?» Я говорю: «Улицу делаю». «Зачем тебе столько денег тратить?». «Нам говорили, что это святое дело: каждый человек будет проходить не по лужам, а по камням; ... эта дорога – это саван (богоугодное дело – прим. авт.)», – говорю. Они удивились. Потом мужчины начали выходить, ... один тысячу рублей даёт, другой две тысячи даёт... начали дружно жить»* (А., 53 г., уз.).

Представители данной группы активно апеллируют к религиозному фактору: он для них стал определяющим при выборе места жительства. Некоторые из них имели в Татарстане родственников, друзей, которые пригласили их жить в республику: *«здесь у меня есть знакомые самаркандские ребята»* (Н., 44 г., уз.); *«...в Ташкенте жили же, ... все татары, они сюда приехали, они знают ...»* (А., 53 г., уз.). Но их мотивировало ещё и то, что *«Татарстан – мусульманская страна, обычаи одинаковые... мусульманские. Уважение есть, язык почти одинаковый»* (А., 53 г., уз.); *«...здесь я увидел больше мусульман»* (Н., 44 г., уз.). Наши информанты пытались обустроиться и в других регионах: *«Когда я пришёл впервые в Россию, это город Саранск, я три года там работал...»* (Л., 42 г., т.); *«...Один раз был в Москве, только три дня... Честно, не понравился почему-то. Казань... мне понравился»* (З., 25 л., т.); *«...в Москве, во Владивостоке был, в Чите жил... На Востоке в фирме работал, на стройках»* (Ж., 54 г., т.). Высокий интерес к исламу, большой миграционный опыт и неоднократные попытки закрепления в разных регионах РФ – отличительные особенности представителей второй стратегии приживаемости.

Информанты (также как и представители первой стратегии) тесно контактируют с регионом исхода. У одного респондента семья живёт в Узбекистане: супруга ухаживает за престарелыми родителями, детьми и переезжать *«они не хотят»* (Н., 44 г., уз.). Супруги навещают друг друга, респондент считает себя кормильцем: *«Жена должна дома сидеть, вязать, жить там. Мы что делаем? Работаем, работаем, деньги отправляем, семью кормим»*. Информанты поддерживают связи с родственниками: *«Они каждый раз на Новый год приезжают ко мне»* (Ф., 69 л., т.), навещают, помогают с поиском работы в республике, оформлением документов.

Носители первой и второй стратегии приживаемости близки в том, что все они контактируют с земляками и оказывают им помощь. *«Бывает, кто-то умирает... Может на стройке упадёт. Своими силами собираем, весь груз делаем... вместе отправляем в свою Родину»* (А., 53 г., уз.). Но носители второй стратегии чаще стремятся капитализировать этничность. Трое информантов открыли кафе, в которых, по их мнению, должны быть *«... профессионалы, которые работают именно в кухне... Народ смотрит, если заходит в восточную кухню: там не восточные люди, все европейские люди – и уже по-другому начинают думать»* (Н., 44 г., уз.). Местные работают лишь на раздаче пищи, в санитарной зоне. Информанты отмечают: *«...любим мы готовить. Вы знаете, от души, как дома готовим... Мы даже добавим то, что не положено, чтобы было вкусно»* (Ф., 69 л., т.). Один информант предоставляет платные услуги мигрантам: *«Во-первых, бесплатная юридическая консультация идёт... Что нужно? Какие документы необходимы, чтобы подать ... на разрешение для работы? ... И во всём этом мы помогаем ... Они не знают русского языка хорошо... Им проще, конечно, прийти к нам, разговаривать на своём родном языке – это приём экзаменов, сертификат... Учителя приезжают из Москвы... Они принимают и уезжают... Мы консультации проводим»* (Р., 24 г., т.). Респондент вместе с напарником, выходцем из Таджикистана, организовал бизнес по продаже специальных тарифов на звонки от сотовых операторов для мигрантов.

Все информанты свободно владеют русским, таджикским или узбекским языками, внуки понимают лишь отдельные слова на национальных языках. Узбеки говорят на татарском языке, а информант-таджичка понимает его, но говорит с трудом. Таким образом, анализируемая группа демонстрирует языковое поведение, которое нехарактерно для представителей первой стратегии (они лучше знают таджикский или узбекский, хуже – татарский).

Несмотря на длительное проживание в Татарстане, некоторые не получили российского гражданства и имеют лишь патент на работу. Однако отсутствие гражданства не мешает им чувствовать себя частью российского общества: *«Знаешь – трудно, но мы живём здесь, мы должны участвовать в любом виде»* (И., 54 г., т.), *«... всё зависит от тебя: сам себя уважаешь – тебя будут уважать, себя не уважаешь – тебя не будут уважать»* (Ш., 56 л., уз.). Носители второй стратегии приживаемости – это потенциальные старожилы. Они стремятся стать россиянами, потому что *«В России много денег, очень много возможностей и народ добрый»* (Н., 44 г., уз.), отмечают, что *«... привык уже... как родина стал Татарстан»* (Л., 42 г., т.); *«Татарстан для меня как родной... Недавно в Москве был, всё равно патриотизм остаётся к Татарстану»* (Р., 24 г., т.). Некоторые занимаются общественной работой, участвуют в субботниках, в городских праздниках, оказывают спонсорскую и физическую помощь Домам инвалидов, ремонтируют мечети. Однако все они отмечают, что *«...до сих пор тянет (в Узбекистан – прим. авт.), каждый год один раз во время Уразы ёду»* (Н., 44 г., уз.), и хотят,

чтобы к ним «...кто-нибудь (из родственников – прим. авт.), хотя бы один (переехал – прим. авт.)» (Ф., 69 л., т.). Информанты старших возрастов не исключают возвращения в преклонном возрасте: «...пока мои дети не вырастут и на ноги не встанут, я буду здесь. Когда уже постарею, я очень хочу вернуться в Узбекистан» (Н., 44 г., уз.). Это объясняется тем, что «Родина есть Родина... на Родину я поеду! Кто на тебя на старости лет смотрит? 70 лет тебя всё равно твоя жена смотрит, дети смотрят – это восточная жизнь» (А., 53 г., уз.). Они строят дома в регионах исхода, вовлекают в бизнес в Татарстане сыновей, чтобы со временем передать его в их руки и вернуться домой.

Стратегия приживаемости 3: «...пять-шесть месяцев побудем и всё, хватит»

Третья группа – это те, кто приезжают в Татарстан регулярно на работу с начала 2000-х гг. на короткий срок: «...пять-шесть месяцев побудем и всё, хватит» (Ч., 46 л., уз.). Поездки возобновляются в течение 4–20 лет. Информанты – наёмные рабочие (продавцы текстиля, фруктов и овощей, водители, строительные специальности). Они не стремятся открыть бизнес, поскольку «всё равно это тяжело. Мы средней школы закончили» (Л., 49 л., уз.).

Почти все имели опыт работы в российских регионах. Татарстан им советовали знакомые и/или родственники (как правило, мигранты). Отмечается, что в республике «люди хорошие, отношение, уважение, не как в другом месте» (Г., 46 л., уз.); «люди добрые, как в Узбекистане. С этого, наверное, ходим сюда» (Л., 49 л., уз.); «Одамлары яхши (люди хорошие – прим. авт.), эш (работа – прим. авт.) нормальный» (О., 37 л., уз.), а также то, что «... мусульмане здесь» (Ч., 46 л., уз.); «Там (в Москве – прим. авт.) мусульманский нет, а здесь мусульманский. Это хорошо мне» (С., 37 л., уз.).

Мигранты приезжают на заработки по рекомендациям, советам знакомых, родственников, соседей, сами приглашают близких. При поиске работы они прибегают к объявлениям и посредникам, реже находят её самостоятельно. Информанты из строительной сферы предпочитают работать в бригадах, состоящих из родственников, знакомых – жителей родного села или района: «Мы с Мумином один забор (имеем – прим. авт.)» (Ч., 46 л., уз.); «В одной деревне живём. ... Здесь чужие нет... Соседи, родственники. У меня чужие нет» (Л., 49 л., уз.). В таких бригадах мигранты вместе работают, живут, готовят пищу, проводят свободное время. Среди них выбирается старший, который владеет русским языком и подыскивает заказчиков, организовывает работу, отслеживает оплату труда, «у него обязанности... ребята, чтобы не болеть, доктора надо» (С., 37 л., уз.). Трудовой день строителей длится до тех пор, «когда устал» (Л., 49 л., уз.), и они не общаются с представителями своих этнических общин. Работающие на рынках коммуницируют с местными, но у них нет связей с обустроившимися в РФ соотечественниками.

Мигранты (за исключением двоих, имеющих собственное жильё) снимают квартиры, комнаты, строители живут в вагончиках, временках, но не жалуются, потому что *«для работа приехали, для денег»* (Л., 49 л., уз.). У большинства в регионе исхода остались семьи. Молодые информанты приезжают, чтобы заработать деньги на свадьбу, стройку, учёбу, покупку автомобиля. Жёны и взрослые дети мигрантов по возможности работают в регионе исхода, а если семья из сельского района, то все её члены занимаются выращиванием сельскохозяйственной продукции с последующей продажей на рынках Татарстана: *«Всё время отец смотрит. Один раз на три месяца едем туда, урожай собирать»* (Л., 42 г., т.).

Узбеки понимают и могут изъясняться на татарском языке. Таджики подчеркнули, что он даётся им сложнее русского и чаще они его лишь понимают. Молодёжь русским языком владеет слабо. Распространена практика совмещения русских и таджикских или узбекских слов.

Большинство не имеют российского гражданства и не стремятся его получить. Все прошли процедуру легализации. Информанты подчёркивают, что *«всё равно Узбекистан лучше»* (К., 45 л., уз.); *«Всё равно Родина есть Родина»* (Г., 46 л., уз.), указывают на наличие жилья, тёплый климат, проживание семей в регионах исхода. Каждый имеет двоих–троих детей, только один – четверых. Большинство заявляют: *«Я домой хочу. В Узбекистан я хочу, ... там мои родители, семья там»* (Е., 41 г., уз.).

Среди носителей третьей стратегии приживаемости оказались сомневающиеся по поводу своих будущих выездов в Россию на заработки. Это связано со снижением уровня оплаты их труда и высокими расходами за легализацию своего присутствия и работы в РФ. Отмечается усложнение поиска работы, уменьшение размера заработной платы, подорожание проездных билетов: *«...у себя будем искать. В этом году уже вообще сложно. Уже не получается – деньги не можем отправить домой... Всё только надо платить да платить: 3300 надо патент платить и продлить»* (Ч., 46 л., уз.). На развитие миграции из Таджикистана и Узбекистана оказывает влияние и некоторое улучшение экономических ситуаций в данных государствах, стимулирующее местные рынки труда – тенденция, которая обозначалась мигрантами в интервью. Тем не менее, основная часть информантов планирует по-прежнему приезжать на заработки в РФ: *«Дальше время покажет... Нет, выгода всё равно есть, там у нас работа нет. ... Всё равно семья кормить надо»* (Л., 49 л., уз.).

Заключение

Исследование показало, что определяющими субъективными социокультурными условиями приживаемости таджиков и узбеков в Татарстане являются особенности их социализации в регионах исхода и глубина освоения культурных норм принимающего сообщества.

Данные условия могут простимулировать или, напротив, стать препятствием для закрепления в Татарстане представителей нетрадиционных для республики этнических групп.

Те, кто приехали в конце советского периода или в начале постсоветского, являются «старожилами». Об этом их статусе свидетельствует не только наличие жилья, работы, российского гражданства, проживание вместе с семьями. Показателем приживаемости данной группы является освоение её представителями и их детьми татарского языка, отсутствие культурной дистанции с местным населением, подчёркивание своей идентификации с Россией и Татарстаном. Социализация «старожилов», проходившая в условиях единого правового, языкового поля СССР, советской культуры межнационального общения, оптимизирует приживаемость – такие мигранты без труда влились в принимающее сообщество и стали его частью. Отсутствие чёткой идентификации с таджикской или узбекской общностью (в пользу татарской, что отражается в устремлениях к татарскому языку и культуре, в привитии «татарскости» детям), очевидно, можно рассматривать как показатель обретения статуса местного жителя.

Неприжившимися являются те, кто, несмотря на длительный (до 20 лет!), многократный опыт пребывания в Татарстане, так и не стали «старожилами». Такие мигранты не имеют жилья, российского гражданства и не стремятся его приобрести, не осваивают культуру принимающего сообщества, часто живут обособленно, анкклавами, не контактируя с местными и со «старожилами». Социализация большинства из них проходила в условиях независимости постсоветских республик, их новых языковых политик. Поэтому многие, особенно работающие на стройках, слабо владеют русским языком (но лучше татарским). Русский знают лучше те, кто занят в торговле. Все активно используют таджикский или узбекский языки. Языковое поведение препятствует приживаемости таких мигрантов, переселению их семей, проживающих у всех без исключения участников исследования в регионах исхода. Сказывается и более низкий образовательный уровень, а также некоторое повышение качества жизни в Таджикистане и Узбекистане, снижающее мотивацию к миграции в РФ.

Промежуточное положение занимают мигранты, достаточно давно проживающие в Татарстане. На первый взгляд, их можно считать «старожилами», т. к. у всех имеется работа, у некоторых – собственное жильё, гражданство РФ, семьи, живущие вместе с ними. Однако такие информанты чувствуют культурную дистанцию с местными жителями, а Родиной считают регион исхода. Они свободно владеют русским, таджикским и узбекским языками, но слабо татарским. Некоторые намерены вернуться, готовят своё возвращение. Все являются носителями актуализированной этнической идентичности, подчеркивают её и не чувствуют себя частью местного этнокультурного сообщества.

Несмотря на разную степень приживаемости (или её отсутствие), всех обследованных мигрантов объединяет ислам как одно из важных мотивационных условий. Для советских переселенцев он стал закрепляющим фактором, когда в 1990-х гг. появилась возможность для открытого исповедования религий, в том числе в Татарстане

с его высокой долей последователей ислама. Для других мигрантов распространённость ислама в республике, наличие мечетей, высокая межконфессиональная толерантность в регионе предопределили выбор региона вселения. Можно предположить, что конфессиональная близость между приезжими и местными может стимулировать приживаемость мигрантов.

Ещё одной общей для всех участников исследования особенностью стала включённость во внутриэтнические сети, в той или иной форме объединяющие их. Одни оказывают моральную поддержку прибывающим таджикам или узбекам, другие организуют рынок услуг для трудовых мигрантов, третьи – формируют бригады из членов семей и земляков, привлекают к бизнесу родственников или соотечественников. Включённость во внутриэтнические сети, как показали материалы исследования, могут способствовать приживаемости мигрантов. Большую роль в этом процессе играют «старожилы», зачастую выступающие посредниками между новосёлами и местным населением.

Все информанты имели родственников, знакомых или друзей в Татарстане, которые советовали, помогали при переезде, обустройстве, поиске работы. Все они, независимо от времени приезда в республику, поддерживают контакты с регионом исхода. Однако плотность и качество связей с Родиной в трёх выявленных группах различаются. У «старожилов» они номинальные, это скорее дань традициям, сохраняющимся в Таджикистане и Узбекистане. Для носителей промежуточной стратегии приживаемости связь с регионом исхода – это капитал, который используется при строительстве бизнеса в Татарстане. Жизнь и работа «между двух миров» снижает возможности для их приживаемости.

Выявленное с помощью интервью отсутствие прямой связи между длительностью пребывания, эмиграционными установками и приживаемостью требует проверки с помощью количественной исследовательской стратегии.

Библиографический список

Билалова Н. 2018. Модель «Нового века» // Наш дом Татарстан. № 5 (056). Декабрь. С. 38.

Варшавская Е. Я., Денисенко М. Б. 2014. Мобильность иностранных работников на рынке труда // Социологические исследования. № 4. С. 63–73.

Дети Петербурга. Помощь детям мигрантов. Культурно-просветительские программы для детей и подростков. 2018. URL: <http://detipeterburga.ru/> [Дата посещения: 18.04.2018].

Габдрафиков И. М., Хуснутдинова Л. Г. 2015. Интеграция мигрантов в республиках Поволжья как проблема общественного восприятия и общественно-государственного партнерства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 12. Ч. IV. С. 47–50.

Демографический понятийный словарь / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.

Зайончковская Ж. А. 1972. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика. 164 с.

Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах: сб. статей. / Под. ред. А. В. Дмитриева. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.

Ионцев В., Ивахнюк И. 2013. Модели интеграции мигрантов в современной России // CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. URL: http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-12_RU.pdf [Дата посещения: 18.04.2018].

Козлов В. Е., Фролова Е. В., Вятчина М. В. 2016. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Часть III. Казань: ООО Глаголь. 255 с.

Коньков А. Т. 2015. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и её особенности в Сахалинской области // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 1. С. 206–220. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-1-206-220.

Мартынова М. Ю. 2016. Этнокультурные аспекты адаптации мигрантов / Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 17–18 ноября 2016 г. / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 28–32.

Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования 2017. М.: ФНИСЦ РАН. 133 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB_1_2017.pdf [Дата посещения: 18.04.2018].

Мигранты на российском рынке труда: за и против. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3072. 2016. 30.03.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> [Дата посещения: 18.04.2018].

Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В. И. Мукомель. М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. 245 с.

Мокин К. С. 2009. Адаптация мигрантов: варианты стратегий // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Российский фонд фундаментальных исследований. ФГНУ «Росинформагротех». С. 97–115. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_25857#1 [Дата посещения: 18.04.2018].

Мукомель В. И. 2013. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь / Гл. ред. И. С. Иванов. М.: Спецкнига. 34 с.

Мухаметшина Н. С. 2013. Проблемы интеграции мигрантов в региональный социум // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15.1. С. 138–142.

Нам И. В. 2015. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. № 5 (37). С. 34–43. DOI 10.17223/19988613/37/5

Рейтблат А. И. 2014. Диаспоры и «Диаспоры» (Обзор журнала «Диаспоры»). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/127-2014/24381-diaspory-i-diaspory-obzor-zhurnala-diaspory.html> [Дата посещения: 18.04.2018].

Рыбаковский Л. Л. 2001. Миграция населения (вопросы теории). Стадии миграционного процесса. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2n.html> [Дата посещения: 18.04.2018].

Сагдиева Э., Габдрахманова Г., Мусина Р. 2011. Освоение пространства. Социально-экономические практики трудовых мигрантов в России. Lambert Academic Publishing, Germany. 153 с.

Семенова В. В. 1998. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН. М.: Добросвет. 290 с.

Шурупова А. С. 2006. Адаптация и приживаемость мигрантов // Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/148/801/1219/012_Shurupova.pdf [Дата посещения: 18.04.2018].

Южанин М. А. 2007. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. № 5. С. 70–77.

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.556

The Socio-Cultural Conditions for the Adaptation of “New” Ethnic Groups in the Republic of Tatarstan

Gulnara F. Gabdrakhmanova

Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
E-mail: medi54375@mail.ru

Elvina A. Sagdieva

Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
E-mail: elvina_n@inbox.ru

For citation: Gabdrakhmanova, G. F.; Sagdieva, E. A. The socio-cultural conditions for the adaptation of “new” ethnic groups in the Republic of Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.556>

Abstract. Censuses conducted at the turn of the 21st century reveal an increase in ethnic diversity in Tatarstan. The migration of people, who became the namesakes for Soviet republics and CIS states, has led to the emergence of unconventional ethnic groups in this region. Matters regarding why some of their members are able to establish themselves in the region, while others are not, as well as the factors which affect the process – all of this has not been sufficiently examined. The key objective of this study was to reveal the subjective socio-cultural conditions for the process of “new” ethnic groups attaching themselves to Tatarstan, them having spent various amounts of time in the republic. In 2016 the authors conducted a study of the aforementioned process while focusing on the

Tajiks and Uzbeks living in Tatarstan. Using a qualitative approach (while utilizing interview method), which involved exposing the most typical forms of the subjective perception of migration (phenomenology of M. Weber, A. Schutz, E. Husserl, H. Bergson). In depth interviews revealed that the length of stay and an absence of plans for leaving the region of settlement are insufficient (in some cases even invalid) markers of migrant adaptation: the latter should be determined using the socio-cultural characteristics of inbound migrants. These would include their socialization in their regions of departure, their migration experience and reasons for moving to Tatarstan, whether they have a family or not, their family ties, whether they regard themselves and their children as citizens of the Russian Federation, the degree to which they have absorbed the cultural norms of the host community (which includes knowledge of the local languages), their ethnic identity and interethnic networks. Analyzing these parameters allowed for highlighting three adaptation strategies utilized by Tajiks and Uzbeks living in the Republic of Tatarstan. The first one is represented by those who moved there at the end of the Soviet period, or the beginning of the post-Soviet period. These are the “old inhabitants”. This group does not include those who have not integrated, despite them staying in Tatarstan for prolonged periods several times. They do not possess their own residence, or Russian citizenship, and do not seek to attain it. They have no intent to adopt the culture of the host society, often live in isolation, while their families reside in Tajikistan or Uzbekistan. An intermediate position is occupied by migrants who have been living in Tatarstan for quite a long time. All of them are employed, some of them have their own residence and Russian citizenship. Some of them live there together with their families. Such informants consider themselves distant from the locals in terms of culture, while considering their regions of departure to be their homeland. Despite the varying degree of attachment (or lack thereof), one common thing among all of those migrants surveyed is the fact that Islam was one of the key motivational terms of their migration.

Keywords: migrants, Tatarstan, Tajiks, Uzbeks, survival, socio-cultural features.

References

- Bilalova N. Model' «Novogo veka» [Model of «New century»]. Nash dom Tatarstan, 2018, no 5 (56).
- Varshavskaia E. Y., Denisenko M. B. Mobil'nost' inostrannykh rabotnikov na rynke truda [Foreign workers mobility in Russian labor market]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2014, no 4, pp. 63–73.
- Deti Peterburga. Pomosch' detiam migrantov. Kul'turno- prosvetitel'skie programmy dlia detey-podrostkov [Children of St. Petersburg. Assistance to migrant children. Cultural and educational programmers for children and adolescents.] “Petersburg Children” website. URL: <http://detipeterburga.ru> [date of visit: 18.04.2018].
- Gabdrafikov I. M., Husnutdinova L. G. Integraciya migrantov v respublikah Povolzh'ia kak problema obschestvennogo vospriyatija i obschestvenno-gosudarstvennogo partniorstva [Integration of migrants in the Volga republics as a problem of public perception and public-state partnership]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 2015, no 12 (62), part IV, pp. 47–50.
- Demograficheskiy ponyatijniy slovar' [Demographic conceptual dictionary]. Ed. by L. L. Rybakovskiy. Moscow, CSP, 2003.
- Zajonchkovskaya Zh. A. Novosely v gorodah (metody izucheniya przhivaemosti) [New settlers in cities (methods of survival studying)]. Moscow, Statistika, 1972. 164 p.
- Identifikacionnye strategii diaspornykh i zemljacheskikh grupp v rossiyskikh regionah [The identification strategy of Diaspora and compatriot groups in the Russian regions]. Ed. by A. V. Dmitriev. Moscow, Novy khronograf, 2016. 208 p.
- Ioncev V., Ivahniuk I. Modeli integracii migrantov v sovremennoy Rossii [Models of integration of migrants in modern Russia], CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI), European University Institute, 2013.
- Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 goda [Results of the all-Union population census of the year 1989]. Kazan', 1990.
- Kozlov V. E., Frolova E. V., Viatchina M. V. Diaspory i soobschestva migrantov v Respublike Tatarstan: etnosociologicheskie ocherki [Diaspora and migrant communities in the Republic of Tatarstan: ethno-sociological essays]. Part III. Kazan, Glagol, 2016. 255 p.
- Kon'kov A. T. Problema integracii etnicheskikh migrantov na Dal'nem Vostoke Rossii i eyo osobennosti v Sahalinskoy oblasti [The problem of integration of ethnic migrants in the far East and its features in the Sakhalin region]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18: Sociology and political science, 2015, no 1, pp. 206–220. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-1-206-220

Martynova M. Y. Etnokul'turnye aspekty adaptacii migrantov [Ethno-cultural aspects of migrant adaptation]. Positive experience in regulating ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS publ., 2016, pp. 28–32.

Mezhetnicheskaja napriazhionnost' v menjajuschemsia social'nom kontekste: rezul'taty issledovaniia [Interethnic tensions in a changing social context: the results of the study]. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 133 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB_1_2017.pdf [date of visit: 18.04.2018].

Migranty na rossiyskom rynke truda: za i protiv [Migrants on the Russian labor market: pros and cons]. RCPOR Press release, no 3072 (30.03.2016). The Official website. URL <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> [date of visit: 18.04.2018].

Migranty, migrantofobii i imigracionnaja politika [Migrants, migrant-phobia and immigration policy]. Ed. by V. I. Mukomel'. Moscow, Central house of the lawyer, Bureau for human rights, "Academia" publ., 2014. 245 p.

Mokin K. S. Adaptaciya migrantov: varianty` strategiy [Migrant adaptation: strategy options] *Novye etnicheskie gruppy v Rossii. Puti grazhdanskoj integracii. Rossiyskiy fond fundamental'nykh issledovaniy*. 2009. RFBR Official web portal. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_25857#1 [date of visit: 18.04.2018].

Mukomel' V. I. Politika integracii migrantov v Rossii: vyzovy, potencialnye riski: rabochaia tetrad' [Migrant integration policy in Russia: challenges, potential risks: workbook]. Moscow, Spekniga, 2013. 34 p.

Muhametshina N. S. Problemy integracii migrantov v regional'ny socium [Problems of integration of migrants into regional societies]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoj akademii nauk*, 2013, vol. 15.1, pp. 138–142.

Nam I. V. "Novye" etnicheskie gruppy (diaspory) v gorode Tomske ["New ethnic groups (Diaspora) in Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2015, no 5 (37), pp. 34–43. DOI 10.17223/19988613/37/5

Reytblat A. I. Diaspory i "Diaspory" (Obzor zhurnala "Diaspory") [Diaspora and "Diaspora" (Overview of Diaspora magazine)]. *New Literature Review website*. URL: <http://nlobooks.ru/node/5151> [date of visit: 18.04.2018].

Rybakovskiy L. L. Migraciia naseleniia (voprosy teorii). Stadii migracionnogo processa. [Population migration (the theory). Stages of the migration process]. London. Rybakovsky personal website. URL: <http://rybakovsky.ru/migraciia2n.html> [date of visit: 18.04.2018].

Sagdieva E., Gabdrakhmanova G., Musina R. Osvoenie prostranstva. Social'no-ekonomicheskie praktiki trudovykh migrantov v Rossii [The development of space. Socio-economic practices of migrant workers in Russia]. Saarbrücken, LAP publ., 2011. 153 p.

Semionova V. V. Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskiju sotsiologiju [Qualitative methods: introduction to humanistic sociology]. Moscow, Dobrosvet, 1998. 290 p.

Shurupova A. S. Adaptacija i prizhivaemost' migrantov [Adaptation and survival of migrants]. The E.S.M. Web portal. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/148/801/1219/012_Shurupova.pdf [date of visit: 18.04.2018].

Yuzhanin M. A. O sociokul'turnoy adaptacii v inoetnicheskoy srede: konceptual'nye podhody k analizu [On sociocultural adaptation in the non-ethnic environment: conceptual approaches to the analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2007, no 5, pp. 70–77.

ТЕМА НОМЕРА

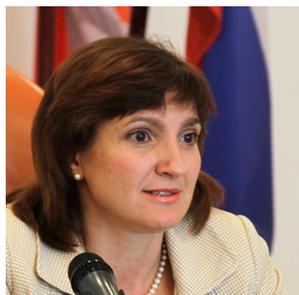
РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557

Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей

Ссылка для цитирования: Дроздова Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557>

For citation: Drozdova, J. A. Resource approach in studying territorial communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557>



**Дроздова
Юлия Алексеевна**

Волгоградский институт управления,
Волгоград, Россия

juliadrozdova@mail.ru

Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей

Аннотация. В контексте исследования условий существования, деятельности и перспектив развития территориальных общностей региона особую значимость представляет ресурсный подход. Развитие региона зависит от включённости горожан и сельских жителей как основных территориальных общностей в процессы модернизации и социального развития территорий. По мнению автора статьи, будущее региона определяется социальными ресурсами, имеющими пространственно-временной характер и включающими **количественный и качественный состав** населения (человеческие ресурсы), человеческий и социальный капиталы, событийность, социальную активность. Социальные ресурсы территориальных общностей изначально являются важной составляющей для удовлетворения внутренних потребностей населения: жизнеобеспечивающих, экзистенциальных; потребностей в солидарных связях, в национально-этнических, трудовых, досуговых, образовательных, культурных отношениях; а также самореализация и самоактуализация. Автор статьи отмечает, что социальные ресурсы территориальных общностей обеспечивают их внешнюю связь с другими общностями и территориями, определяют конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность региона, качественный и количественный состав миграционных потоков. Уникальность социальных ресурсов, определяемых как продукт совместной деятельности и взаимодействия людей, в отличие от материальных, заключается, по мнению автора статьи, в свойствах капитализироваться и постоянно воспроизводиться, восполняться вследствие развития территориальных общностей, совершенствования форм управления и самоуправления, изменения социальных качеств людей в процессе социализации, образования и самовоспитания, самореализации на определённой территории. «Новой повесткой» социолого-управленческого подхода является опережающее создание, формирование, развитие социальных ресурсов, их удержание на определённой территории. Социальные ресурсы региона обеспечивают устойчивое функционирование и развитие региона как социально-экономической, коммуникативной системы, существующей в определённом пространственно-временном континууме. Множественность различий существования территориальных общностей, с одной стороны, и нивелирование уникальности, самобытности, стилей культурного потребления, социальных интересов и отношений под влиянием процессов глобализации – с другой, свидетельствуют о новой ситуации, новых возможностях и ограничениях в развитии регионов. Эти социальные трансформационные процессы нуждаются в социологической рефлексии для определения траектории развития российских регионов, исследования взаимодействия социальных общностей горожан и сельских жителей в рамках одной региональной системы, совершенствования социального управления.

Ключевые слова: территориальные общности, регион, социальные ресурсы, социальный капитал, пространственно-временной континуум

Одним из перспективных направлений в социологии в настоящее время является ресурсный подход, который представлен как теоретическая парадигма в работах как зарубежных (Дж. Коулман, П. Бурдье, Р. Патнэм, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма), так и отечественных социологов (Т. И. Заславская, В. В. Радаев, О. И. Шкаратан, Н. Е. Тихонова).

Социальные ресурсы являются одной из важнейших структур общества [Гидденс 2003], специфика которой заключается в способности к постоянному воспроизводству в процессе интеракций и взаимодействий людей, социальных общностей. Среди социальных ресурсов мы выделяем социальный и человеческий капиталы, пространство и время, территориальную идентичность, человеческие ресурсы, традиции, нормы, ценности, события. Именно они определяют траектории развития российских регионов и территориальных общностей, исследование социальных ресурсов которых требует конкретизации представления об условиях их существования в конкретном регионе, что в данной статье планируется осуществить на примере Волгоградской области.

Представляется важным определить основные подходы в исследовании социальных ресурсов территориальных общностей и возможности их применения к анализу российского региона, что определило цель данной статьи. Социальный капитал, по нашему мнению, является основным ресурсом, обеспечивающим воспроизводство других социальных ресурсов, среди которых особую значимость для Волгоградской области имеют время и пространство. Депрессивное экономическое положение региона, убывание населения и не компенсирующая его по качественным и количественным показателям иммиграция, повседневность героического прошлого, определяемая информантами качественных социологических исследований как «застывшее время», определяют контекст взаимодействия территориальных общностей (горожан и сельских жителей) как основных акторов, создающих и осваивающих ресурсы региона.

Территориальные общности российских регионов

Территориальные общности являются одними из самых древних систем взаимодействия людей на определённом пространстве и выступают предметом исследования различных наук – истории, этнографии, географии, социологии, экономики, демографии и статистики [Михайлов 2017: 6]. Территориальные общности с позиции социологического подхода представляют взаимосвязи и взаимозависимости людей на определённой территории, связанные устойчивыми социальными взаимодействиями, практиками, воспроизводимыми во времени и пространстве. Именно устойчивые социальные, экономические, политические, духовно-нравственные связи и отношения позволяют выделить территориальные общности в качестве относительно самостоятельной системы пространственно-временной организации жизнедеятельности людей.

Основными региональными территориальными общностями являются жители городов и сельских поселений, между которыми существуют существенные различия: по плотности населения и масштабу территории, характеру хозяйственной деятельности, по уровню развития инфраструктуры, качеству и образу жизни, структуре населения, роли традиций, обычаев, значимости самой общности, темпоральности социальных практик (интенсивность, скорость, количество, «чувство времени» [Heidegger 1972: 16], режим трудовой деятельности, синхронизация, координация, каденция органов власти и управления и т. д.).

Территориальные общности в зависимости от их актуализации в своём основании имеют демографическую, этническую (национальную), культурную, духовно-правовую, профессиональную составляющие. Важной характеристикой является рассмотрение их как субъектов, конструирующих пространственно-временной континуум региона, определяющих его качественные характеристики.

Среди этих характеристик, согласно общностному подходу, можно выделить объективные и субъективные. К объективным относятся: объединение людей на определённой территории; схожие условия жизни; включённость социальной общности в более широкий социальный контекст, систему региональных/государственных общественных отношений; организация совместной деятельности и взаимодействия между проживающими в заданных границах людьми, имеющими как управленческий, так и синергетический, самоорганизующийся характер; социальные связи; схожие социальные ресурсы (пространственно-временные, экономические, социальные, политические, культурные, символические). *Субъективными* характеристиками территориальных общностей являются: общий интерес, определяющий мотивы нахождения на данной территории; разделяемые всеми или большинством правила, традиции, ценности и модели поведения; территориальная идентичность, выстраивание соотношений в системе социальных координат «мы – они»; конструирование социальной общности социальными агентами, имеющими больший доступ к социальным ресурсам (органы власти и управления, СМИ, лидеры мнений); наличие солидарности между членами общности; ментальность, «внутренняя энергетика», придающая смысл совместной деятельности на определённой территории.

С точки зрения сетевой теории [Коулман 2001; Кастельс 2000; Wellman 1999], территориальные общности представляют сеть социальных взаимодействий, которые конституируют региональную идентичность, определяемую нами как желание и готовность жить и развивать данную территорию. У горожан и сельских жителей преобладает смешанный тип «общинных» и «общественных» связей, согласно концепции Ф. Тённиса [Тённис 2002] при некотором доминировании у общности сельских жителей «общинных связей». Общности горожан и сельских жителей имеют существенные различия в трудовой деятельности населения, качестве жизни, темпоральных характеристиках рабочего и свободного времени, обусловленных неравенством экономических, финансовых, информационных, управленческих, социальных ресурсов,

а также возможностей получения образования, смены профессий, специальностей, вида деятельности, места жительства и т. п., что нуждается в научной рефлексии и актуализирует ресурсный подход в исследовании территориальных общностей.

Глобализация и глокализация, сопровождающиеся в современных условиях ухудшением качества жизни, замедлением социально-экономического развития Волгоградской области и социальными трансформациями, сближают жизнь горожан и сельских жителей и характеризуются:

- активной внутренней и внешней миграцией, связанной с переездом в крупные города (для горожан) и районные, региональные центры (для сельских жителей);

- растущей иммиграцией из других стран, связанной с транзитным географическим положением и привлекательностью российских пограничных регионов (например, Волгоградской области), природно-климатическими, сельскохозяйственными ресурсами для прибывающего населения из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Украины и растущей жизненной необходимостью восполнения демографических ресурсов регионов;

- информатизацией (интернет-коммуникации, возросшая компьютерная грамотность населения, использование в рабочее и досуговое время информационных технологий и т. д.);

- постоянными административно-территориальными изменениями;

- изменением отношения молодёжи к символическому капиталу региона, ориентацией на его будущее развитие, снижением значимости прошлого. Так, по мнению опрошенной молодёжи Волгоградской области, «региону не хватает динамичности», «устремлённости в будущее», «защитленность на войне и исторической памяти вызывает желание покинуть регион-памятник»¹.

- сочетанием традиционалистского и инновационного паттернов в деятельности местных сообществ. С одной стороны, большинство региональных и местных акторов, для которых территориальная общность является ценностью, стремится к сохранению и развитию местного сообщества. «Они считают опасными инновации, которые разрушают сообщество (городское и сельское), его ценности, личность человека, какой она формировалась в российской культуре» [Асимметрия жизни... 2017: 17]. С другой стороны, ориентируются на развитие и прогресс, внедрение новых технологий и новых форм взаимодействия, что было выявлено в качественных и количественных исследованиях имиджа региона и миграционных рисков Волгоградской области [Дроздова 2016].

Происходит сближение территориальных общностей горожан и сельских жителей, потеря традиционалистских, уникальных паттернов сельских жителей (для Волгоградской области – казачьих), нивелирова-

¹ Опрос проводился автором статьи в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (Волгоградская область, июль-август 2013, N=1000).

ние социального пространства региона в «ничто́» (массовое, глобальное) из «не́что» (уникальное, локальное) [Кравченко 2015], что конструирует новую социальную реальность в регионах России, актуализируя исследования социальных ресурсов территориальных общностей.

Социальные ресурсы территориальных общностей региона

Социальные ресурсы территориальных общностей изначально имеют важную составляющую для удовлетворения внутренних потребностей членов общности (жизнеобеспечивающих, экзистенциальных и более высокого порядка – в солидарных связях, национально-этнических, трудовых, досуговых, образовательных, культурных отношениях, самореализации и самоактуализации) [Maslow 1954], но они обеспечивают и её внешнюю связь с другими общностями и территориями. Качество внутренних и внешних коммуникаций территориальных общностей, мобильность жителей региона, инвестиционную привлекательность, имидж территории определяют их ресурсы.

В результате ресурсный подход представляет особую значимость в контексте исследования жизнедеятельности, возможностей и ограничений условий существования территориальных общностей региона. Данный подход получил развитие в работах зарубежных исследователей П. Бурдые [Бурдые 2002], Э. Гидденса [Гидденс 2003], Дж. Коулмана [Коулман 2001], Ф. Фукуямы [Фукуяма 2004], Р. Патнэма [Putnam 1995]. В настоящее время ресурсный подход признаётся одним из перспективных в отечественной социологии и представлен в трудах Т. И. Заславской [Заславская 2004], О. И. Шкаратана [Шкаратан 2012], В. В. Радаева [Радаев 2002], Н. Е. Тихоновой [Тихонова 2006], Л. Г. Почебут [Почебут 2002].

В социологии ресурсный подход предполагает понимание процессуальности социального порядка и изменения его в ходе социальных взаимодействий людей. Эти изменения происходят не по сценарию адаптации, как при освоении природных, географических, отчасти материальных ресурсов. Данная концепция является социологической призмой при адаптивном подходе. Основная идея ресурсного подхода заключается в том, что именно в процессе социальных взаимодействий происходит создание и воспроизводство социальных ресурсов, обеспечение уникальности и перспектив (возможностей) развития территории и территориальных общностей.

Создание на определённой территории условий для формирования гуманитарных, профессиональных, организационных компетенций, управление качеством жизни, интеграция и постоянная социальная капитализация, сохранение и поддержание неповторимости социальных ресурсов региона и их компонентов (человеческие ресурсы, событийность, человеческий капитал, символический капитал, ценности, традиции,

пространственные и временные характеристики, услуги, социальная активность и т. д.) определяют успех и жизнеспособность, перспективность развития территориальных общностей [Актуализированные ценности... 2015].

Ресурсный подход, достаточно разработанный в экономике и теории управления, включает несколько концепций понимания и исследования ресурсов и их роли в обеспечении устойчивого развития социальных общностей. Представители западной школы рассматривают социальные ресурсы в концепции человеческих ресурсов, человеческого и социального потенциала, человеческого и социального капиталов, которые являются объектами нашего анализа.

Концепция человеческих ресурсов (Г. Беккер [Becker 2009], П. Друккер [Друккер 2015], Д. Хант [Хант 1999] и др.) содержит положение о максимальном использовании человеческих ресурсов как самого важного и постоянно восполняемого ресурса социальной организации и создания условий для удержания и развития данных стратегических ресурсов региона. Убывание населения в Волгоградской области, эмиграция высокопрофессиональных и образованных специалистов из региона, банкротство и закрытие промышленных предприятий, вузов, рост структурной безработицы изменяют качественные показатели человеческих ресурсов региона и затрудняют процесс воспроизводства других, что возможно только в процессе социальных взаимодействий людей. Данные изменения оказывают негативное влияние на человеческий потенциал региона в целом.

Концепция человеческого потенциала, рассматриваемая в трудах отечественных исследователей (Т. И. Заславская [Заславская 2004], В. М. Петров [Петров 1998], О. И. Генисаретский, Н. А. Носов, Б. Г. Юдин [Генисаретский и др. 1999] и др.) основывается на определении потенциала как реальной материальной и духовной предпосылки инновационных преобразований общества, направленных на создание достойных условий для самореализации человека.

Понятие «потенциал» (от лат. *potential* – сила) является более широким, чем социальные ресурсы, и обладает несколькими значениями. При изучении потенциала необходимо учитывать качественные характеристики объекта (личности, общности, региона), свойства, определённые ресурсы для достижения цели и необходимые условия, при которых происходит объективация существующих возможностей в действительность. Социальный/человеческий потенциал является интегральной дефиницией, отражающей интенции, возможности личности, групп, социальных общностей, регионов в решении перспективных задач социального развития [Социологическая энциклопедия 2003: 236]. Социальный потенциал формируется в ходе развития общества и включает используемые и неиспользуемые ресурсы, источники, средства, силы, резервы, их предпосылки, существующие в данный момент, которые могут проявляться в будущем при создании определённых условий, достижении более высокого уровня и качества жизни, обеспечении социального благополучия населения.

Волгоградская область, имеющая высокий социальный потенциал для развития территории, обусловленный природно-географическими и историческими факторами, ограничена на современном этапе в возможностях реализации данной интенции. По мнению 31,5% респондентов, в позиционировании Волгоградского региона «не хватает устремлённости в будущее», а также «ориентации на современные достоинства и преимущества региона» (33,4% опрошенных)¹. Поэтому необходимо отметить, что понятие «потенциал» отражает лишь существующую возможность, не всегда реализуемую в последующем.

Для реализации потенциала территории необходимо наличие человеческого и социального капиталов. Они являются основными в структуре социальных ресурсов региона и создаются в процессе социальной активности территориальных общностей, обеспечивают формирование и воспроизводство других социальных и материальных ресурсов территории.

Следует отметить, что в научном дискурсе понятия «ресурс» и «капитал» рассматриваются либо как тождественные (Э. Гидденс), либо разводятся путём выделения специфики этих понятий (П. Бурдьё). В трактовке Э. Гидденса ресурс понимается как капитал аллокативный (содержащий материальную составляющую) и авторитарный (основанный на власти) [Гидденс 2003: 373]. П. Бурдьё различает данные понятия. Ресурс, по мнению исследователя, превращается в капитал при условии востребованности агентами социальных полей и легитимированности его как ценности [Бурдьё 2004: 524]. Он определил социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания или, другими словами, с членством в группе» [Бурдьё 2002: 284], и обосновал возможность реализации социального капитала через его конвертацию в другие значимые формы капитала.

Концепция человеческого капитала, рассматривающая человека как носителя знаний, умений, навыков прежде всего в профессиональной сфере, разрабатывается в экономике и управлении персоналом и является предметом исследования в управленческом подходе (А. Смит [Смит 1962], Д. Риккардо [Риккардо 1993], К. Маркс [Маркс 2016], Т. У. Шульц [Shultz 1968], Г. С. Беккер [Becker 2009], Р. Гринберг [Гринберг 2008] и др.).

Ресурсный подход в социологии используется в рамках стратификационных исследований. Так, по мнению отечественного исследователя Т. И. Заславской, основу социальной дифференциации общества составляет совокупный капитал индивидов и групп. При этом Т. И. Заславская выделяет такие виды капитала, как политический (административный, бюрократический), экономический, социальный и культурный. Экономический капитал, по её мнению, измеряется

¹ Опрос проводился автором статьи в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (Волгоградская область, июль-август 2013, N=1000).

масштабом собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, контроля над финансовыми потоками, уровнем личных доходов и семейного благосостояния [Заславская 2004]. Все виды капиталов являются структурными компонентами социальных ресурсов, и их видовая классификация может актуализироваться в контексте сравнительного анализа территориальной общности жителей города и сельских поселений.

Социальные ресурсы (человеческий капитал, время, пространство, ценности, традиции, региональная идентичность, человеческие ресурсы, событийность) формируют социальный капитал, являясь ресурсными переменными, взаимосвязанными, взаимообусловленными и образующими региональный контекст или пространственно-временной континуум.

Социальный капитал в структуре социальных ресурсов территориальных общностей

Исследование социального капитала связано с именами Дж. Коулмена [Коулмен 2001] и П. Бурдье [Бурдье 2002]. Первый осуществил системный анализ процесса формирования социального капитала с использованием экономических принципов рационального поведения людей [Коулман 2001: 123]. П. Бурдье считал, что источником социального капитала являются два элемента: социальные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, являющимся собственностью других индивидов и определяющим количество и качество этих ресурсов [Бурдье 2002]. Формирование социального капитала происходит в социальной коммуникации.

Исследователи акцентируют внимание на коллективной природе социального капитала. Необходимым условием его существования и воспроизводства становится существование «Другого» и особого рода социальных отношений – отношений взаимности, или реципрокности (reciprocity), которые поддерживаются существующими в конкретном обществе социальными и культурными нормами, традициями, паттернами и специфичными для тех или иных групп социально-культурными условиями существования. Территориальные общности являются результатом целенаправленного конструирования институционализированных групповых отношений в пространственно-временном континууме региона.

Институционализированные социальные связи позволяют представителям территориальных общностей использовать их как надёжный источник получения разнообразных благ, социальных выгод для их удержания и расширения индивидуальных и групповых возможностей. Социальные сети, образуемые постоянными социальными связями членов территориальных общностей, направлены на воспроизводство перспективных социальных отношений – между родственниками, соседями, коллегами, земляками, являющимися одновременно необходимыми

и избирательными, налагающими прочные, субъективно ощущаемые обязательства (чувство симпатии, признательности, уважения, дружбы), или институционально гарантирующие их права [Бурдые 2005: 67].

Через социальный капитал, конструируемый в процессе взаимодействий, индивиды приобретают доступ к различным ресурсам. Вместе с тем наличие социального капитала требует вложения как экономических, так и культурных ресурсов. Исходя из этого, П. Бурдые выявил также соотношение ресурсов и способности их получать благодаря членству индивида в разных социальных структурах и определённом уровню межличностного и институционального доверия, выступающего условием социального взаимодействия и долгосрочной социальной коммуникации. Результатом такого взаимоориентированного взаимодействия, основанного на доверии, и является социальный капитал.

Социальный капитал создаётся для удовлетворения потребностей взаимодействующих субъектов, направлен на достижение индивидуальных и общественных целей. Для обладания социальным капиталом, по мнению Дж. Коулмана, необходим некий социальный контракт, наличие социальных норм и обмен, предполагающий определённый уровень доверия. Готовность людей вступать во взаимоотношения друг с другом, формировать социальный капитал зависит от уровня межличностного доверия. Согласно концепции Ф. Фукуямы, доверие является основой создания социального капитала: «Доверие – это возникающее у членов общества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общественными нормами» [Фукуяма 2004: 52].

Социальный капитал в концепции Дж. Коулмана понимается как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы, социальные нормы, модели поведения [Коулман 2001]. В концепции Р. Патнэма [Putnam 1995] представлена трёхфакторная модель социального капитала, включающая нормы взаимности, доверие и социальные сети. Он утверждает, что изменение качества социальных отношений предшествовало экономическому развитию. Процветание общества обусловлено интенсивностью и качеством сетей взаимодействий, которые обеспечивают ресурсами социальные группы. Доверие как элемент социального капитала рассматривает и Э. Л. Лессер, полагая, что доверие представляет собой отдельное понятие и может выступать как источником социального капитала, так и его результатом [Lesser, Prusak 2000].

Увеличение социального капитала происходит путём поддержания «взаимовыгодных» условий укрепления доверия, связей, формирования сетей взаимодействий, обеспечивающих капитализацию взаимодействующих акторов. Социальный капитал всегда зависим от группового, сетевого взаимодействия людей [Бурдые 2002: 60].

Социальный капитал регионального сообщества способен воспроизводиться на микро- и макроуровнях. Микроуровень воспроизводства социального капитала – степень интенсивности и широты межличностных связей индивида, модели поведения индивида, ожидания, доверия.

Ключевым в интерпретации «доверия» на микроуровне воспроизводства социального капитала является то, что оно вовлекает человека в отношения, где действия, характер и намерения другого не могут быть удостоверены. При таком понимании человек доверяет или вынужден, склонен доверять в случае, когда у него нет возможности точно понять или проверить другого. Именно доверие на микроуровне создаёт возможности для последующих социальных отношений и их капитализации.

Как показывают мониторинговые исследования, в Волгоградской области низкая степень доверия между представителями территориальных общностей (горожане, полностью доверяющие своим соседям, родственникам, друзьям, составляют не более 35% опрошенных, сельские жители – 45%)¹. Эти данные свидетельствуют об ограничениях в создании социального капитала территориальных общностей, что уменьшает и социальные ресурсы региона.

Отсутствие межличностного доверия определяет пассивность населения, нежелание и неспособность людей к самоорганизации, сложные и неэффективные практики взаимодействия, ограничения в формировании и развитии территориальных общностей, что является актуальной проблемой для Волгоградского региона, объясняет депрессивные и убывающие тенденции в его развитии.

Макроуровень воспроизводства социального капитала – воспроизводство региона как пространства смыслов и идей, среди которых мы выделяем региональную идентичность как консолидирующую, регионообразующую систему коммуникации. Высокий суммарный процент (81,1%) респондентов-волгоградцев, ассоциирующих понятие Родина с определённым местом своего проживания, свидетельствует о сформированной региональной идентичности, но при этом доверие к институциональным акторам (органам власти, СМИ) остаётся достаточно низким. Как показало авторское исследование, 56,5% респондентов считают, что деятельность региональных властей не является преимуществом Волгоградской области; 52% также негативно охарактеризовали деятельность муниципальных властей; СМИ «скорее доверяют, чем нет» 46,6%, доверяют полностью только 4,3%; но, с другой стороны, суммарный процент респондентов, выбравших позицию «скорее не доверяю, чем доверяю», «совсем не доверяю», «затрудняюсь ответить» равен 49². Полученные автором эмпирические данные позволяют констатировать неоднозначное отношение к институциональным акторам со стороны регионального сообщества.

Микро- и макроуровни воспроизводства социального капитала тесно связаны между собой и взаимодополняют друг друга. Эффективность управления на макроуровне воспроизводства социального капитала не может быть достигнута без установления прочных, доверительных отношений на микроуровне.

¹ Опросы 2006, 2009, 2013, 2017 гг. (N=572, 600, 1000, 400 соответственно), осуществляемые коллективом ВИУ РАНХиГС при участии автора статьи (Волгоградская область, анкетный опрос, выборка квотная по полу, возрасту, месту жительства).

² Опрос проводился автором статьи в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (Волгоградская область, июль-август 2013, N=1000).

Социальный капитал является основным и необходимым социальным ресурсом региона, и исследование его структуры, механизмов воспроизводства неизменно определяет дискурс зарубежной и российской науки в рамках ресурсного подхода. Формирование и воспроизводство социального капитала региона на всех уровнях связано с удовлетворением потребностей населения, повышением качества жизни территориальных общностей, деятельностью органов власти и управления, обеспечивающей развитие региона, преодолением неопределённости, социальной активностью горожан и сельских жителей на определённой территории, формированием и поддержанием региональной идентичности. Расширение социальных взаимодействий в регионе, рост доверия на личностном и институциональном уровнях являются, на наш взгляд, основой социальной капитализации.

Исследователи в рамках полипарадигмальных и междисциплинарных направлений (социально-экономических, социально-психологических, социокультурных и др.), сосредоточившись на теоретическом осмыслении концепции социального капитала, практически не рассматривают вопросы, связанные с развитием региона и возможностями воспроизводства социального капитала территориальными общностями. Это актуализирует рассмотрение его как определённого вида ресурсов, которыми обладают горожане и сельские жители благодаря участию в групповых, общностных и региональных взаимодействиях.

Пространство и время как особые виды социальных ресурсов территориальных общностей

Основываясь на работах зарубежных и отечественных социологов, в качестве основных ресурсов территориальных общностей мы рассматриваем также время и пространство, определяющие и структурирующие жизнь территориальных общностей.

Традиция в исследовании пространства и времени была заложена в рамках философского подхода, который определяет пространство как переживание, условие созерцания предметов, математическую меру и порядок, «репрезентирующего» и «репрезентируемого» [Кассирер 2002: 124]. Переживание пространства возможно только благодаря своеобразию временного схематизма: «Форма времени способна находить себе опору только в пространственных и предметных определениях» [Кассирер 2002: 132]. Пространственно-временной континуум региона, который находится в фокусе статьи, является единственно возможной формой существования территориальных общностей, обеспечивает переживание (проживание) времени в настоящем, событийность, деятельность жителей, являющихся условием формирования и развития социальных ресурсов.

Согласно концепции Э. Гидденса, выстраивание социальных связей и отношений возможно только на основе разделения территориальными акторами общего сектора времени и пространства [Гидденс 2003: 118]. Общий сектор времени предполагает одновременность действий и потоков сознания («вместе растём, вместе работаем», «живём в одном городе/на одной улице»). Город и сельское поселение можно рассматривать как общий сектор времени и пространства, который актуализирует исследование территориальной общности на микро- (уровень личности) и макроуровне (роль территориальной общности в региональном/государственном управлении).

Настоящее время, имеющее неразделимую триаду с прошлым и будущим, воплощается в деятельности территориальных общностей. Конструирование реальности как результат социальных практик возможно в конкретном проживании времени. Пространственно-временной континуум определяет процессуальный характер социальной реальности [Штомпка 2005: 495].

Пространство и время вплетены в социальные взаимодействия, выступают и условиями, и ресурсами, и ограничениями деятельности территориальных общностей. Пространство как территория является фактором определения общности, «формой взаимодействия социальной и вещно-предметной структуры общества, характеризующейся объективностью, метричностью, территориальным распределением населения, направленностью и интенсивностью перемещений» [Зборовский 2009: 243]. Время рассматривается и как необходимое условие протекания процессов человеческого познания, мышления и деятельности, и как критерий оценки социальных качеств людей и вещей, как форма синхронизации и согласования взаимодействия социальных субъектов [Кемеров 1998: 164–165]. Время можно рассматривать как интенцию, способность, связанную с психическими процессами личности (индивидуальное время) и групп людей (коллективное время), отражать в сознании систему отношений между событиями, вещами, людьми, которые имеют темпоральные свойства (скорость, ритм, последовательность, продолжительность и др.) [Штомпка 1996]. Время выступает «формой бытия социальных общностей, являющейся необходимым условием человеческой деятельности, её структурной расчленённости и исторического развития с учётом продолжительности общественных процессов» [Зборовский 2014: 150].

Жизнь территориальных общностей предполагает наличие пространственно-временного континуума, обуславливающего эту общность. Социальное время объективируется в образе жизни социальных общностей, групп, личности, имеет субъективные и объективные показатели, когнитивные, эмоциональные, поведенческие составляющие, может быть измерено, зафиксировано в различных формах темпоральной активности социальных субъектов (П. Бергер, Т. Лукман [Бергер, Лукман 1995], М. Хайдеггер [Heidegger 1972] и др.). Согласно концепции Г. Зиммеля [Зиммель 2002], «разорванность пространства», отсутствие взаимосвязей и единого переживания пространства и времени, отсутствие доверия и территориальных

идентичностей (сельские жители, не считающие себя таковыми; жители города, не представляющие город как общее пространство), – также проблема, требующая исследования в рамках ресурсного подхода.

Для Волгоградской области время и пространство обладают определённой спецификой. Социальные взаимодействия жителей региона, патриотическое поведение горожан и сельских жителей обусловлены героической историей региона и временем войны, которое в режиме трихронности («вчера – сегодня – завтра») определяет региональное развитие и его линейные и нелинейные векторы. Для Волгоградского региона Сталинградская битва – это основной региональный контекст, пространственно-временной континуум. Военная история является повседневностью территориальных общностей региона. Их жизнь протекает в пространстве военных идей, символов, апелляций, ограниченной событийности. Событийность как социальный ресурс, по мнению жителей Волгоградского региона, связана с празднованием только военных памятных дат – 2 февраля (окончание Сталинградской битвы, капитуляция немецко-фашистских войск под Сталинградом) и 9 Мая (День Великой Победы СССР над фашистской Германией). По мнению информантов, *«образ региона – героически-трагический. Мы продолжаем быть на этой войне, всё настоящее и, наверное, будущее вокруг прошлого. Время застыло...»*; *«регион-памятник и музей на открытом воздухе...»*; *«... у молодёжи ощущение, что жизнь проходит, именно «проходит» на мемориале...»*¹.

Для Волгоградского региона создание, актуализация современных событий, наполнение пространства символами, не связанными с военной историей, ориентация на будущее инновационное развитие региона, сочетание традиционалистского и инновационного паттернов в деятельности местных территориальных общностей способны изменить пространственно-временной континуум региона, обеспечить региональной социальной системе необходимую устойчивость в настоящем и придать новые импульсы к развитию социальных ресурсов.

Категории времени и пространства, согласно деятельностному подходу П. Штомпки [Штомпка 1996], территориальные общности региона (горожане и жители сельских поселений) превращают в реальную форму и условия жизнедеятельности социальных акторов. Пространственно-временной континуум региона определяет особенности среды, образа жизни, поведения, культуры, ценностей, сеть взаимно отражённых отношений и взаимозависимостей между явлениями, событиями и социальными активностями акторов территориальных общностей.

Выводы

Социальные ресурсы территориальных общностей являются основным условием их существования и развития, «стрелой общности», используя философскую метафору. Эти ресурсы включают время и про-

¹ Экспертные интервью, проведенные автором статьи, в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N=50, апрель–сентябрь 2013 г.).

странство, человеческие ресурсы, потребности населения, возможности и ограничения их удовлетворения, сложившуюся систему управления и самоорганизации, различные виды капитала и их конвертацию в различных полях (экономическом, культурном, символическом и т. д.). Именно наличие/отсутствие социальных ресурсов может являться как консолидирующим, так и дезинтегрирующим основанием для территориальных общностей.

Мультипарадигмальность в исследовании социальных ресурсов региона определяется сложностью их структуры. В связи с этим ресурсный подход оказывается, как показано в статье, вновь востребованным в исследовании территориальных общностей, обеспечивает социологическую рефлексию для определения траектории развития российских территорий в условиях постоянно изменяющейся социальной реальности.

Библиографический список

Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf [Дата посещения: 11.02.2019].

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография]. Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ИС ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf [Дата посещения: 11.02.2019].

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум. 323 с.

Бурдые П. 2002. Формы капитала // Экономическая социология. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf [Дата посещения: 11.02.2019].

Бурдые П. 2004. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. 680 с.

Бурдые П. 2005. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 288 с.

Генисаретский О. И., Носов Н. А., Юдин Б. Г. 1999. Концепция человеческого потенциала: основные положения // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС. С. 7–21.

Гидденс Э. 2003. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект. 528 с.

Гринберг Р. С. 2008. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: Институт экономики РАН. 480 с.

Дроздова Ю. А. 2016. Дискурсы повседневности и аффектов в тексте регионального пространства (на примере Волгоградской области) // Вестник Московского Государственного Университета. Серия 18. Политология и социология. № 3. С. 175 – 192.

Дроздова Ю. А. 2016. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. № 6. С. 100 – 109.

Друккер П. 2015. Практика менеджмента. М.: Манн, Иванов и Фербер. 416 с.

Заславская Т. И. 2004. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело. 400 с.

Зборовский Г. Е. 2009. Теория социальной общности: Монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 304 с.

Зборовский Г. Е. 2014. Социальные общности и их временные характеристики // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 1 (123). С. 148–158.

Зиммель Г. 2002. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3 (34). С. 23–34.

Кассирер Э. 2002. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М.-СПб.: Университетская книга. 398 с.

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ. 606 с.

Кемеров В. Е. 1998. Время и пространство // Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, М., Минск: ПАНПРИНТ. С. 164–165.

Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121–139.

Кравченко С. А. 2015. «Нормальная аномия»: производство ничто // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 17–33.

Маркс К. 2016. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Эксмо. 1200 с.

Михайлов А. С. 2017. Границы территориальной общности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Естественные и медицинские науки». № 1. С. 5–20.

Петров В. М. 1998. Человеческие потенциалы и их распределения: проблема измерений // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода/ под ред. И. Т. Фролова. М.: Права человека. С. 124–150.

Почебут Л. Г. 2002. Психология социальных общностей. Толпа, социум, этнос. СПб: Изд-во СПбГУ. 176 с.

Радаев В. В. 2002. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // Общественные науки и современность. Т. 3. № 4. С. 20–31.

Риккардо Д. 1993. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики в 2-х тт. Т. 1. М.: Эконов. 450 с.

Смит А. 1962. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз. 688 с.

Социологическая энциклопедия: в 2-х тт. Т. 2. / Г. Ю. Семигин; Под ред. В. Н. Иванова. М.: Мысль, 2003. 863 с.

Тённис Ф. 2002. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль. 451 с.

Тихонова Н. Е. 2006. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. Т. 7. № 3. С. 11–26.

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак. 730 с.

Хант Д. У. 1999. Управление людьми в компаниях. Руководство для менеджера. М.: Олимп-бизнес. 360 с.

Шкаратан О. И. 2012. Социология неравенства. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 526 с.

Штомпка П. 1996. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс. С. 493–510.

Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 655 с.

Becker G. 2009. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago: University of Chicago press. 412 p.

Heidegger M. 1972. Time and Being. N.Y.: Harper and Row. 84 p.

Lesser E. L., Prusak L. 2000. Communities of practice, social capital and organizational knowledge // Knowledge and communities. Boston: Butterworth Heinemann. P. 123–131.

Maslow A. H. 1954. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row. 164 p.

Putnam R. 1995. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. Vol. 6. no. 1. Pp. 65–78.

Shultz T. 1968. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y. vol. 6.

Wellman B. 1999. (ed.) Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities. Boulder, Colo.: Westview Press. 377 p.

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557

A Resource Approach Towards Examining Territorial Communities

Julija A. Drozdova

Volgograd Institute of Management, Volgograd, Russia. E-mail: juliadrozdova@mail.ru

For citation: Drozdova, J. A. Resource approach in studying territorial communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557>

Abstract. Within the context of conditions for the existence, activity and development prospects of a region's territorial communities, a resource approach is something of particular significance. A region's development depends on the participation of city dwellers and villagers, these being the main territorial communities, in processes such as modernization and the social development of territories. From the author's perspective, the future of any given region is determined by social resources bearing a space-time nature, which include the quantitative and qualitative composition of the population (human resources), human and social capital, eventfulness, and social activism. The social resources of territorial communities are one of the important basic components for fulfilling the domestic demands of the population: life-supporting, existential; the demand for solidarity connections, national-ethnic, labor, leisure, educational and cultural relations; as well as self-fulfillment and self-actualization. This article's author notes that the social resources of territorial communities provide external communication with other communities and territories, defining the competitive capacity and investment appeal of any given region, as well as the qualitative and quantitative composition of migration flow. What makes social resources, which can be defined as a product of people collaborating and cooperating, unique in comparison to material resources, according the author of this article, is down to such properties as the ability to capitalize and constantly reproduce, replenish as a result of the development of territorial communities, the advancement of forms of governance and self-management, shifts in people's social qualities during the process of socialization, education, self-education and self-fulfillment on a certain territory. The sociological-managerial approach's "new agenda" consists of proactive creation, development and advancement of social resources, while keeping them within a certain territory. A region's social resources ensure its stable operation and advancement as a socio-economical and communicative system, existing within a certain space-time continuum. A multitude of differences in the existence of territorial communities, on the one hand, and the reduction of the uniqueness, individuality and manners of cultural consumption, social interests and relations under the influence of globalization on the other hand – this all indicates the emergence of a new scenario, new opportunities and limitations in terms of regional development. These social transformational processes are in need of sociological introspection in order to define the trajectory for the development of Russian regions, to examine collaboration between urban and rural social communities within the context of a single regional system, and to improve social management.

Keywords: territorial communities, region, social resources, social capital, space-time continuum.

References

Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossiyskogo obschestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 273 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf [date of visit: 11.02.2019].

Asimetriya zhizni sovremennogo rossiyskogo obschestva: sootnoshenie traditsiy i innovatsiy [Asymmetric life of modern Russian society: ratio of traits and innovations]. Ed. by O. V. Aksenova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 207 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf [date of visit: 11.02.2019].

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Saint-Petersburg, Piter, 2008. 240 p.

Becker G. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago, University of Chicago press, 2009. 412 p.

Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti [The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledg]. Moscow, Medium, 1995. 323 p.

Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Economicheskaya sotsiologiya*, 2002, vol. 3, no 5, pp. 60–74.

Bourdieu P. Sotsiologiya politiki [Sociology of politics]. Moscow, Socio-Logos, 1993. 336 p.

Castels M. Informatsionnaya epoha: ekonomika, obschestvo, kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, SU HSE, 2000. 606 p.

Coleman G. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [The Human and Social Capital] *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, 2001, no 3, pp. 121–139.

Drukker P. Praktika menedzhmenta [The Management Practice]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 416 p.

Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: The social virtues and the creation of prosperity]. Moscow, AST, Ermak, 2004. 730 p.

Genisaretskiy O. I., Nosov N. A., Yudin B. G. Kontsepsiya chelovecheskogo potentsiala: osnovnye polozheniya [The concept of human potential: basic provisions]. Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podhoda. Moscow, Editorial URSS, 1999, pp. 7–21.

Giddens A. Ustroenie obschestva: ocherk teorii strukturatsii [The constitution of society: Outline of the theory of structuration]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2003. 528 p.

Grinberg R. S. Osnovaniya smeshannoy ekonomiki. Ekonomicheskaya sotsiodinamika [Basis of the mixed economy. Economic sociodynamics]. Moscow, IE RAS publ., 2008. 480 p.

Heidegger M. Time and Being. New York, Harper and Row, 1972. 840 p.

Johnson H. G. The Economic Approach to Social Questions. *Economica*, February 1968, vol. 36, pp. 166–192.

Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 3. Fenomenologiya poznaniya [Philosophie der symbolischen Formen]. Moscow, Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga, 2002. 398 p.

Kassirer E. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [The Technics of Contemporary Political Myths]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 17: Filosofiya*, 1990, no 2, pp. 58–65.

Kemerov V. E. Vremia i prostranstvo [Time and space]. *Sovremenny filosofskiy slovar'*. London, Frankfurt-am-Mein, Paris, Moscow, Minsk, PANPRINT, 1998, pp. 164–165.

Khant D. U. Upravlenie liud'mi v kompaniyakh. Rukovodstvo dlia menedzhera [Managing people in companies.]. Moscow, Olimp-business, 1999. 360 p.

Kravchenko S. A. «Normal'naya anomiya»: proizvodstvo nichego [“Normal Anomie”: the Production of “Nothing”]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2015, no 3, pp. 17–33.

Lesser E. L., Prusak L. Communities of practice, social capital and organizational knowledge. Knowledge and communities. Boston, Butterworth Heinemann, 2000, pp. 123–131.

Marx C. Capital. Kritika politicheskoy ekonomii [The Capital]. Vol. 1. Moscow, Exmo, 2016. 1200 p.

Maslow A. H. Motivation and Personality. New York, Harper and Row, 1954. 164 p.

Mikhaylov A. S. Granitsy territorial'noy obschnosti [The boundaries of the territorial community]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya «Estestvennye i meditsinskie nauki»*, 2017, no 1, pp. 5–20.

Petrov V. M. Chelovecheskie potentsialy i ikh raspredeleniya: problema izmereniy [Human potentials and their distributions: the problem of measurements]. *Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podhoda*. Ed. by I. T. Frolov. Moscow, Prava cheloveka, 1998, pp. 124–150.

Pochebut L. G. Psikhologiya sotsial'nykh obschnostey. Tolpa, sotsium, etnos [Psychology of social communities. Crowd, society, ethnos]. Saint-Petersburg, SPSU publ., 2002. 176 p.

Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*, 1995, vol. 6, no 1, pp. 65–78.

Radaev V. V. Poniatie kapitala, formy kapitala i ikh konvertatsiya [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2002, vol. 3, no 4, pp. 20–31.

Rikkardo D. Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [The beginning of political economy and taxation]. *Antologiya ekonomicheskoy klassiki*. Vol. 1. Moscow, Econov, 1993. 450 p.

Schultz Th. Investment in Human Capital. *American Economic Review*, 1961, vol. 51 (march), pp. 1–17.

Shkaratan O. I. Sotsiologiya neravenstva [Sociology of Inequality]. Moscow, SU HSE publ., 2012. 526 p.

Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of Social Changes]. Moscow, Aspekt-Press, 1996, 510 p.

Shtompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obschestva [Sociology: the analysis of modern society]. Moscow, Logos, 2005. 655 p.

Shultz T. Human Capital in: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 6. New York, 1968.

Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations]. Moscow, Sotsekgiz, 1962. 688 p.

Sotsiologicheskaya entsiklopediya [Sociological encyclopedia]. Ed. by G. Y. Semigin. Vol. 2. Moscow, Mysl', 2003. 863 p.

Tennis F. Obschnost' i obschestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii [Gemeinschaft und Gesellschaft]. Saint-Petersburg, Vladimir Dahl, 2002. 451 p.

Tikhonova N. E. Resursniy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Resources Approach as a New Paradigm in Stratification Studies]. Economicheskaya sotsiologiya, 2006, vol. 7, no 3, pp. 11–26.

Wellman B. (ed.) Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities. Boulder, Colo., Westview Press, 1999. 377 p.

Zaslavskaya T. I. Sovremennoe rossiyskoe obschestvo: sotsial'nyy mekhanizm transformatsii [The Contemporary Russian Society: the Social Mechanism of Transformation]. Moscow, Delo, 2004. 400 p.

Zborovskiy G. E. Sotsial'nye obschnosti i ikh vremennye kharakteristiki [Social communities and their temporal characteristics]. Izvestiya UrFU. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury, 2014, no 1 (123), pp. 148–158.

Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Megalopolises and Spiritual Life]. Logos, 2002, no 3 (34), pp. 23–34.

ТЕМА НОМЕРА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558

Патриотизм

как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения

Ссылка для цитирования: *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.* Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 104–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558>

For citation: *Ivchenkov, S. G.; Saiganova, E. V.* Patriotism as a component of public consciousness: a generational measurement perspective. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 104–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558>



Ивченков Сергей Григорьевич

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

ivchenkovsg@mail.ru



Сайганова Елена Викторовна

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

saiganovaev@yandex.ru

Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения

Аннотация. В статье по итогам социологического исследования, проведённого в 2018 г. методом анкетирования по вероятностной квотной выборке (N=420), анализируется многозначность трактовок патриотизма в общественном мнении саратовцев. Установлено, что чаще всего «Родина» интерпретируется жителями как Россия, «малая родина» – как свой город, семья, (реже – родной двор). Содержательная интерпретация этого понятия ассоциируется с социально значимой деятельностью, активизмом, социальной ответственностью. Основными проявлениями патриотизма респонденты считают службу в армии, патриотическое воспитание детей, законопослушность и добросовестный труд на благо общества. Большинство саратовцев считают себя патриотами в той или иной степени. Но настораживает то, что каждый третий горожанин, особенно среди молодёжи, склонен отрицать это. Патриотизм молодёжи ориентирован более всего на любовь к России. Старшее поколение выстраивает патриотические чувства на любви к семье, близким, родному городу и СССР. При этом большинство граждан (хотя и в разной степени) различают понятия «патриотизм» и «национализм». Последний воспринимается скорее негативно. В целом граждане, особенно среди старшего поколения, считают, что после распада СССР воспитание патриотических ценностей «пошло на убыль», хотя государство, президент предпринимают определённые шаги по повышению уровня патриотизма в обществе. Именно в такие периоды перемен, как сегодня, ценности предшествующих поколений вступают в противоречие с реальностью, а носителем новых знаний и устремлений чаще всего становится молодое поколение, которое острее ощущает и свободнее выражает основные проблемы общества. Таким образом, не только старшее, но и младшее поколение становится равноправным субъектом формирования патриотических установок социума. При этом глубина различий между поколениями прямо пропорциональна динамике и масштабам перемен в социуме, а мера взаимовлияния поколений – один из главных факторов социальной стабилизации общества, включая формирование патриотических ценностей. Усиление эффективности деятельности в данном направлении, более широкое её освещение в СМИ и интернете будет способствовать развитию исторической и социокультурной памяти.

Ключевые слова: патриотизм, Родина, поколения, ценности, историческая память, социальная стабильность, молодёжь

В условиях глубоких трансформационных изменений российского общества возврат к первоосновам организации жизни человека приобретает особую актуальность. Среди социально-нравственных приоритетов одним из самых значимых является отношение к Родине как высшей, ничем не заменимой самоценности, как важнейшей социокультурной нормативности общества. Успешное решение этой задачи требует глубокого осмысления гражданами всего происходящего, выработки активной жизненной позиции. Это предполагает необходимость формирования у граждан, прежде всего у подрастающего поколения, за которым будущее страны, высоких нравственных, морально-этических качеств, среди которых важное место занимает патриотизм.

Патриотическое воспитание играет огромную роль в духовно-нравственном становлении человека, оказывает влияние на формирование ценностной системы личности, её гражданственности, закладывает основы менталитета. Именно поэтому вопрос о патриотическом воспитании человека всегда актуален, особенно это касается подростков и молодёжи – самой мобильной и в большей степени подверженной влиянию со стороны части общества. Поэтому привитие молодёжи с ранних лет духа патриотизма является основной задачей не только семьи, образовательных учреждений, но и, едва ли не в первую очередь, государства [Сайганова 2015].

За последнее время вследствие обострения проблем в социально-экономической, политической, культурной и других сферах общественной жизни произошёл некоторый спад в деятельности по воспитанию подрастающего поколения, от которого во многом зависит будущее России. Беспокойство вызывает одно из ключевых направлений этой деятельности, связанное с созданием условий для воспитания и развития личности гражданина и патриота России, готового и способного отстаивать её интересы [Смирнова 2014]. Неслучайно основные задачи патриотического воспитания личности в России последовательно отражены в принятых Правительственных Государственных программах: Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–05, 2006–10, 2011–15, 2016–20 гг., целью которых является «создание системы патриотического воспитания молодёжи России» [Патриотическое воспитание ... 2016].

Формирование патриотизма немыслимо без самого непосредственного участия поколений. Глубоко был прав А. И. Ильин, говоря: «Мир не только строится в детской, но и разрушается из неё; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути гибели» [Ильин 1993]. Возрождение столь дефицитных чувств уважения и любви к Отечеству может начаться (или не начаться) в той же детской не только через мировоззрение родителей, но чаще – через взаимодействие с бабушками и дедушками. Именно через взаимоотношения с ними (в условиях повышенной занятости современных родителей) часто происходит знакомство подрастающего поколения с важнейшими патриотическими ценностями. Именно взаимодействие поколений во многом определяет степень эффективности и стабильности патриотического воспитания. Впрочем, надо отметить, что сам термин «патри-

отическое воспитание» кажется не вполне корректным. Патриотизм – это естественное чувство, такое же, как материнское или сыновнее. Привить его извне нельзя, и тем более невозможно навязать его силой. Правильнее, на наш взгляд, говорить о воспитании вообще: на здоровых ценностях, уважительном отношении к истории своей страны, почтении к памяти предков и тому подобном. Поэтому задача видится не в «насаждении» патриотизма, а скорее в ограждении его от размывания, в противодействии пропаганде космополитизма и культурного индифферентизма [Подъячев 2016].

По мере развития общества, особенно в направлении к глобальной информационности, межпоколенческая социокультурная трансмиссия становится реверсионной, т. е. включает в себя информационный поток не только от родителей к детям, но и обратно.

Современная молодёжь находится в специфической исторической ситуации, когда процесс социализации происходит не на основе унаследованных материальных и духовных ценностей, а, наоборот, требует активного участия самой молодёжи в выработке этих ценностей, причём самостоятельно, нередко в столкновении с мотивационными ценностями старших поколений. Молодёжь вступает в жизнь в условиях функционирования уже имеющих в обществе социальных институтов и структур, которые далеко не всегда соответствуют её интересам и потребностям. Естественно, что в процессе социализации молодые люди сталкиваются с серьёзными проблемами, так как у них нет ни достаточного уровня образования, ни профессиональных навыков, ни того социального опыта, что имеет старшее поколение [Сайганова 2015].

Именно в периоды бурных перемен ценности предшествующих поколений вступают в противоречие с реальностью, а носителем новых знаний и устремлений чаще всего становится молодое поколение. Молодёжная интерпретация современной ситуации и культурного наследия оказывает влияние на старшее поколение. Таким образом, не только старшее поколение, но и младшее становятся равноправными субъектами формирования патриотических установок социума. При этом глубина различий между поколениями прямо пропорциональна динамике и масштабам перемен в социуме, а мера взаимовлияния поколений – один из главных факторов социальной стабилизации общества, включая формирование патриотических ценностей. Изменение значимости одних и тех же патриотических ценностей у различных поколений сказывается на идеологии. Их сосуществование способно не только объединять, но и выступать поводом для конфликтов, дифференциации в обществе.

Поколенческие структуры являются древнейшим средством измерения и упорядочивания динамического развития путём фиксации вех – значимых событий жизненного пути человека, семьи, общества через повторение поколенческих и семейных ритуалов, традиций и праздников, имеющих важное социальное значение. Поколенческие праздники, юбилеи и памятные даты (семейные, индивидуальные, общественные) большей частью возвращают нас к тому событию в прошлом, которое

имеет значение для семьи, сообщества и память о котором устойчиво поддерживает признание, формализацию патриотического опыта, соответствующих стандартов поведения. Это относится не только к прошлому, но и к будущему, что проявляется в перспективных ориентациях, планировании действий, нововведениях и патриотических установках представителей разных поколений.

Патриотизм традиционно интерпретируется как любовь к Родине, включая привязанность к «малой родине», месту рождения и жительства индивидов. В современных условиях – это нравственный и политический принцип, социальное чувство ответственности, деятельное отношение, содержанием которого является любовь к Родине, национальная гордость и эмоциональная готовность пожертвовать своими интересами ради Отчизны.

По мнению И. А. Халий, «Народ сохранил основные ценности, связанные с любовью к Родине и её людям, и в постреволюционные, и в постперестроечные времена. Он не позволил «нарушить связь времён», стоит только посмотреть на окружающую рукотворную среду наших районных центров и их краеведческие музеи, многие из которых создавались руками самих горожан. Там продолжали свято поддерживать основные праздники, связанные с достижениями Отечества. «Бессмертный полк» как идея и движение возник в Сибири» [Халий 2017].

Содержание и направленность патриотизма определяются прежде всего духовным и нравственным настроением общества, его историческими корнями. По мнению С. Г. Ивченкова, «внутреннее содержательное наполнение этого понятия во многом определяется гендерной принадлежностью. Юноши чаще всего увязывают патриотизм со службой в армии, с патриотическими поступками, неприятием тех, кто уезжает за границу. Девушки больше ориентированы на добросовестное выполнение своих обязанностей, воспитание детей, законопослушность» [Ивченков 2018]. Роль и значение патриотизма возрастают, когда тенденции развития общества сопровождаются повышением напряжения сил его граждан (войны, нашествия, революционные потрясения, обострение кризисных явлений, борьба за власть, стихийные и иные бедствия). Проявления патриотизма в такие периоды отмечены высокими благородными порывами, особой жертвенностью во имя своего народа, своей Родины, что заставляет говорить о патриотизме как о сложном и безусловно неординарном явлении [Савченко 1996]. В силу этого понимание многозначности современного российского патриотизма является исходной задачей для выяснения его специфики как важного компонента общественного сознания различных поколений.

Этот подход был заложен в основу социологического исследования, посвящённого выявлению и анализу патриотических ценностей граждан города Саратова. Массовый опрос был проведён в 2018 г. методом анкетирования по вероятностной квотной выборке. Было опрошено 420 жителей Саратова двумя подвыборками – от 15 до 24 лет (младшее поколение) и от 60 лет и старше (старшее поколение), проживающих в шести

районах города. Критерии отбора – пол, возраст, уровень образования. В выборку попали 46,6% мужчин и 55,4% женщин. К возрастной группе 15–24 года относятся 46,7% респондентов, от 60 лет и старше – 53,3%.

Опрос показал, что 28,9% опрошенных под понятием «родина» имеют в виду Россию, 22,2% – семью и близких; 21,1% опрошенных ответили, что это город, в котором они родились; 15,5% – СССР; 3,3% – родной двор. По 1,1% указали на ближнее зарубежье или на отсутствие у них родины. Сравнительный анализ молодого и старшего поколений (см. таблицу 1) выявил, что 45,9% молодёжи (в возрасте от 15 до 24 лет) понятие «родина» уравнивают с Россией, так как именно здесь они родились и выросли. Среди старшего поколения таких в 2 раза меньше – 19,2%. Представители этого поколения почти в 5 раз чаще (25,5%) молодёжи (5,4%) ощущают связь понятия «родина» с СССР. 25,5% представителей старшего поколения считают своей родиной город, в котором они родились, среди младшего поколения таких только 18,9%. Это говорит о том, что старшее поколение больше привязано к своему городу, младшее – более мобильно. Респонденты от 60 лет и старше родину чаще сопрягают со своей семьёй и близкими (29,8%). Среди молодых таких только 16,2%. Родину ассоциируют с родным двором только представители младшего поколения (8,2%). Они же связывают это понятие с ближним зарубежьем (2,7%) либо полагают, что у них нет родины (2,7%). Таким образом, возрастные различия очень сильно влияют на субъективную трактовку «родины», что подтверждается коэффициентом корреляции Крамера (V), равным 0,875, при значимости $p=0,016$. Это означает проблемную ситуацию для России, так как большинство людей ориентированы на малую родину или семью, а представители старшего поколения, которые указали на СССР, живут в прошлом, что не приемлемо для молодёжи.

Таблица 1

Влияние возраста саратовцев на определение понятия «родина», %

Суждения	Возраст, лет	
	от 15 до 24	от 60 и старше
Родина – это:		
- город, где родились	18,9	25,5
- родной двор	8,2	0,0
- семья, близкие	16,2	29,8
- Россия	45,9	19,2
- СССР	5,4	25,5
- ближнее зарубежье	2,7	0,0
Нет родины	2,7	0,0
Итого	100,0	100,0

Уточнение содержательного значения, вкладываемого в понятие «патриотизм» (см. таблицу 2), показало, что самыми распространёнными интерпретациями стали ответы: «активно участвовать в общественно-

полезной деятельности» и «честно платить налоги» (по 12,8%). На втором месте (12,5%) – «добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности». 11,8% опрошенных акцентировали внимание на том, что нужно «соблюдать законы государства». 11% сконцентрировались на «защите Родины». 10,9% полагают, что патриотизм – это «доверие государству». 10,6% считают, что это «забота о своих родных и близких». 8,9% указали на «уважение и продолжение русских традиций». 8,6% выбрали «любовь к Родине». Иными словами, сегодня всё чаще патриотизм предполагает деятельностное начало.

Таблица 2

Значение, вкладываемое саратовцами в понятие «патриотизм»

Патриотизм – это:	%
- честно платить налоги	12,8
- активно участвовать в общественно-полезной деятельности	12,8
- добросовестно выполнять свой профессиональный долг	12,5
- соблюдать законы нашего государства	11,8
- защищать Родину	11,0
- доверять государству	10,9
- заботиться о своих родных и близких	10,6
- уважать и продолжать русские традиции	8,9
- любить Родину	8,6
Итого	100,0

При этом 38% саратовцев безусловно считают себя патриотами, 31% чуть менее уверены в этом; 22% абсолютно отрицают это чувство; 9% также отрицают свой патриотизм, но делают это менее уверенно. Иными словами, почти каждый третий житель города в той или иной степени отрицает свой патриотизм. При этом большинство мужчин и женщин в равной мере ощущают себя патриотами в той или иной степени (см. таблицу 3).

Таблица 3

Гендерные различия в самоидентификации себя как патриота, %

Пол	Самооценка себя как патриота				Итого
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	
Мужской	42	27	10	21	100
Женский	35	35	8	23	100
По выборке	38	31	9	22	100

На вопрос «Как проявляется в вашей жизни патриотизм?» 21,1% ответили, что добросовестно относятся к выполнению своих обязанностей в обществе. 18,9% указали, что воспитывают детей в соответствии с патриотическими взглядами. 13,3% уважают исконно русские традиции. 11,1% ответили, что они служат (служили) в армии. Однако каждый третий саратовец уклонился от этого вопроса вероятно потому, что

не считает себя патриотом. Исходя из этого, был задан вопрос об отношении саратовцев к Непатриотам. Выяснилось, что 47,8% респондентов относятся к этому равнодушно, так как это личное дело каждого. 33,3% опрошенных таковых не уважают, но 17,8% – поддерживают. Только 46,7% респондентов посчитали, что патриотизм как убеждение важен. Таким образом, патриотические взгляды для половины саратовцев не имеют значимости в повседневном социальном взаимодействии.

Тем не менее, 26,7% опрошенных готовы на всё ради Родины; 3,3% готовы оказать моральную поддержку; 2,2% указали, что это зависит от обстоятельств. По 1,1% готовы перетерпеть временные трудности, соблюдать законы или профессионально служить. Вместе с тем 18,9% респондентов указали, что не готовы чем-то поступиться ради Родины. Так, например, 58,9% опрошенных не готовы уехать за рубеж, в то время как 23,3% хотели бы этого.

В качестве наиболее важных жизненных ценностей (см. рис. 1) 11,1% опрошенных указали уверенность в завтрашнем дне, 10,5% – патриотизм, 10,1% – законопослушность, 9,7% – полезность для общества, 9,1% – верность долгу. 8,6% саратовцев среди важнейших ценностей выбирают свободу, 8,5% – любовь к Родине, России, 8,3% – образование, 7,7% – деньги, 5,8% – хорошую работу. Для 4,5% респондентов основной жизненной ценностью являются друзья, для 3,2% – семья, для 2,9% – здоровье. Таким образом, у большинства населения проявляется деятельно-активистский подход к патриотизму, сопрягающийся с общественной значимостью их поведения.

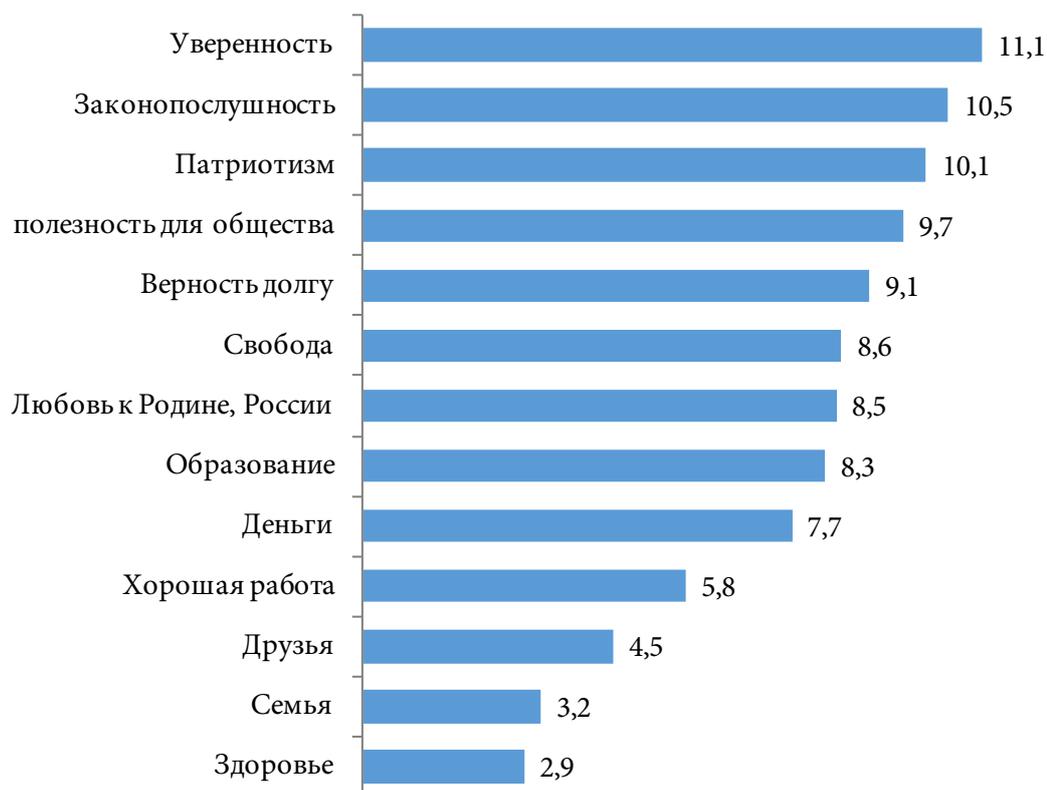


Рис. 1. Наиболее важные жизненные ценности саратовцев, %

Большинство опрошенных (52,2%) чётко различают понятия патриотизма и национализма; 15,6% видят различия, но считают их несущественными; 8,9% полагают, что между этими понятиями нет отличий. При этом под национализмом в равной степени (по 17,8%) понимают политическое движение или способ маскировки криминальной деятельности. 16,7% полагают, что это средство защиты независимости нашей страны. 13,3% видят в национализме нарушение всех общечеловеческих ценностей. 1,1% респондентов квалифицировали национализм как глупую заносчивость. Исходя из этого мнения, 41,1% опрошенных считают, что особо опасные националистические партии, движения и организации нужно запретить; 16,7% выступают принципиально против таких запретов; 14,4% полагают, что запретить их нужно «обязательно».

Сравнение патриотического настроения у старшего и младшего поколений (см. рис. 2) показало, что 32,8% респондентов в возрасте от 60 лет и старше служили в армии. У возрастной группы от 15 до 24 лет этот показатель в 4 раза меньше и составляет лишь 7,9%. В вопросах воспитания детей в соответствии с патриотическими взглядами старшее поколение (25,8%) саратовцев и молодёжь (23,2%) практически солидарны. И те, и другие добросовестно относятся к выполнению своих обязанностей в обществе (соответственно 23,1% и 29,2%). Таким образом, примерно треть представителей каждого поколения ответственно относится к патриотизму, добросовестно реализует его на практике и стремится воспитать его в детях. Однако уважение к русским традициям чаще подчёркивали представители молодого поколения (39,7%), чем саратовцы старшего возраста (18,3%).

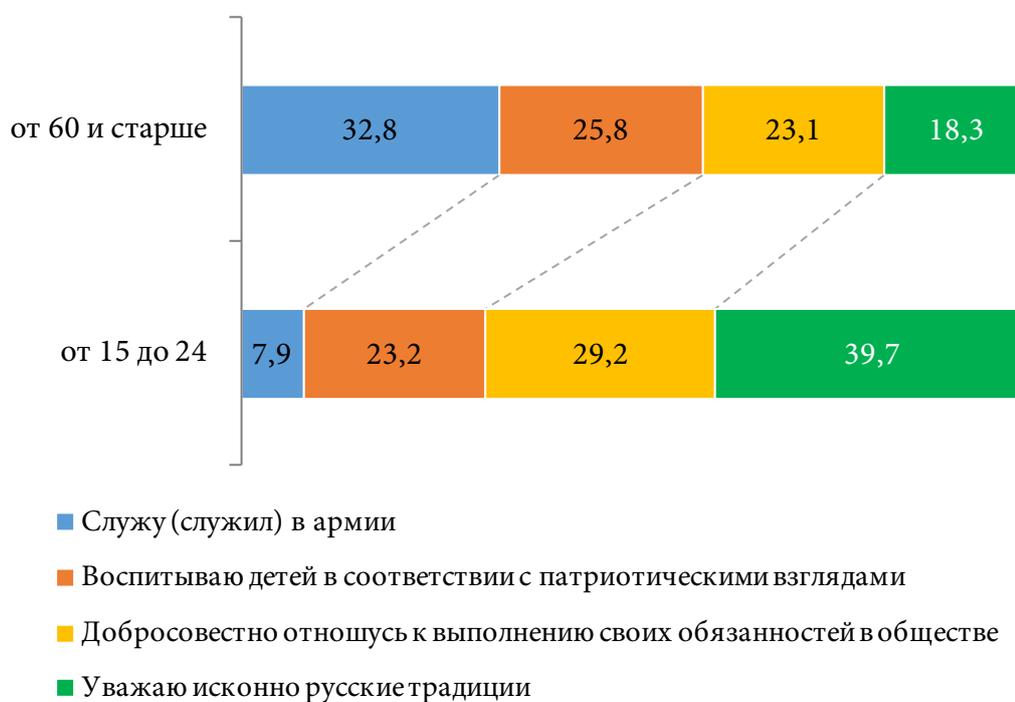


Рис. 2. Поколенческие различия проявлений патриотизма в зависимости от возраста респондентов, %

Характеризуя восприятие динамики формирования патриотизма, 47,8% опрошенных считают, что в России в последние десятилетия происходило ослабление патриотического сознания; 28,9% отмечают скорее осла-

бление, чем усиление; 7,8% видят усиление и оставшиеся 2,2% замечают скорее усиление, чем ослабление. Таким образом, большинство саратовцев оценивают ситуацию с формированием патриотизма среди населения как тревожную. Это ярко видно на примере трактовки праздника 9 Мая, который почти у каждого второго (47,8%) саратовца ассоциируется с Победой во Второй мировой войне и возможностью поблагодарить ветеранов за то, что они отстояли и защитили нашу Родину. Однако 28,9% опрошенных считают этот день лишь ещё одним праздником, 16,7% – поводом для демонстрации силы нашего Отечества. Вопрос «Изменились ли патриотические ценности после развала СССР?» в большей степени относился к старшему поколению, так как именно они имеют социальный опыт и социальную память в этом отношении. 73,3% из них считают, что эти ценности значительно изменились, и только 12,2% думают, что всё осталось по-прежнему.

Между тем сегодня происходит формирование общественно-государственной системы, обеспечивающей восприятие российской молодёжью ценностной ориентации, подразумевающей ответственность за судьбу своей Родины, сопричастность к её судьбе. Это предполагает реализацию таких направлений работы в регионе, как включение молодёжи в программы патриотического воспитания, в том числе подготовку к службе в Вооружённых Силах, проведение работ по увековечению памяти защитников Отечества; расширение сотрудничества российской молодёжи с организациями ветеранов войны и труда; содействие деятельности поисковых отрядов, археологических и военно-исторических клубов, объединений краеведческой направленности, патриотических молодёжных проектов и программ, патриотических клубов, объединений казачьей молодёжи и иных молодёжных объединений патриотической направленности; укрепление роли молодёжно-студенческих отрядов в патриотическом, нравственном, трудовом воспитании молодёжи; реализация просветительских и иных программ, направленных на укрепление социального, межнационального и межконфессионального согласия в молодёжной среде; реализация программ по сохранению традиционной культуры народов страны (фольклора, этнографии, истории) и традиционных ремёсел в целях развития связей между поколениями.

Патриотическое воспитание детей и молодёжи осуществляется в рамках государственной программы «Развитие образования в Саратовской области до 2020 года». Вопросы развития патриотического воспитания на территории области рассматривались в работе «Реализация молодёжной политики на региональном уровне в условиях общества риска» [Реализация молодёжной... 2014]. В этом же ракурсе рассматриваются и вопросы повышения эффективности программ патриотического воспитания. С целью изучения точки зрения молодёжи на особенности формирования и реализации этих программ было проведено исследование среди студентов социологического факультета Саратовского государственного университета в 2017 г. [Сайганова, Арефьева 2017].

В целях создания условий для повышения гражданской ответственности, а также обеспечения координации деятельности ведомств и учреждений патриотического воспитания граждан разработана и утверждена

государственная программа Саратовской области «Патриотическое воспитание граждан в Саратовской области на 2018–2020 годы» (Распоряжение Правительства Саратовской области от 30.08.2017 №451-П). Программа предполагает организацию работы по трём основным направлениям: гражданско-патриотическое, военно-патриотическое воспитание и развитие поискового движения в регионе. Так, в 2017 г. министерством молодёжной политики и спорта области совместно с министерствами и ведомствами, администрациями муниципальных районов области, общественными организациями и объединениями, учебными заведениями проведено более 2000 различных акций и мероприятий патриотической направленности, охвативших более 150 тыс. человек. Яркими примерами этого можно считать спартакиаду допризывной подготовки молодёжи к военной службе, областную акцию «День призывника», военно-патриотическую игру «Зарница», которая включает в общей сложности на всех этапах свыше 13 тыс. человек.

В плане поколенческого взаимодействия особенно ценен опыт сотрудничества молодёжных и ветеранских организаций области. Наиболее массовыми формами гражданско-патриотического воспитания молодёжи являются акции «Никто не забыт, ничто не забыто» (35 тыс. человек), Всероссийская акция «Георгиевская ленточка» (распространено 12,5 тыс. ленточек), патриотические акции по оказанию помощи ветеранам Великой Отечественной войны (более 300 волонтеров), реализуемые совместно с региональным отделением движения «Волонтеры Победы», добровольческими отрядами муниципальных районов области, Союзом добровольцев России, Российским Союзом Молодёжи, Российским движением школьников. Саратовским областным отделением Всероссийской общественной организации «Союз добровольцев России» реализуется проект «Вы не одни» с целью оказания адресной помощи одиноким пожилым людям.

Важным направлением в развитии патриотического воспитания молодёжи является организация деятельности поисковых отрядов. Разработана «дорожная карта» «Развитие поискового движения на территории Саратовской области на период до 2020 года» (распоряжение Правительства Саратовской области от 17 января 2017 года №6-Пр), в целях исполнения которой в течение года были проведены конференции и областные совещания с руководителями поисковых отрядов, сформирован реестр поисковых отрядов области (53 организации), составлен график поисковых работ.

Активное вовлечение молодёжи в поисковую, гражданско-патриотическую и военно-патриотическую деятельность осуществляется проведением военно-исторических квестов, музейной работы, детских и молодёжных клубов и объединений (в образовательных организациях области более 15 тыс. человек занято в деятельности объединений и отрядов различной патриотической направленности, школьных музеев и музейных комнат – создано 224 разнопрофильных музея, работают 227 музейных комнат и залов, открыт 231 уголок боевой и трудовой славы)¹.

¹ Информация об основных результатах реализации молодежной политики в Саратовской области за 2017 г. URL: <https://srd.ru/documents/analytics/infomolpolit2017.pdf> [Дата посещения: 10.09.2018].

Это нашло своё отражение и в общественном мнении саратовцев. 48,9% опрошенных считают, что правительство и президент поддерживают и развивают патриотизм россиян, так как без государственной поддержки это сделать невозможно. 14,4% уверены в том, что государство помогает развитию патриотизма в России. Однако далеко не все мероприятия широко освещаются в СМИ, становятся доступными широкому обсуждению общественности. Видимо, этим объясняется тот факт, что 25,6% опрошенных считают, что правительство и президент никак не влияют на усиление патриотического духа населения.

Заключение

Тезис о многозначности понятия «патриотизм» полностью подтверждается на исследовании этого вопроса среди саратовцев. Чаще всего Родина трактуется населением и как Россия в целом, и как малая родина (свой город, семья, река – родной двор). Содержательная интерпретация этого понятия ассоциируется с *социально значимой деятельностью, активизмом*, социальной ответственностью. Основные проявления своего патриотизма люди видят в службе в армии, соответствующем воспитании детей, законопослушности и добросовестном труде на благо общества. Большинство саратовцев считают себя патриотами в той или иной степени. Но настораживает то, что каждый третий горожанин, особенно среди молодёжи, склонен отрицать это. Патриотизм молодёжи ориентирован более всего на любовь к России. Старшее поколение выстраивает патриотические чувства на любви к семье, близким, родному городу и СССР. При этом большинство граждан (хотя и в разной степени) различают понятия патриотизма и национализма. Последний воспринимается скорее негативно.

В целом граждане, особенно среди старшего поколения, считают, что после распада СССР воспитание патриотических ценностей «пошло на убыль», хотя государство и президент предпринимают определённые шаги по повышению уровня патриотизма в обществе. Усиление эффективности деятельности в данном направлении, более широкое её освещение в СМИ, в интернете будет способствовать развитию исторической и социокультурной памяти россиян, поддерживая тем самым патриотическую преемственность российских поколений.

Библиографический список

Актуальность патриотического воспитания у саратовской молодёжи / Е. В. Сайганова, Е. Р. Агишева, А. Т. Беспалов // Материалы IV международной научно-практической конференции. 2017. С. 234–236.

Ильин И. А. 1993. Путь к очевидности. М.: Республика. 432 с.

Ивченков С. Г. 2018. Особенности патриотических настроений молодёжи города Саратова: гендерные различия // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. Материалы VI международной конференции. С. 61–65.

Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы: Государственная программа // Вестник образования России. 2016. № 3. С. 10–26.

Подъячев К. В. 2016. Роль гражданского общества в трансляции ценностей патриотизма: опыт российских локальностей // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016). Материалы V Всероссийского конгресса / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов. С. 2312–2322. URL: http://kigiran.com/sites/default/files/namrueva_l.v._izmenenie_soc_struktury_sela_rk.pdf [Дата посещения: 09.02.2019].

Реализация молодежной политики на региональном уровне в условиях общества риска / О. В. Мунина, Е. В. Сайганова и др.; под общей редакцией С. Г. Ивченкова. Саратов, 2014. 96 с.

Савченко А. 1996. Цели образования в педагогическом наследии В. А. Сухомлинского // В. А. Сухомлинский и современность. Чернигов. Вып. 2. С. 32–35.

Сайганова Е. В. 2015. Трансформация роли молодежи в современном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 15. № 1. С. 19–22.

Сайганова Е. В., Арефьева Е. О. 2017. Особенности патриотического воспитания с точки зрения студенческой молодежи // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. Сборник материалов XI Международной научной конференции. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Социологический факультет. С. 947–949.

Смирнова Ф. В. и др. 2014. Программа гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи «Растим патриотов Отечества» / Ф. В. Смирнова, М. Н. Мясникова, Е. Г. Кучерова // Научно-методический журнал заместителя директора школы по воспитательной работе. № 6. С. 22–41.

Халий И. А. 2017. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. № 2. С. 67–74.

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558

Patriotism as a Component of Public Consciousness: A Generational Measurement Perspective

Sergey G. Ivchenkov

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Elena V. Sayganova

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

For citation: Ivchenkov, S. G.; Sayganova, E. V. Patriotism as a component of public consciousness: a generational measurement perspective. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 104–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558>

Abstract. Following the results of a sociological study conducted in 2018 by means of questionnaire method with a probability quota sample (N=420), this article analyzes the various interpretations of patriotism according to public opinion in the city of Saratov. It has been established that, according to its inhabitants, the word “Homeland” most often implies Russia, “small homeland” – one’s own city or family (less often one’s home neighborhood). The meaningful interpretation of this term is associated with socially significant activity, activism, and social responsibility. Basic displays of patriotism, according to respondents, are considered to be army service, patriotic upbringing of one’s children, abidance to the law and diligent work for society’s benefit. Most of Saratov’s inhabitants consider themselves to be patriots to one degree or another. However, what’s concerning is the fact that one out of every three city residents – especially among youths – denies such values. Youth patriotism is more oriented towards love for Russia. The elder generation builds its patriotic sentiments around love for their families, close ones, their home town and the USSR. Meanwhile most citizens (albeit to various degrees) draw a distinction between the terms “patriotism” and “nationalism”. The latter bears more of a negative connotation. Generally citizens (especially among the elder generation) believe that, after the USSR’s downfall, the teaching of patriotic values has “degenerated”, despite the government and the president taking certain steps towards increasing the level of patriotism within society. It is during such periods of change, like we are witnessing today, when the values of preceding generations start to contradict reality, and when the younger generation assumes the role of bearer of new knowledge and aspirations, due to possessing a more acute sense of society’s major issues and the will to openly speak out. Thereby not only the elder generation, but also the younger generation plays an equal role as a subject of developing society’s patriotic values. However, the profound differences between generations are proportional to the dynamics and scale of change within society, and the degree of mutual influence between generations acts as one of the major factors for stabilizing society, which includes establishing patriotic values. Increasing the efficiency of practices in this area, together with more extensive coverage of such practices in mass media and the internet, would aid in the development of historical and socio-cultural memory.

Keywords: patriotism, homeland, motherland, generation.

References

- Il'in I. A. Put' k ochevidnosti [The Way to Evidence] Moscow, Respublika, 1993. 432 p.
- Informaciya ob osnovnykh rezul'tatakh realizacii molodiozhnoy politiki v Saratovskoy oblasti za 2017 god [Information about the Basic Results of Youth Policy Realization in Saratov Region in 2017]. Saratov regional parliament Official website. URL: <https://srd.ru/documents/analytics/infomolpolit2017.pdf> [date of visit: 10.09.2018].
- Ivchenkov S. G. Osobennosti patrioticheskikh nastroyeniy molodiozhi goroda Saratova: gendernye razlichiya [Features of Patriotic moods of youth of the city of Saratov: gender differences]. Sotsial'noe neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya. Materialy VI mezhdunarodnoy konferentsii, 2018, pp. 61–65.
- Khaliy I. A. Patriotizm v Rossii: opyt tipologizatsii [Patriotism in the Russian: typology]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no 2, pp. 67–74.
- Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federacii na 2016-2020 gody: gosudarstvennaya programma [Patriotic Education of Citizens in Russian Federation for 2016-2020: State Program]. Vestnik obrazovaniya Rossii, 2016, no 3, pp. 10–26.
- Podyachev K. V. Rol' grazhdanskogo obschestva v translyatsii tsennostey patriotizma: opyt rossiyskikh lokal'nostey [The role of civil society in translating values of patriotism: the experience of Russian localities]. Sotsiologiya i obschestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'. Materialy V Vserossiyskogo kongressa. Ed. by V. A. Mansurov. Moscow, RSS publ, 2016, pp. 2312–2322. URL: http://kigiran.com/sites/default/files/namrueva_l.v. izmenenie_soc_struktury_sela_rk.pdf [date of visit: 09.02.2019].
- Realizatsiya molodiozhnoy politiki na regional'nom urovne v usloviyakh obschestva riska [Implementation of youth policy at the regional level in a risk society]. Ed. by S. G. Ivchenkov. Saratov, 2014. 96 p.
- Savchenko A. Celi obrazovaniya v pedagogicheskom nasledii V. A. Suhomlinskogo [The Goals of Education in Pedagogical Heritage]. V. A. Suhomlinskiy i sovremennost'. Chernigov, 1996. Release 2, pp. 32–35.
- Sayganova E. V. Transformatsiya roli molodiozhi v sovremennom obschestve [Transformation of the role of youth in modern society]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya, 2015, vol. 15, no 1, pp. 19–22.
- Sayganova E. V., Aref'eva E. O. Osobennosti patrioticheskogo vospitaniya s tochki zreniya studentcheskoy molodiozhi [Features of Patriotic education from the students point of view]. Universitet v global'nom mire: noviy status i missiya. Sbornik materialov XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moscow, MSU publ., 2017, pp. 947–949.
- Smirnova F. V. Programma grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya detey i molodiozhi «Rastim patriotov Otechestva» [The Program of Civil and Patriotic Education of Kids and Youth “We Raise Patriots of the Fatherland”]. Nauchno-metodicheskiy zhurnal zamestitelia direktora shkoly po vospitatel'noy rabote, 2014, no 6, pp. 22–41.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.560

Среднее профессиональное образование для инновационной экономики

Ссылка для цитирования: Дежина И. Г., Ключарев Г. А. Среднее профессиональное образование для инновационной экономики // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 120–138. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.560>

For citation: Dezhina, I. G.; Kliucharev, G. A. Secondary professional education for an innovative economy. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 120–138. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.560>



**Дежина
Ирина Геннадиевна**

Сколковский институт науки и технологий,
Москва, Россия

i.dezhina@skoltech.ru



**Ключарев
Григорий Артурович**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

kliucharevga@mail.ru

Среднее профессиональное образование для инновационной экономики

Аннотация. Статья представляет собой обзор, в котором дана оценка текущего состояния российской системы среднего профессионального образования (СПО) и уровня его готовности обучать специалистов, востребованных в инновационной экономике. В отличие от системы высшего профессионального образования СПО в последнее десятилетие оказалось не только вне приоритетов государства, но и в определённой мере «пострадало» от усиленного внимания федеральных властей к университетам, получившим специальные статусы – федеральных, исследовательских, опорных. Ограниченные финансовые ресурсы были перераспределены в пользу высших учебных заведений, что повлекло за собой снижение удельных расходов на подготовку кадров в системе СПО, и ухудшение материальной базы. Это наиболее болезненно сказалось на технических колледжах, готовящих специалистов новых, перспективных профессий. В данной ситуации связь с работодателями становится одним из ключевых факторов, однако кооперация учреждений СПО с предприятиями и компаниями находилась в кризисном состоянии ввиду общего падения целого ряда производств в постсоветский период. Исследование базируется на анализе официальных статистических данных, материалах социологических опросов, а также экспертных мнениях. В статье последовательно анализируется текущее состояние системы СПО, оценивается уровень подготовки преподавателей, мотивации студентов к получению среднего образования и наиболее популярные профессии, уделяется специальное внимание корпоративному образованию как аналогу СПО в форме дополнительного профессионального образования. В заключении рассматриваются возможные направления развития системы СПО для её лучшей адаптации к потребностям инновационной экономики. Предлагается три возможных направления, которые могут способствовать росту качества обучения в системе СПО в условиях имеющихся финансовых ограничений и проблем, связанных с качеством человеческих ресурсов. Это расширение кооперации с вузами, перенос части образовательных программ на базу организаций-работодателей, и проведение обучения и повышения квалификации кадров путём участия в независимых программах формата WorldSkills и иных инициативах.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, инновационная экономика, технологии, преподавание, навыки, Россия

Каждое общество по-своему решает кого, чему и за чей счёт учить. При этом доступность качественного образования непосредственно связана с уровнем жизни, а это результат политики государства. С государственной политикой связан и выбор модели образования. Исторически существует три принципиально отличающихся друг от друга модели. Первая – элитарная, обеспечивающая воспроизводство тех, кто находится у власти. В рамках этой модели народ (народное образование) может использоваться оппозиционными элитами, чтобы прийти к власти. В некоторых случаях внутри народа может возникнуть новая элита, как например, партноменклатура.

Другая модель – меритократическая. Она стала массовой по мере развития капиталистических отношений. Лучшее образование получает тот, кто способнее, продуктивнее и приносит экономическую выгоду.

Третья модель – эгалитарная. Она соответствует тому этапу развития, когда общество в состоянии обеспечить всеобщее качественное образование. Именно эта модель содействует повышению качества жизни, формируя предпосылки для становления «обучающегося общества» (learning society), где способность к учёбе – главное условие как индивидуального, так и общественного благополучия.

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к системе профессионального образования (как институту) и учащимся (субъектам учебного процесса). Государство выстраивает системы профессионального образования, а население – свои индивидуальные образовательные траектории, которые обеспечивают более или менее успешное вхождение в объективно существующий рынок труда.

Как государство оптимизирует этот процесс? Понятно, что речь идёт о двух последних моделях (меритократической и эгалитарной). В России министерством труда принимается основополагающий документ – Общероссийский классификатор профессий и тарифных разрядов (ОКПДТР – ОК-016-94), который насчитывает тысячи профессий. Каждой специальности соответствует вполне определённый уровень образования, который будет определять тарифный разряд в заданных пределах и соответственно размер заработной платы. Далее Министерство образования определяет Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОСы), где устанавливается перечень специальностей и соответствующих учебных дисциплин. По ним составляются учебные планы, и осуществляется учебный процесс. Именно на этом уровне объективно и законодательно заложен тот «разрыв» между учебными заведениями и рынком труда, на который указывают многие эксперты.

При формировании инновационной экономики всегда есть те, кто выигрывают от модернизации (глобализации), от науки и новых (наукоёмких) технологий, а есть проигравшие, за счёт которых, как правило, происходит модернизация. Образование подстраивается под нужды модернизации. Оно может быть инновационным (элитарным и эгалитарным – для тех, кто выиграл, и их элит) или догоняющим и маргинальным (адаптивным, инклюзивным) – для тех, кто не вписался в модернизационный процесс.

Высшее профессиональное образование – не важно, какого качества – является значимой ценностью в общественном сознании. Наличие диплома об окончании вуза в России становится маркером относительного успеха в жизни человека вне прямой зависимости от характера его труда и величины заработка. Соответственно, более низкие уровни образования – среднее и, особенно, начальное имеют невысокую степень престижности, а в некоторых случаях выполняют прямую функцию эксклюзии маргинального населения из общественной жизни.

Целью настоящей статьи является изучение текущего состояния и мнений экспертов¹ о состоянии российского среднего профессионального образования (СПО), которое, с одной стороны, должно поставлять современные кадры специалистов для инновационных производств, а с другой – не имеет достаточных ресурсов для того, чтобы выполнять эту функцию.

Современное состояние системы среднего профессионального образования

В течение многих лет среднее профессиональное образование (СПО) находилось в упадке, однако именно в этой сфере, в связи с растущим спросом в инновационной экономике на специалистов среднего звена и техников, появляется и предложение. Престиж рабочих профессий растёт во всём мире, что находит отражение, в частности, в популярности международного движения WorldSkills².

У России в этой сфере два больших вызова. Первый, это реформирование системы среднего профессионального образования с учётом быстро растущих потребностей в новых профессиях и навыках в условиях развития цифровой экономики. Второй – это необходимость переобучения преподавателей, а также поиска новых специалистов, которые могли бы обучать новым специальностям. Изменения в системе СПО должны проводиться с учётом объективной ситуации, сложившейся в этой сфере, в том числе статуса современного развития связей образовательных учреждений с работодателями, уровня преподавания, появления новых образовательных форматов. При этом государственная политика по модернизации системы СПО реализуется более 10 лет, с 2007 г. За это время произошло сокращение количества специальностей за счёт их укрупнения, и произошла некоторая децентрализация.

¹ Использованы данные экспертного опроса, проведённого Институтом социологии РАН при поддержке РФФИ в 2017–2018 гг. (N = 100) среди представителей наукоёмких и высокотехнологических компаний и производств.

² WorldSkills – это международное некоммерческое движение, целью которого является повышение престижа рабочих профессий и развитие навыков мастерства. От традиционных ремесел до многопрофильных профессий в области промышленности и сфере услуг в 75 странах-участницах движения, WorldSkills оказывает прямое влияние на рост среднего профессионального образования во всем мире. Россия провела первый национальный чемпионат WorldSkills в 2013 г. С 2014 г. движение продвигается и популяризируется в регионах России.

К 2012 г. все полномочия по управлению СПО отошли в регионы, что должно было повысить гибкость реакции СПО на потребности местных рынков труда. Кроме того, СПО было разделено на программы подготовки специалистов среднего звена и программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих. В данном случае мы рассматриваем систему СПО в целом, если иное не указано специально.

Судя по данным статистики, система СПО начала возрождаться в 2014 г., если судить по числу учащихся и выпускников. Возросла численность студентов, и до 2024 г. прогнозируется рост приема в организации СПО на уровне 5% в год [Беляков, Клячко, Полушкина 2018: 35]. Число организаций СПО также продолжает увеличиваться [Беляков, Клячко, Полушкина 2018: 13]. Выпуск специалистов среднего звена, согласно данным Министерства образования и науки РФ, резко возрос с 2016 г. Не менее оптимистичны и оценки по преподавательскому составу СПО: с 2010 г. их численность стабилизировалась [Беляков, Клячко, Полушкина 2018: 18], и таким образом оттока кадров из этой сферы нет.

Показатели трудоустройства выпускников учреждений СПО также демонстрируют положительную динамику, особенно в сравнении с 2000 г.: в 2012–16 гг. спрос на рынке труда на выпускников учреждений СПО был выше предложения в среднем на 5%. Для сравнения, в 2000 г., согласно экспертным оценкам, только половина выпускников смогла трудоустроиться сразу после окончания обучения по какой-либо специальности¹.

В то же время с точки зрения финансирования ситуация прямо противоположная – с 2012 г. бюджетное финансирование снижается (с учётом инфляции), и это стабильный тренд [Беляков, Клячко, Полушкина 2018: 21]. После передачи полномочий в регионы расходы консолидированного бюджета РФ на СПО фактически не изменились [Абанкина и др. 2017: 12]. Характерно, что внебюджетные средства в системе СПО незначительны, составляют около 14% общего объема финансирования. Соответственно, прогнозируется, что до 2024 г. расходы консолидированного бюджета на одного учащегося останутся низкими, не превышая достигнутый в 2016 г. уровень [Беляков, Клячко, Полушкина 2018: 38–39].

Таким образом, на фоне роста числа организаций СПО, стабилизации числа преподавателей и наращивания числа учащихся снижается финансовая поддержка подготовки кадров. С учётом того, что актуальной является задача перехода к обучению новым профессиям и навыкам, такое положение вызывает тревогу. Более того, заработная плата преподавателей в системе СПО сравнительно невысокая, и привлечь про-

¹ Отчет для Министерства образования и науки РФ «Проведение мониторинга реализации мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2016 годы. Определение условий и факторов достижения учреждениями образования всех уровней высоких стандартов качества образовательных услуг у населения». 2016. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

фессионалов, способных обучить новым профессиям, будет сложно. По данным опроса НИУ ВШЭ, уровень оплаты труда в 2016–2017 гг. оставался в лучшем случае на уровне значений двух прошлых лет¹. При этом майские указы Президента РФ (2012 г.) привели к перераспределению средств в пользу высшего образования, что снизило долю СПО в структуре расходов на образование в региональных бюджетах. Обновление материальной базы колледжей было фактически заморожено, что наиболее болезненно сказалось на технических колледжах, готовящих специалистов современных профессий. Обучение на отсталой материальной базе сразу закладывает отставание и необходимость «переучивать» на рабочем месте. Тем не менее, организации СПО начали движение в сторону освоения новых профессий. Главным стимулом к изменениям стал список топ-50 востребованных профессий в области среднего профессионального образования, который был разработан Минтрудом РФ совместно с Министерством образования и науки РФ, Агентством стратегических инициатив (АСИ) и другими организациями и профессиональными обществами, и утвержден Минтрудом в 2015 г. Вероятно, при составлении этого перечня были использованы и наработки АСИ, которое совместно с МШУ «Сколково» составило свой «Атлас новых профессий», куда вошли перспективные, по мнению авторов, на интервале ближайших 15–20 лет, специальности. Они разбиты по отраслевому признаку и в их число входят такие достаточно экзотические на сегодняшний день профессии, как, например, «проектант жизни медицинских учреждений» или «продюсер смыслового поля»². Понятно, что перестроить обучение в СПО с учётом такого рода предположений будет не просто не столько даже ввиду низкого финансирования, а по причине отсутствия достаточного числа преподавателей, владеющих «профессиями будущего». Вместе с тем есть и некоторый тренд к «охлаждению» в отношении достаточно экзотических профессий будущего, так как спрос на них пока очень низкий, и у компаний нет уверенности в том, что именно эти профессии будут востребованы и потому стоит в них инвестировать. Действительно, по данным НИУ ВШЭ, полученным в результате проведения мониторинга массовых и высокотехнологичных секторов в 2016–2017 гг., появляется очень ограниченное число организаций, прошедших лицензирование программ подготовки по топ-50 профессиям³. Наиболее распространенными среди СПО направлениями подготовки из списка топ-50 стали информатика и вычислительная техника. Такие актуальные направления подготовки, как, например, информационная безопасность, управление в технических системах, – практикуются значительно реже (менее 10% СПО обучают этим профессиям) [Бондаренко 2017].

¹ Как система среднего профессионального образования взаимодействует с рынком труда? URL: <https://issek.hse.ru/news/213594371.html> [Дата посещения: 11.10.2018].

² Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/catalog/> [Дата посещения: 11.10.2018].

³ Как система среднего профессионального образования взаимодействует с рынком труда? URL: <https://issek.hse.ru/news/213594371.html> [Дата посещения: 11.10.2018].

Сложнее ситуация с участием в WorldSkills – для расширения масштабов нужны существенно большие финансовые средства и материальная база, а работодатели не проявляют интереса к финансированию подготовки по стандартам WorldSkills. Видимо, умение побеждать в соревнованиях и владение необходимыми для компаний навыками – это слабо пересекающиеся компетенции. Однако в целом руководители СПО положительно оценивают чемпионаты WorldSkills, как для студентов, так и для переобучения преподавателей, хотя пока не более 5% преподавателей повысили квалификацию по этим стандартам.

Проблема обучения современным, востребованным компаниями навыкам, остаётся острой даже вне контекста освоения новых профессий. Согласно данным мониторинга НИУ ВШЭ, работодатели достаточно низко (на 3,7 баллов по 5-балльной шкале) оценивают уровень профессиональных знаний, особенно в высокотехнологичных секторах. Поэтому 82% опрошенных работодателей заявили, что большинство выпускников СПО, получивших специальности для высокотехнологичных секторов, как правило, нуждаются в дополнительном обучении [Шугаль 2017]. Это подтверждают и данные социологического исследования, проведённого в 2017 г. Институтом социологии РАН [Дежина, Ключарев 2018]. По мнению экспертов, занятых на высокотехнологичных производствах, СПО выпускает недостаточное число современных техников, программистов, а также специалистов рабочих профессий.

Уровень преподавания в СПО и взаимодействия с работодателями

Об уровне преподавательского состава СПО можно судить фактически только по данным их самооценки, то есть речь идёт о субъективных оценках опрошенных. Преподаватели и мастера производственного обучения достаточно высоко оценивают качество преподавательских кадров и программ в СПО: 81% опрошенных НИУ ВШЭ признали качество преподавательских кадров хорошим и только 1% плохим; 76% учебных программ также попали в категорию имеющих хорошее качество [Шугаль 2017]. Опрос 203 руководителей учреждений СПО, проведённый примерно в то же время Центром социального прогнозирования и маркетинга, показал схожие результаты. Особенно высоко качество кадров оценивается по трем характеристикам: уровень теоретической подготовки педагогов (мастеров) профильных дисциплин, умение педагогов (мастеров) профильных дисциплин прививать студентам практические профессиональные навыки, уровень теоретической подготовки педагогов непрофильных дисциплин (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Экспертная оценка руководителями учреждений СПО
качественного состава коллектива педагогов (мастеров)
в системе СПО в целом, по пятибалльной шкале**

Характеристики качественного состава	Оценка
Уровень теоретической подготовки педагогов (мастеров) профильных дисциплин	4,6
Умение педагогов (мастеров) профильных дисциплин прививать студентам практические профессиональные навыки	4,6
Уровень теоретической подготовки педагогов непрофильных дисциплин	4,5
Уровень заинтересованности, степень творческой отдачи педагогов (мастеров) профильных дисциплин в образовательном процессе	4,3
Уровень заинтересованности, степень творческой отдачи педагогов непрофильных дисциплин в образовательном процессе	4,3
Умение педагогов (мастеров) профильных дисциплин строить свой лекционный курс с учётом современных достижений науки в своей области знаний	4,3
Степень активности педагогов (мастеров) профильных дисциплин в использовании в учебном курсе достижений современной технологии	4,2

Источник: Отчет для Министерства образования и науки РФ «Проведение мониторинга реализации мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2016 годы. Определение условий и факторов достижения учреждениями образования всех уровней высоких стандартов качества образовательных услуг у населения». 2016. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Относительно низкую оценку получила степень активности педагогов (мастеров) профильных дисциплин в использовании в учебном курсе современных технологических достижений. Всё это отражается на качестве учебного процесса. Приведём мнения экспертов, которые были получены в ходе исследования качества кадров для инновационной экономики, проведённого Институтом социологии РАН в 2017 г.:

«Нам нужно было не пытаться переломать нашу существующую систему образования, а нужно подтянуть систему среднего специального до уровня высшего. Чтобы мы в наших ПТУ, специальных училищах готовили программистов, C-Sharp программистов, Java-script программистов. Не только людей, которые за станками работают, а вот обыкновенные технические специальности. Ведь не нужно высшее образование веб-девелоперу, не нужно. ... надо было не разваливать высшее, а подтягивать среднее специальное. И этот результат мы сейчас имеем. Притом, что идёт деградация школьного образования».

Или ещё одно мнение:

«Я – глубокий противник профессионально-технического образования в том виде, в каком оно есть. Это бездумное, бесцельное расходование денег. Я считаю, что на сегодняшний день ПТО должно приходить на площадки бизнеса, т.е. на промышленные, строительные предприятия и т.д., потому что сегодня технологии настолько изменились, что мы в профтехучилищах не обеспечиваем необходимого образовательного

уровня. Оборудование, материалы, которые есть на сегодняшний день, надо постоянно обновлять, в том числе должно происходить обновление преподавательского состава. Это, кстати, немецкая система».

Таким образом, в системе СПО есть проблема, характерная и для вузов – преподаватели могут дать хорошее базовое образование, но недостаточно владеют современными технологиями обучения. Поэтому важным аспектом работы СПО должна быть связь с работодателями. Именно они могут восполнить пробелы, связанные с освоением современных методов и техник в той или иной профессии. Практикуемые на сегодняшний день основные формы взаимодействия учреждений СПО с организациями-работодателями включают участие в проведении практических занятий и производственного обучения (производственная практика), приём педагогов на стажировки, обеспечение доступа к производственному оборудованию и технике. Зарубежные исследования [Bolli, Caves, Renold & Buerge 2018] свидетельствуют о том, что при взаимодействии организаций СПО с работодателями важны не только производственные практики, но и участие работодателей в разработке программ обучения и их своевременном обновлении.

По данным Центра социального прогнозирования и маркетинга, представители СПО считают, что у них сложились достаточно тесные связи с работодателями, однако последние слабо участвуют в определении целей и перспективных профессий. Согласно данным мониторинга НИУ ВШЭ, самый популярный среди работодателей способ дополнительного обучения выпускников СПО состоит в прикреплении новичка к опытному работнику, а не семинары или курсы внутри или вне компании [Шугаль 2017]. Около 30% руководителей СПО сообщили, что их организации практикуют дуальную модель обучения, когда работники компаний закрепляются в качестве наставников для студентов. При этом более половины студентов, которые обучались *профессиям для высокотехнологичных секторов*, не проходили производственной практики. Их переобучение после поступления на работу происходит преимущественно «в ручном режиме», строго под потребности конкретного бизнеса, и не связано с взаимодействием с собственно образовательными организациями.

Традиционной формой подготовки является производственная практика, которую можно рассматривать как определённое мерило готовности студентов к работе. Она также помогает выявить те моменты, на которые необходимо обратить более пристальное внимание при обучении. Здесь, судя по данным опросов, сложилась достаточно тесная взаимосвязь между организациями СПО и работодателями. Согласно данным НИУ ВШЭ, в 2017 г. 89% опрошенных руководителей организаций СПО совместно с работодателями осуществляли проведение производственной практики студентов [Бондаренко 2017]. Данные Центра социального прогнозирования и маркетинга дополняют эти сведения, показывая, что практику проходили 73,4% учащихся, и в 87,7% случаев – на пред-

приятный-главном партнере¹. Ещё около 2/3 респондентов заявили, что учащиеся взаимодействуют с производственными предприятиями, не являющимися партнёрами учреждения СПО. Более половина респондентов полагают, что после производственной практики выпускники учреждения готовы выполнять самостоятельно квалифицированную работу. В целом за последние годы ситуация улучшилась. В 2000 г. 50% учреждений СПО вообще не имели постоянных производственных партнеров для организации и проведения производственной практики. Поэтому поисками мест для проведения такой практики занимались не только руководители СПО, но и родители и знакомые студентов.

Приведенные данные показывают, что есть некоторое противоречие – организации СПО декларируют тесное взаимодействие с работодателями, но при этом работодатели производят массовое переобучение выпускников СПО, в первую очередь это касается специалистов среднего звена. Не исключено, что особенно драматичное расхождение наблюдается именно в высокотехнологичных отраслях, где высокая скорость технологических изменений, требующих корректировки знаний и навыков специалистов среднего звена. Помимо этого, данная ситуация свидетельствует о том, что есть разрыв в оценке качества кадров и программ между работниками СПО и работодателями. Это может привести к сохранению «статус-кво», когда система СПО продолжает обучать тому, чему умеет, к тому же при недостаточном уровне финансирования, а работодатели – массово переучивать выпускников под свои текущие потребности.

Взгляд учащихся

В картине происходящего в системе СПО важна и позиция студентов, а именно, их мотивация к обучению и выбору специальностей. Исследование учащихся учреждений среднего профессионального образования, проведенное Центром социального прогнозирования и маркетинга² на основе репрезентативной выборки в 22 субъектах Российской Федерации, показало, что более 60% респондентов были мотивированы желанием освоить выбранную профессию. Чуть менее 1/5 опрошенных поступили в организации СПО из-за слабой успеваемости в школе (11% – не могли продолжить обучение в 11-ом классе, 7,9% – не могли посту-

¹ Отчёт для Министерства образования и науки РФ «Проведение мониторинга реализации мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2016 годы. Определение условий и факторов достижения учреждениями образования всех уровней высоких стандартов качества образовательных услуг у населения». 2016. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

² Отчёт для Министерства образования и науки РФ «Проведение мониторинга реализации мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2016 годы. Определение условий и факторов достижения учреждениями образования всех уровней высоких стандартов качества образовательных услуг у населения». 2016. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

пять в вуз по итоговым оценкам ЕГЭ (см. рис. 1). Сказался, видимо, и тот мотив, что можно было учиться бесплатно: 82,2% опрошенных учащихся обучаются в учреждениях СПО на бюджетных местах.

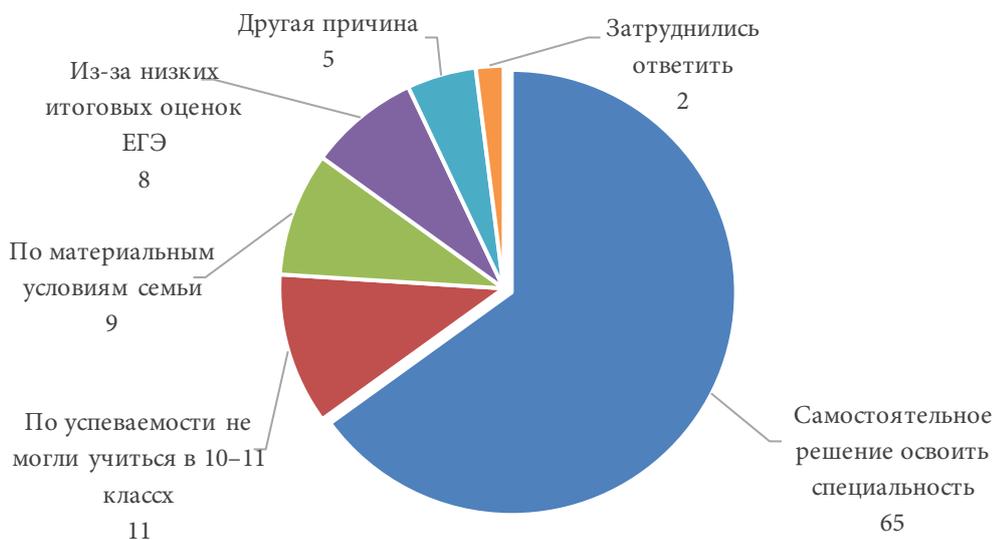


Рис. 1. Причины выбора обучения в учреждении СПО, отмеченные респондентами, %

Источник: Отчет для Министерства образования и науки РФ «Проведение мониторинга реализации мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2016 годы. Определение условий и факторов достижения учреждениями образования всех уровней высоких стандартов качества образовательных услуг у населения». 2016. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Таким образом, большинство респондентов самостоятельно сделали такой выбор, а не по вынуждающим обстоятельствам. Поэтому можно предположить наличие потенциала для усиления мотивации к выбору новых рабочих профессий.

Наиболее популярными отраслями, в которых намерены работать студенты организаций СПО, оказались сфера обслуживания, транспорт, строительство и строительный ремонт, общественное питание, машиностроение. Чаще всего студенты обучаются следующим профессиям:

1. Механик, электрик, слесарь, сварщик (19,0%);
2. Работник общепита, ресторанного бизнеса (повар, кондитер, официант) (13,0%);
3. Работник сферы обслуживания и гостиничного бизнеса (10,7%).

Сравнивая эти данные с «Атласом новых профессий», можно отметить, что второе и третье из перечисленных выше направлений отнесены в «Атласе» к отмирающим на горизонте ближайших 15 лет. Профессиями-пенсионерами были названы официанты, швеи, работники химчистки¹. Предполагается, что на смену им придут автоматизированные системы. И только первая группа из списка наиболее популярных среди учащихся специальностей остаётся востребованной в инновационной экономике, хотя состав навыков, которыми обладает, например, ме-

¹ Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/catalog/> [Дата посещения: 11.10.2018].

ханик «нового типа», должен стать иным, и учитывать растущую, в том числе, роботизацию производств. Таким образом, проведённые опросы свидетельствуют о том, что студенты в подавляющем большинстве стремятся получить профессию, по которой они обучаются, и скорее проблема есть со стороны предложения новых профессий, нежели спроса на них.

Корпоративное образование как альтернатива СПО

Крупные инновационные компании и предприятия осваивают иную тактику подготовки специалистов среднего звена для своих нужд. Они не рассчитывают на ограниченные возможности учреждений СПО [Ключарев, Пахомова, Трофимова 2007], поскольку подготовка кадров для высокотехнологичных производств достаточно дорогостояща и требует наличия современного оборудования. Крупные предприятия согласны инвестировать значительные средства в учебный процесс на условии гарантированной высокой отдачи. Это становится возможным, если обучение организовано специалистами предприятия и в соответствии с его потребностями. При этом специфика корпоративного образования заключается в том, что учащимися становятся не выпускники школ, а молодёжь, которая имеет некоторый опыт трудовой деятельности, в идеале – именно на этом предприятии. Для того чтобы компания вложила в молодого человека и отправила его на учёбу в своё корпоративное учебное заведение, необходимо убедиться в наличии у него *soft-skills*¹. Следует отметить, что это характерно не только для российских, но и зарубежных компаний [Complex Problem-Solving 2016]. В целом в международном дискурсе проблема образования взрослых на уровне тех компетенций, которые требуются компаниями, занимает важное место. Однако, как правило, высшее и среднее образование не разделяются. Работодатель ранжирует компетентности, на основании владения которыми определяется «стоимость» работника [Foley, Goncz 2004; Morgan et al. 2018]. Часто речь идёт о высоких компетентностях, необходимых для наукоёмких производств – обладание способностью управлять информацией в области профессиональных знаний; умение достоверно оценивать риски; способность самостоятельно принимать решения; навык решения нестандартных проблем; способность к критическому самоанализу; навык взаимодействия с экспертами из других профессиональных областей [Hanushek 2018]. Мнения российских экспертов – руководителей подразделений на крупных наукоёмких предприятиях, которые были получены в ходе исследования Института социологии РАН в 2017 г., подтверждают эти подходы к выбору работников:

¹ Hard skills – это профессия, а Soft skills – коммуникабельность, лояльность, набор качеств, не связанных напрямую с профессией, но обеспечивающих решение задач, которые связаны с трудовой деятельностью.

«Мы отбираем молодёжь не столько по показателям интеллекта, количеству знаний, нет, мы отбираем по трудовой дисциплине. Поставлены сроки, и если человек имеет определённый уровень ответственности перед нами, мы это очень ценим. Это ценится нами больше, чем навыки в программировании, в дизайне, конструировании и в чем угодно».

«Мы сразу объясняем, что дисциплина важнее всего. Если вам нехватает каких-то знаний, это не страшно, мы доучим, но если вы разгильдяй, то тут уже ничего не поделаешь».

При этом с юридической точки зрения речь идёт не об СПО, а о дополнительном профессиональном образовании (ДПО) уровня СПО.

Посмотрим мнения экспертов на этот счёт.

«Когда обсуждается внутрикорпоративная форма обучения, то надо сначала ставить вопрос, хороша ли она и зачем создана. Она не от хорошей жизни. Корпорация должна быть впереди любой системы образования. Корпоративное образование будет усиливаться за счёт новых методов обучения (например, дистанционных), принимать новые институциональные формы ...».

Эксперт прав, что должны появляться новые институциональные формы. Насколько это сложно, видно из правовой коллизии ДПО уровня СПО и прикладного бакалавриата. В обеих программах речь идёт о подготовке специалиста среднего уровня (но высокой квалификации и компетенции). Но как его тарифицировать с точки зрения трудового права – не ясно. Частные компании имеют здесь, конечно, дополнительные преимущества и свободы в выборе способа поощрения за хороший труд.

Дистанционированность от государства в организации учебного процесса отмечается ещё одним экспертом:

«Подготовка кадров для перспективных технологических направлений абсолютно нереальна в рамках нынешних СПО и ВПО. Они у нас не форсайтные, они ориентируются на деньги сегодняшнего дня. Они подгоняют под запросы сегодняшнего дня свои программы. Под кадры будущего нужны долгосрочные деньги и ясные стратегии. Если этим не занимается государство, то остаётся рассчитывать только на свои (имеются в виду предприятия – авт.) силы и возможности».

Корпорации и предприятия стараются максимально использовать свою автономию в подготовке и переподготовке кадров для своих нужд. В результате сегмент корпоративного образования – аналог СПО – считается высокоэффективным. Корпоративные учебные центры для рабочих и техников созданы и успешно функционируют на Автовазе, корпорациях СИБУР, Северсталь, Газпром, РЖД, предприятиях ОПК. Через них ежегодно проходят несколько сотен тысяч работников. По результатам обучения и с учётом опыта отдельные работники получают так называ-

емое «личное клеймо ОТК»¹. Оно даёт право вносить изменения в производственный процесс в обход существующей проектной документации на стадии опытных разработок и минуя согласования с конструкторским бюро. Это позволяет находить эмпирическим путём новые технологические решения.

Об эффективности корпоративного образования имеются различные мнения. Так, для работника конкретным показателем может являться рост заработной платы после повышения квалификации. Однако основной критерий – это рост производительности труда и повышение конкурентоспособности предприятия. В случае инновационных предприятий – это рост числа патентов, увеличение числа опытных разработок, сокращение времени передачи продукции в серийное производство.

Обратим внимание на то, что корпоративное образование по своему статусу должно быть отнесено к ДПО, которое обеспечивает достижение компетенций уровня СПО. В качестве примера можно привести корпоративные учебные заведения среднего образования, находящиеся в подчинении Центробанка (в стране создано 6 банковских школ). Сотрудники, прошедшие обучение, тарифицируются как имеющие СПО, при этом размеры поощрений и бонусов доводят показатели заработной платы до уровня специалиста с высшим образованием.

Что делать?

Обобщение результатов опросов и экспертных мнений позволяет заключить, что в настоящее время в системе СПО есть целый ряд проблематичных аспектов, которые снижают потенциал этой системы готовить кадры для инновационной экономики. Это – недостаточное число преподавателей, способных обучать перспективным профессиям; финансовые ограничения; вопросы качества обучения, в том числе с участием работодателей.

Опрос Института социологии РАН дал некоторое представление о том, какими могут быть пути повышения качества образования в системе СПО. Это и конкурсы, и встраивание системы среднего профессионального образования в качестве образовательной ступени в крупных вузах, и партнерство специализированных организаций-колледжей с компаниями.

Респондент выступил вполне определённо: *«...Я скорее за то, чтобы ПТУ входили в большие мега-вузы, но при этом не столько с точки зрения подтягивания качества стандартов образования, нормативов вузов, сколько с точки зрения пользования общей инфраструктурой»* (проректор университета, Рыбинск).

¹ ОТК – отдел технического контроля, термин советского времени, означающий, что такой отдел может осуществлять независимый контроль соответствия продукции установленным требованиям и гарантирует потребителям качество.

При этом основа для развития сотрудничества вузов и СПО есть: согласно опросу НИУ ВШЭ, уже сейчас 85% СПО сотрудничает с вузами [Бондаренко 2017]. Наш респондент полагает: «...На сегодняшний день среднее образование должно переходить на площадки бизнеса, то есть на промышленные предприятия и т. д., потому что технологии настолько изменились, что мы в профтехучилищах не обеспечиваем уже нужного образовательного уровня... оборудование, материалы надо постоянно обновлять, в том числе преподавательский состав» (руководитель инновационного производства, Казань).

Таким образом, можно выделить три основных направления взаимодействий, которые могут способствовать росту качества обучения в системе СПО в условиях недостаточности их собственных материальных и человеческих ресурсов. Это кооперация с вузами, перенос части образовательных программ на базу организаций-работодателей, проведение обучения и повышения квалификации кадров путём участия в независимых программах типа WorldSkills и иных инициативах. С учётом того, что и среди работодателей диагностирован низкий горизонт видения того, какие профессии им понадобятся в будущем, имеет смысл предлагать и «курсы повышения квалификации» для работодателей, на базе продвинутых вузов и организаций, участвующих в Национальной технологической инициативе. Это позволит бизнесам точнее определить для себя требуемые им на горизонте 7–10 лет профессии.

Библиографический список

Абанкина И. В., Дудырев Ф. Ф., Фрумин И. Д., Шабалин А. И. 2017. Эволюция финансирования системы СПО: на пути к частно-государственному партнерству / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ. 28 с.

Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. 2018. Среднее профессиональное образование. Состояние и перспективы. М.: ИД Дело РАНХиГС. 48 с.

Бондаренко Н. В. 2017. Ключевые аспекты деятельности профессиональных образовательных организаций в контексте мониторинга системы СПО. Презентация на XI Международном конгрессе-выставке «Global Education – Образование без границ – 2017». URL: https://issek.hse.ru/data/2018/01/11/1160590145/Natalia_Bondarenko_Global_Education_2017.pdf [Дата посещения: 11.10.2018].

Дежина И. Г., Ключарев Г. А. 2018. Российское образование для инновационной экономики: «болевы́е точки» // Социологические исследования. № 9. С. 40–48. DOI: 10.31857/S013216250001957-5

Ключарев Г. А., Пахомова Е. И., Трофимова И. Н. 2007. Молодежь группы риска. М., ЦСПиМ, ИС РАН. 288 с.

Шугаль Н. Б. 2017. Массовый и высокотехнологичный сектора в среднем профессиональном образовании: сравнительный анализ (мониторинг экономики образования). Презентация на XI Международном конгрессе-выставке «Global Education – Образование без границ – 2017». URL: https://issek.hse.ru/data/2018/01/11/1160590192/Nikolay_%20Schugal_Global_Education_2017.pdf [Дата посещения: 11.10.2018].

Bolli T., Caves K., Renold U., Buergi J. 2018. Beyond employer engagement: measuring education-employment linkage in vocational education and training programmes. *Journal of Vocational Education & Training*. DOI: 10.1080/13636820.208.1451911

Goncz A. The new professional and vocational education. *Dimensions of Adult Learning: Adult Education and Training in a Global Era*. Ed. G. Foley. Maidenhead, England, Open University Press, 2004. P. 19–34.

Hanushek E.A., Piopiunik M., Wiederhold S. (2018). The Value of Smarter Teachers: International Evidence on Teacher Cognitive Skills and Student Performance. *Journal of Human Resources* (forthcoming). <http://hanushek.stanford.edu/publications/value-smarter-teachers-international-evidence-teacher-cognitive-skills-and-student> [date of visit 13.10.2018].

Morgan J., Trofimova I., Kliucharev G. *New popular education in Russia*. Routledge, 2018. 188 p.

Neubert J., Lans L., Mustafic M., Greiff S., Ederer P. *Complex Problem-Solving in a Changing World: Bridging Domain-Specific and Transversal Competence Demands in Vocational Education. Competence-based Vocational and Professional Education / Mulder, Martin, Cham: Springer International Publishing (Technical and Vocational Education and Training: Issues, Concerns and Prospects)*. Springer International Publishing, 2016. P. 953–969. DOI: 10.1007/978-3-319-41713-4_44

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.560

Secondary Professional Education for an Innovative Economy

Irina G. Dezhina

Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russia. E-mail: i.dezhina@skoltech.ru

Grigory A. Kliucharev

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia. E-mail: kliucharevga@mail.ru

For citation: Dezhina, I. G.; Kliucharev, G. A. Secondary professional education for an innovative economy. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 120–138. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.560>

Abstract. Presented in this article is a review, which evaluates the current state of Russia's secondary professional education system (SPE), and the degree to which it is prepared to train specialists who would be in demand by an innovative economy. Unlike the higher professional education system, during the last decade SPE has not only ceased to be a government priority, but has also "suffered" to a certain degree due to increased attention on behalf of the federal government towards universities, which have attained special statuses – such as "federal", "research", "supporting". Limited financial resources have been redistributed for the benefit of higher educational facilities, this leading to a decrease in funding for training personnel within SPE, while also harming the resource base. This took a serious toll on those technical colleges

which trained specialists in new, promising professions. Given such a situation, communicating with employers becomes one of the key factors. However, the cooperation between SPE facilities and enterprises has been experiencing crisis due to the general decline of a number of manufacturing plants during the post-Soviet period. The study is based on the analysis of official statistical data, materials from sociological surveys, as well as expert opinions. This article consistently analyzes the current state of the SPE system, evaluates the training level of teachers, students' motivation for receiving secondary education, as well as the most popular professions. Special attention is devoted to corporate training acting as the equivalent of SPE, in the form of additional professional training. The article is concluded by examining possible directions for the development of the SPE system, in order to facilitate its adaptation to the demands of an innovative economy. Three possible directions are offered, which might help increase the quality of education within the SPE system, given the current conditions of financial limitations and issues associated with the quality of human resources. This includes cooperation with higher educational facilities, transferring a certain part of educational programs to the premises of employers, and conducting personnel training and advanced training by means of participation in independent programs such as WorldSkills and other such initiatives.

Keywords: secondary vocational education, innovative economy, technologies, training, skills, Russia

References

Abankina I. V., Dudyrev F. F., Frumin I. D., Shabalin A. I. *Evolutsiya finansirovaniya sistemy SPO: na puti k chasto-gosudarstvennomu partniorstvu* [Evolution of financing of the SPO system: towards public-private partnership]. Moscow, NRU HSE publ., 2017. 28 p.

Beliakov S. A., Klyachko T. L., Polushkina E. A. *Sredneye professionalnoye obrazovaniye. Sostoyaniye i perspektivy* [Secondary vocational education. Status and prospects]. Moscow, Delo RANEPА, 2018. 48 p.

Bolli T., Caves K., Renold U., Buergi J. Beyond employer engagement: measuring education-employment linkage in vocational education and training programmes. *Journal of Vocational Education & Training*, 2018, vol. 70, no 4, pp. 524–563. DOI: 10.1080/13636820.2018.1451911

Bondarenko N. V. *Kliuchevye aspekty deyatel'nosti professionalnykh obrazovatelnykh organizatsiy v kontexte monitoringa sistemy SPO. Prezentatsiya na XI Mezhdunarodnom kongresse-vystavke «Global Education – Obrazovaniye bez granits – 2017»* [Key aspects of the activities of professional educational organizations in the context of monitoring of the SPO system. Presentation at the XI International Congress-exhibition «Global Education – Education without borders – 2017»]. NRU HSE Official website. URL: https://issek.hse.ru/data/2018/01/11/1160590145/Natalia_Bondarenko_Global_Education_2017.pdf [date of visit: 11.10.2018].

Dezhina I. G., Kliucharev G. A. *Rossiyskoye obrazovaniye dlia innovatsionnoy ekonomiki: «bolevye tochki»* [Russian education for innovative economy: «pressure points»]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2018, no 9, pp. 41–49.

Goncz A. *The new professional and vocational education. Dimensions of Adult Learning: Adult Education and Training in a Global Era*. Ed. by G. Foley. Maidenhead (England, UK), Open University Press, 2004, pp. 19–34.

Hanushek E. A., Piopiunik M., Wiederhold S. *The Value of Smarter Teachers: International Evidence on Teacher Cognitive Skills and Student Performance*. *Journal of Human Resources* (forthcoming), 2018. <http://hanushek.stanford.edu/publications/value-smarter-teachers-international-evidence-teacher-cognitive-skills-and-student> [date of visit 13.10.2018].

Kak sistema srednego professionalnogo obrazovaniya vzaimodeystvuyet s rynkom truda? [How does the system of secondary vocational education interact with the labor market?] NRU HSE Official website. URL: <https://issek.hse.ru/news/213594371.html> [date of visit: 11.10.2018].

Kliucharev G. A., Pakhomova E. I., Trofimova I. N. *Molodiozh gruppy riska* [Youth at risk]. Moscow, TsSPiM, IS RAS publ., 2007. 288 p.

Morgan J., Trofimova I., Kliucharev G. *New popular education in Russia*. Routledge, 2018. 188 p.

Neubert J., Lans L., Mustafic M., Greiff S., Ederer P. *Complex Problem-Solving in a Changing World: Bridging Domain-Specific and Transversal Competence Demands in Vocational Education. Competence-based Vocational and Professional Education*. Mulder, Martin, Cham: Springer International Publishing (Technical and Vocational Education and Training: Issues, Concerns and Prospects). Springer International Publishing, 2016, pp. 953 – 969. DOI: 10.1007/978-3-319-41713-4_44

Shugal` N. B. *Massoviy i vysokotekhnologichniy sektora v srednem professionalnom obrazovanii: sravnitel'nyy analiz (monitoring ekonomiki obrazovaniya)*. Prezentatsiya na XI Mezhdunarodnom kongresse-vystavke «Global Education – Obrazovaniye bez granits – 2017». [Mass and high-tech sectors in secondary vocational education: comparative analysis (monitoring of the education economy). Presentation at the XI International Congress-exhibition «Global Education – Education without borders – 2017»]. NRU HSE Official website. URL: https://issek.hse.ru/data/2018/01/11/1160590192/Nikolay_%20Schugal_Global_Education_2017.pdf [date of visit 11.10.2018].

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.562

Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте

Ссылка для цитирования: Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 139–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>

For citation: Rusinova, N. L.; Safronov, V. V. The issue of social inequality in terms of health: a comparative study of Russia within the European context. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 139–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>



**Русинова
Нина Львовна**

Социологический институт, ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

nrusinova@gmail.com



**Сафронов
Вячеслав Владимирович**

Социологический институт, ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

vsafonov@list.ru

Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальных неравенств в здоровье и приводятся основные результаты её эмпирического изучения, полученные при анализе данных Европейского социального исследования (ESS) для нескольких десятков стран, включая РФ, и статистических сведений о состоянии их экономики и социального государства с помощью методов двухуровневого линейного и логистического моделирования. Показатели общего самочувствия и рисков развития депрессии заметно отличаются в разных частях Европы – в России, как и во многих других относительно менее развитых странах, здоровье населения отчётливо хуже, чем в наиболее развитых социальных демократиях. Эти показатели сильно варьируют и внутри стран – у людей, занимающих неодинаковые позиции в демографической и социальной структурах. Естественные расхождения в состоянии здоровья между младшими и старшими возрастными когортами с особой резкостью проявляются в отстающих государствах, тогда как в странах с высоким уровнем благосостояния и государственных социальных гарантий возрастные различия в значительной степени сглаживаются. Социальный капитал и психологическая устойчивость личности играют важную роль в поддержании хорошего самочувствия. Обладание психосоциальными ресурсами благоприятно сказывается на здоровье людей, принадлежащих к любым общественным стратам, однако в развитой Европе наибольший выигрыш от этого получают уязвимые слои с низким статусом. В развитых странах негативное воздействие на их здоровье в немалой степени связано с относительной депривацией – стрессами социального сравнения с благополучным большинством, а не только с дефицитом материальных ресурсов и ограниченным доступом к высококачественным медицинским услугам, как это имеет место в России и менее развитой Европе. Именно в продвинутых странах резервы личности и социальные связи особенно важны людям из нижних слоёв для преодоления негативного влияния таких стрессов на здоровье.

Ключевые слова: неравенства в здоровье, демографическая и социальная структуры, социальный капитал, психологические ресурсы, страны Европы и Россия, двухуровневое моделирование

Социально-экономический статус, как свидетельствуют исследования, оказывает существенное влияние на физическое и психическое здоровье. Оно заметно ухудшается по мере снижения доходов человека, его образования или социально-профессионального положения [Lundberg, Lahelma 2001; Social Determinants... 2006]. Такой градиент прослеживается практически для любых проявлений нездоровья, начиная от обычных недомоганий и заканчивая серьёзными, угрожающими жизни заболеваниями, ведущими к преждевременной смертности. Статусные различия объясняются неравным доступом людей к важным для здоровья ресурсам, включая комфортные условия жизни и труда, качественное питание, возможности рекреации, услуги здравоохранения, поддерживающую культуру [Link, Phelan 1995; Arcaya et al. 2015]. Кроме того, с понижением социально-экономического статуса нарастают неблагоприятные стрессовые воздействия, тогда как возможности справиться с ними, используя социальные связи и поддержку других людей или личностный психологический потенциал, одновременно сокращаются [Adler et al. 1994; Matthews, Gallo 2011].

В связи с тем, что социальные неравенства трудно устранимы и сохраняются даже в наиболее развитых странах мира, одно из важных направлений в современных исследованиях было связано с изучением индивидуальных переменных, способных оказывать благоприятное воздействие на здоровье уязвимых слоёв, а также общественных условий, при которых социальные различия становятся менее выраженными. Результаты этих исследований свидетельствуют, что в развитых странах могут сокращаться социальные различия в здоровье, обусловленные демографическим структурированием общества, однако социально-статусные неравенства не только не смягчаются, но и, по некоторым данным, усиливаются [Huijts 2011; Huijts, Eikemo 2009; Mackenbach et al. 2008; Mackenbach 2012].

В ряде работ было показано, что важнейшими переменными, поддерживающими здоровье и способными смягчать неравенства, являются вовлечённость человека в сети социальных взаимодействий, доверие другим людям и поддержка с их стороны в трудных обстоятельствах – всё, что принято обозначать термином «социальный капитал» [Русинова, Сафронов 2015; Berkman, Glass 2000; Rostila 2013; Social Capital... 2008; Szreter, Woolcock 2004]. Другая переменная, играющая сходную роль, – «психологический резервный потенциал», характеризующий совокупность психологических характеристик, помогающих индивиду справиться с трудностями жизни [Lachman, Weaver 1998; Gallo, Matthews 2003; Matthews, Gallo 2011; Schöllgen et al. 2011; Turiano et al. 2014; Ryff et al. 2015]. Высказывалось предположение, согласно которому влияние психосоциальных ресурсов на здоровье проявляется с особой отчётливостью в нижних общественных стратах, вызывая так называемый «буферный эффект» (moderating effect). Однако это предположение так и не нашло убедительного эмпирического обоснования – эффект обнаруживался в одних странах, как правило, наиболее разви-

тых, но отсутствовал в других, что, возможно, систематически связано с особенностями общественного контекста. Этой недостаточно изученной проблеме было посвящено одно из направлений наших исследований.

В методологическом плане отметим, что выводы современных работ всё чаще базируются на сравнительном анализе здоровья в разных странах и детерминирующих его индивидуальных и контекстуальных факторах, что стало возможным благодаря появлению ряда масштабных международных проектов, охватывающих репрезентативными опросами многие страны мира или Европы, как например, Европейское социальное исследование (ESS). Статистический аппарат, используемый для такого анализа, относится к методам многоуровневого моделирования.

Цели и методология исследования

В наших исследованиях изучались демографические и статусные неравенства в здоровье на нескольких десятках европейских стран, включая Россию. Целью было выявление размаха таких неравенств по полу, возрасту, образованию, социальному положению, уровню жизни, а также прояснение вопроса, какие общественные условия могут способствовать их сокращению. Изучались переменные социального капитала и психологических ресурсов, проверялись предположения, что они могут содействовать поддержанию здоровья людей с низким статусом. Кроме того, ставилась задача выяснить, в каких социетальных контекстах подобные буферные эффекты могут иметь место. В число основных социетальных факторов, анализировавшихся в наших работах, входят показатели экономического развития, доходных неравенств и благосостояния, а также факторы, свидетельствующие о развитии государства социальных гарантий (государственные расходы на здравоохранение, на социальную защиту и поддержку) и об особенностях социальной интеграции общества и культуры.

В качестве эмпирических материалов использованы данные Европейского социального исследования (разных раундов, включающих Россию) [ESS... 2006, 2008, 2010, 2012, 2014], репрезентативных национальных опросов, охватывающих порядка 30-ти стран, а также сведения Всемирного банка, Всемирной организации здравоохранения, Евростата, Международной организации труда и аналитические или агрегированные показатели, описывающие эти страны. Данные анализировались статистическими методами двухуровневого линейного и логистического моделирования [Raudenbush, Bryk 2002]. Полученные результаты по отдельным направлениям этих исследований нашли отражение в целом ряде наших работ [Русинова, Сафронов 2013, 2014а, 2014b, 2015, 2016а, 2016b, 2017а, 2017b]. Ниже будут охарактеризованы некоторые наиболее важные из них.

Различия в здоровье фиксировались на индивидуальном уровне по трём показателям.

1. Широко используемая в современных исследованиях, в том числе и при многоуровневом моделировании, шкала оценки респондентом своего здоровья. В ESS-опросах участникам исследования предлагался вопрос: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в целом? По Вашему мнению, оно: 1. – очень хорошее, 2. – хорошее, 3. – среднее, 4. – плохое, 5. – очень плохое». В нашем анализе использовался также укрупнённый дихотомический показатель хорошего здоровья, у которого значение «1» свидетельствовало об «очень хорошем» или «хорошем» самочувствии человека, а градация «0» – о невысоких его оценках: «очень плохое», «плохое», или «среднее».

2. Особенности психического здоровья фиксировались с помощью шкалы депрессии (CES-D) Центра эпидемиологических исследований Национального института психического здоровья США, разработанной для выявления групп населения с риском развития депрессивных расстройств. Применялся краткий (восемь суждений) вариант этой шкалы. Во время интервью у респондентов выясняли, насколько часто (четыре градации оценок от «никогда» до «постоянно») за неделю, предшествующую опросу, они 1) ощущали подавленность, 2) чувствовали, что всё даётся с трудом, 3) плохо спали, 4) переживали одиночество, 5) были печальны, 6) не могли собраться, приступить к делу, 7) испытывали удовольствие от жизни и 8) были счастливы. Общие баллы рассчитывались как арифметическое среднее полученных оценок (допускалось не более трёх вопросов, на которые не были даны содержательные ответы), которые затем преобразовывались в шкалу депрессии, диапазон значений которой от 0 до 24 (чем выше значение, тем больше угроза депрессии).

3. Показатель, свидетельствующий о наличии у человека достаточно серьёзных проблем со здоровьем, получен при ответах на вопрос: «Испытываете ли Вы какие-нибудь ограничения, трудности в своей повседневной жизни из-за хронического заболевания или инвалидности, физического недостатка или общей физической немоги, психического расстройства? Насколько серьёзные ограничения, трудности Вы испытываете: 1). Да, очень серьёзные, 2). Да, испытываю некоторые ограничения, 3). Нет, не испытываю». В нашей работе применяется индекс ограничений повседневной активности, одна из градаций которого говорит об их отсутствии (=0), а другая – о «серьёзных» или «некоторых» ограничениях (=1).

Социальный статус измеряется с помощью оценок респондентами своего положения в общественной структуре: «В нашем обществе есть люди, которые находятся ближе к верхушке общества, а есть люди, которые ближе к его низам. На этой карточке Вы видите шкалу, которая идёт сверху вниз. Где Вы расположили бы себя на этой шкале в настоящее время? ...10. – На самом верху, 0. – В самом низу». Различия в здоровье, обусловленные социальным статусом, анализировались при контроле демографических переменных – пола (0=Ж, 1=М) и возраста (полных лет).

В рассматривавшихся данных ESS содержится ряд вопросов, которые можно связать с различными аспектами понятия «социальный капитал». Одни из них позволяют говорить о вхождении человека в сети соци-

альных взаимодействий или изоляции от них – а) живёт ли респондент один или у него есть семья, с ним живёт кто-то близкий, б) часто ли он (она) встречается на досуге с друзьями, родственниками или знакомыми, в) есть ли у него кто-то (и сколько таких людей), с кем можно поделиться проблемами личной жизни, г) приходилось ли ему (ей) в течение года участвовать в работе какой-либо добровольной организации. Другие аспекты позволяют судить о возможности получения человеком инструментальной и психологической поддержки, о единении с сообществом, доверительном отношении к другим людям и позитивных установках к социальному окружению: а) уверен ли он в получении помощи от близких, если в этом будет необходимость, б) в их признании, в) чувствует ли себя в безопасности там, где живёт, г) испытывает ли чувство единения с проживающими здесь людьми, д) считает ли, что они помогают друг другу, е) полагает ли, что люди в принципе относятся к нему с уважением, ж) что большинству из них можно доверять, з) что они не склонны к обману, и) готовы помочь. Шкалы, фиксирующие ответы на все эти вопросы, преобразовывались в индикаторы, изменяющиеся от «0» до «1», а затем для каждого респондента вычислялись значения генерализованного индекса, свидетельствующие о его интеграции в социум, о запасах у него социального капитала (вычисление среднего арифметического при условии, что были даны ответы не менее чем на два вопроса о сетевом капитале и не менее чем на пять – о капитале поддержки и доверия).

Аналитический блок ESS «Личное и социальное благополучие» содержит ряд интересующих нас показателей резервного психологического потенциала. Использовались три характеристики этого потенциала:

1. «Автономия», свидетельствующая о том, что человек в своей жизни или при осуществлении определённой деятельности свободен от контроля со стороны других людей. О её выраженности говорит степень согласия респондента с суждением: «Полагаю, что я свободен решать для себя, как мне жить» (по пятибалльной шкале от полного согласия до полного несогласия).

2. «Контроль», способность человека контролировать происходящее в своей жизни и свою деятельность, выраженная в шкальных оценках при ответе на вопрос: «В какой мере Вам удаётся находить время, чтобы заняться тем, чем хочется?» (от 0 – вовсе не удаётся до 10 – полностью удаётся).

3. «Оптимизм» в его личной и социальной формах – положительное оценивание человеком своего и общего будущего. Способы измерения – степень согласия с утверждениями: «Я всегда смотрю на своё будущее с оптимизмом» и «Судя по тому, что происходит в мире, трудно возлагать надежды на его будущее» (пятибалльные шкалы от полного согласия до полного несогласия).

На основе этих трёх характеристик был сконструирован общий индекс персональных психологических резервов (среднее арифметическое всех четырёх описанных показателей, преобразованных в шкалы от 0 до 1).

Эмпирическим свидетельством буферного эффекта является сокращение различий в состоянии здоровья респондентов с низким и высоким общественным положением (за счёт более выраженного улучшения самочувствия первых), возникающее при учёте совместного влияния переменных социального статуса, социального капитала и психологических ресурсов. В связи с этим в модели включались также интеракции между статусом и капиталом, статусом и ресурсами.

Факторы развития в странах Европы экономики и социального государства, иллюстрирующие представленные ниже результаты, фиксировались следующими индексами:

а) ВВП – валовой внутренний продукт – на душу населения, среднее значение за 2006–12 гг. (World Bank, World Development Indicators, GDP per capita, PPP, constant 2011 international \$);

б) Распространённость высокого уровня жизни – агрегированный показатель, доля респондентов ESS 2012, которые при ответе на вопрос: «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?» (см. рис. 1);

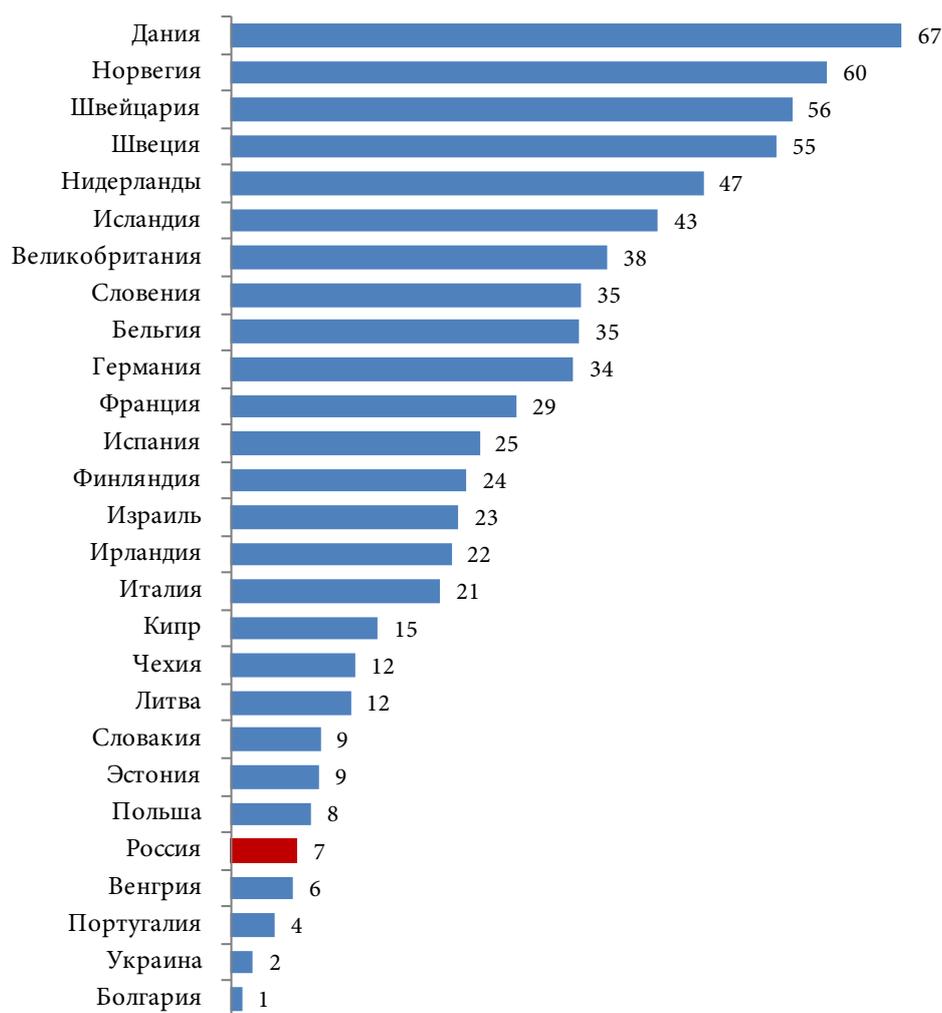


Рис. 1. Представительство стран с высоким уровнем жизни в ESS странах

Примечание. Оценка уровня жизни – агрегированный показатель, доля респондентов ESS 2012, которые, отвечая на вопрос «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время? ...»: А. Живём на этот доход, не испытывая материальных затруднений; Б. Этого дохода нам в принципе хватает; В. Жить на такой доход довольно трудно; Г. Жить на такой доход очень трудно», указали вариант А.

в) Расходы государства на здоровье в душевом исчислении (World Health Organization, WHO, General government health expenditure per capita, \$, PPP, 2012).

По всем трём факторам Россия занимает среди изучавшихся стран одно из последних мест. Так, например, как видно на рис. 1, по показателю уровня жизни только 7% опрошенных в нашей стране указали, что доходы позволяют им не испытывать материальных затруднений (ещё ниже этот показатель в Болгарии, на Украине, в Португалии и Венгрии – от 1 до 6%), в то время как в Дании об этом сообщали 67%, в Норвегии – 60%, в Швейцарии – 56% и в Швеции – 54%.

Иерархическая структура эмпирических данных, в которой индивиды со своими показателями здоровья, демографическими, социальными и психологическими особенностями (1-ый, индивидуальный уровень) соотношены со странами, описанными в терминах экономического благосостояния и обеспечения государством социальных гарантий (2-ой, контекстуальный уровень), анализировалась с помощью специально разработанного для данных такого рода статистического аппарата, относящегося к методам многоуровневого моделирования. В нашей работе двухуровневое моделирование осуществлялось с помощью специализированного пакета программ – HLM (Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling). Рассматриваются иерархические линейные и логистические модели со «случайными коэффициентами» для переменных первого уровня (индивидуальных различий) и интеракциями между этими переменными и факторами второго уровня (контекстуальных отличий между странами).

Состояние здоровья в странах Европы

Изучавшиеся страны Европы по показателям общего самочувствия людей и психического здоровья заметно отличаются друг от друга. О выраженности таких отличий позволяет судить рис. 2, на котором, по данным ESS 2012 г., показано расположение этих стран в плоскости, определяемой по горизонтали шкалой депрессии, а по вертикали – долями участников опросов, оценивших своё здоровье как хорошее или очень хорошее (в отличие от тех, у кого оно удовлетворительное, плохое или очень плохое).

Высокие для страны значения по одной из осей соответствуют, как правило, низким показателям по другой – меньшая угроза развития массовых депрессивных состояний сочетается с большим распространением среди населения хорошего здоровья, тогда как в обществах, в большей мере подверженных этой угрозе, ниже оценки самочувствия (Pearson's $R = -0.76$, $p < 0.000$).

Неблагоприятная ситуация со здоровьем, учитывая оба его измерения, характерна для стран, расположенных в правой нижней части рис. 2. Она постепенно улучшается при продвижении к странам, которые лежат в левой верхней его части. К числу первых относятся многие посткоммунистические государства, включая Россию и Украину, Эстонию

и Венгрию, Литву и Болгарию. Несколько лучше положение дел в Чехии, Польше, Словении и Словакии, к которым примыкают средиземноморские страны – Португалия, Испания и Италия. Ещё лучше ситуация со здоровьем в Германии, Франции, Финляндии, Великобритании и Израиле, на Кипре, в Бельгии и Нидерландах. Наконец, наиболее благополучным оказалось положение дел в Швейцарии и на севере Европы – в Дании, Швеции, Норвегии, Ирландии и Исландии.

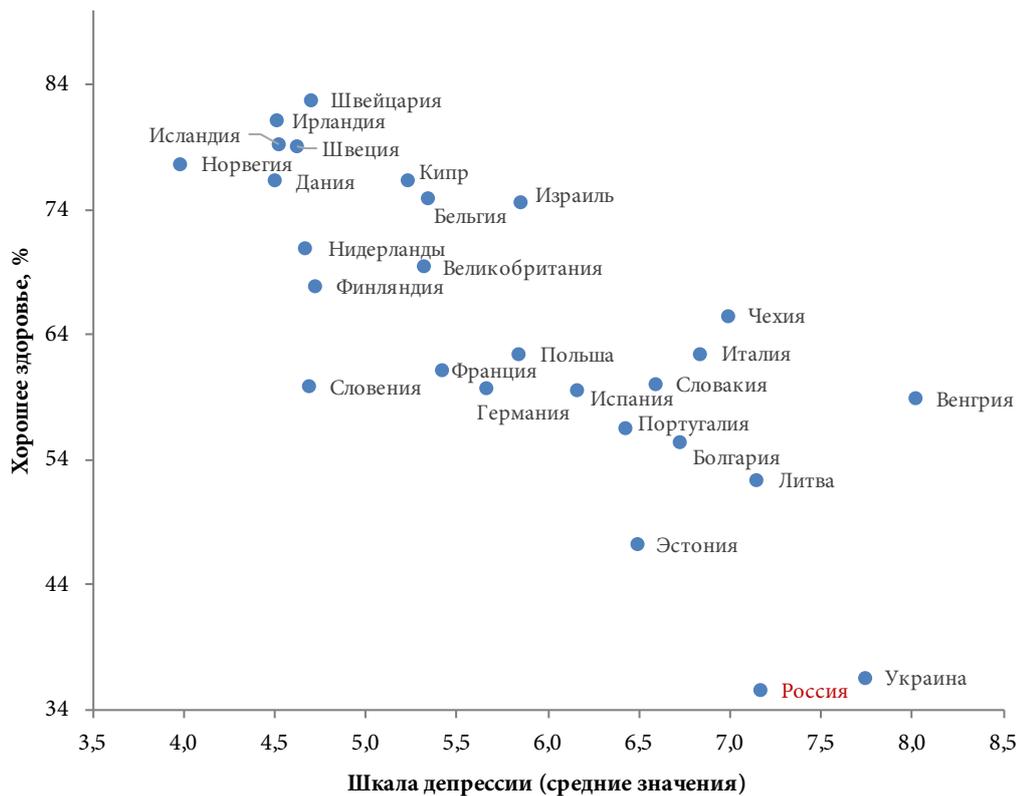


Рис. 2. Общее самочувствие и психическое здоровье в странах Европы

Примечание. Хорошее здоровье — доля респондентов в стране, оценивших состояние своего здоровья по пятибалльной шкале как «хорошее» или «очень хорошее». Шкала депрессии — CES-D Центра эпидемиологических исследований Национального института психического здоровья США. Изменяется от «0» до «24», свидетельствуя о нарастании депрессивных угроз.

Представленное расположение стран позволяет предположить, что состояние здоровья улучшается при росте экономического благополучия общества и обеспечении государством социальных гарантий — значительных вложений, направляемых на развитие системы здравоохранения и социальную защиту. Бывшие страны советского блока, как и средиземноморские государства, заметно уступают в обоих этих отношениях западным демократиям, особенно социально-демократическим скандинавским режимам.

Социальные неравенства в здоровье

В изучавшихся странах отчётливо проявлялись интересующие нас социальные различия в здоровье. Это относится и к демографическим отличиям, и к социально-структурным (статусным) неравенствам в здоровье.

Демографические различия в здоровье

Во многих странах здоровье женщин заметно отличается в худшую сторону от самочувствия мужчин (хотя такая зависимость характеризует гендерные особенности только в том случае, когда речь идёт об общем состоянии здоровья, а не о конкретных заболеваниях, несущих угрозу для здоровья), причём такие отличия с несколько большей определённостью проявляются в относительно менее развитых (экономически и социально) европейских странах. Особенно ярко среди демографических различий выглядят возрастные расхождения показателей здоровья – они очень велики в относительно менее развитых странах, тогда как в странах с высоким уровнем благосостояния и развития социального государства эти различия сильно сокращаются.

На рис. 3 представлены результаты двухуровневого моделирования, свидетельствующие о неравенствах в здоровье по возрасту в странах с разными уровнями расходов государства на здравоохранение (рассчитаны в сопоставимых долларах по паритету покупательной способности). Этот показатель входит в синдром социетальных характеристик, свидетельствующий об уровне общественного развития страны. Он тесно связан с другими важными параметрами, включая состояние экономики (по душевому ВВП), уровень жизни населения, государственные и общественные расходы на социальные нужды. Хотя любой из перечисленных факторов приводит к сходным результатам, именно показатель расходов на здравоохранение позволяет получить лучшее объяснение неодинаковых зависимостей между возрастом и состоянием здоровья (объяснённая дисперсия для соответствующего случайного коэффициента равняется 74%, а ВВП, к примеру, объясняет только 61%).

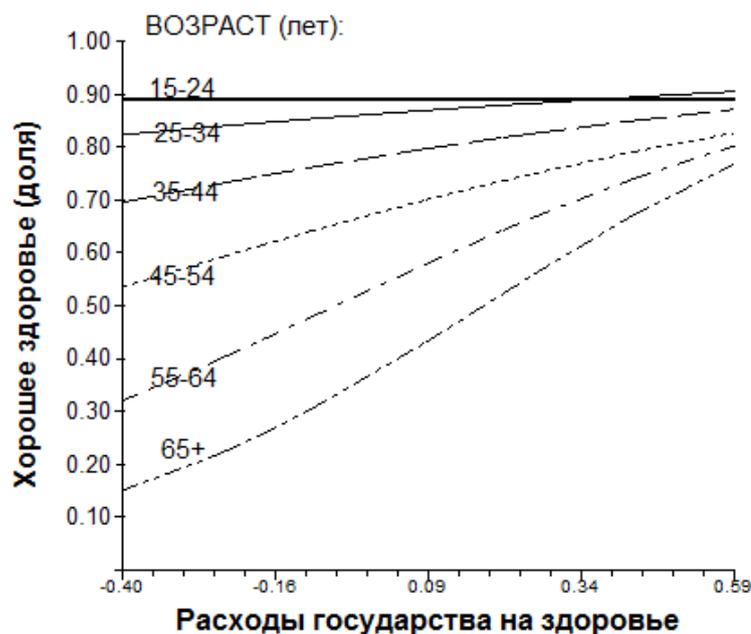


Рис. 3. Возрастные различия в здоровье и госрасходы на здравоохранение

Примечание. Рисунок построен по уравнению двухуровневой логистической модели, в которой обладание хорошим здоровьем рассматривается в зависимости от шести возрастных категорий (при контроле пола и социального статуса) и показателя государственных расходов на здравоохранение (переменная представлена шкалой от «0» до «1», центрированной относительно среднего значения). N1 (уровень 1, индивиды) = около 50500; N2 (уровень 2, страны) = 27.

Как видно на рис. 3, между странами с низким (по европейским масштабам) и высоким уровнем расходов бюджета на здравоохранение наблюдаются очень сильные расхождения в возрастных различиях здоровья. Так, при самых низких значениях индекса расходов (89%) респонденты в младшей когорте (15–24 года) оценивают своё здоровье как хорошее; с возрастом оно постепенно ухудшается, так что в самой старшей группе (65 лет или больше) этот показатель составляет всего лишь 15%. Разрыв между полярными возрастными категориями равняется 74 процентным пунктам.

Такие возрастные различия постепенно сглаживаются по мере повышения государственных вложений в систему здравоохранения страны. При самых высоких значениях показатели хорошего здоровья для младшей и старшей категории респондентов имеют значения соответственно 89 и 77%, отличаясь всего лишь на 11 процентных пунктов.

Таким образом, эффективное использование значительных бюджетных средств на поддержание здоровья населения (так же, как и высокий уровень жизни) в наиболее развитых частях Европы способствуют сохранению большинством даже очень пожилых людей активного здоровья, тогда как в странах, где государство этого не делает, а жизненные стандарты низки, большинство в старших возрастах жалуются на неважное самочувствие.

Статусные неравенства в здоровье

В европейских обществах с полной определённойностью проявляются также неравенства в здоровье между людьми в зависимости от общественного положения. В развитых странах эти неравенства не только не сокращаются, но, напротив, заметно усиливаются. Об этом свидетельствуют результаты двухуровневого логистического моделирования, приведённые на рис. 4. Наличие «хорошего здоровья» соотносится с пятью укрупнёнными статусными категориями (оценки респондентами своего положения в обществе по шкале от «0» до «10») при контроле на первом уровне – пола и возраста, а на втором – душевого ВВП.

С дифференциацией статусных позиций (см. рис. 4) связан градиент постепенного улучшения состояния здоровья – с продвижением от низкого к высокому статусу всё большая доля опрошенных в любой части Европы оценивает своё самочувствие как хорошее или очень хорошее. В странах с низким (по европейским меркам) уровнем развития экономики, к числу которых относятся многие посткоммунистические государства, в том числе и Россия, только 29% представителей низкостатусного слоя сообщают о хорошем состоянии своего здоровья. Этот показатель, постепенно повышаясь с подъёмом по статусной лестнице, достигает значения 61% у обладателей высокого общественного положения. Между полярными социальными категориями разрыв в оценках здоровья превышает 30 процентных пунктов.

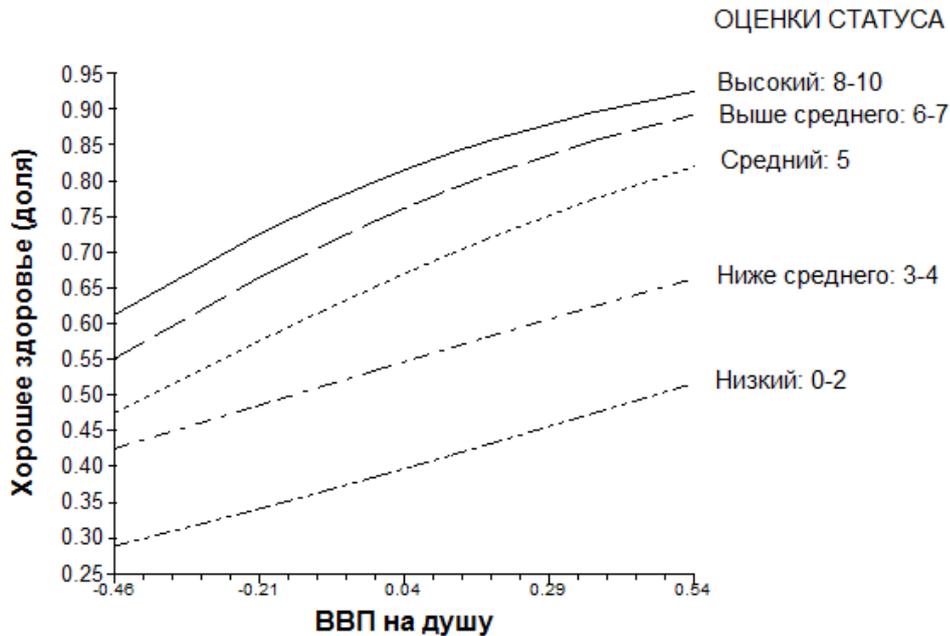


Рис. 4. Статусные неравенства в здоровье и экономическое развитие

Примечание. Рисунок построен по уравнению двухуровневой логистической модели, фиксирующей расхождение между респондентами в признании хорошего состояния здоровья в зависимости от воспринимаемого социального статуса (при контроле пола и возраста) и различий между странами по показателю душевого ВВП. N1 (уровень 1, индивиды) = около 50500; N2 (уровень 2, страны) = 27.

С ростом экономического благополучия страны наблюдается заметное улучшение самочувствия в любой из статусных категорий, однако описанная картина с неравенствами становится ещё более отчётливо выраженной (межуровневые интеракции между категориями невысокого статуса и душевого ВВП статистически значимы) – отмеченный разрыв при самом большом ВВП достигает уже 40 процентов.

Описанные зависимости проявляются и при использовании других показателей здоровья. На рис. 5 даётся характеристика неравенств в психическом здоровье. В этом случае двухуровневая линейная модель включала в качестве зависимой переменной шкалу депрессии.

Риски депрессии связаны с позицией человека в социальной структуре, снижаясь по мере роста статуса, причём общественное развитие способствует заметному снижению этих рисков, однако менее выраженному при низком статусе по сравнению с высокими статусными позициями. В результате отчётливые неравенства, характерные для стран с невысоким развитием экономики, ещё больше усиливаются при продвижении к более высоким значениям ВВП.

Хотя неравенства в здоровье в развитых странах Европы выражены заметно сильнее, следует помнить, что они характеризуют различия между весьма узким слоем с невысоким статусом (в пяти странах с самым высоким ВВП к двум нижним статусным категориям вместе относятся только около 10% опрошенных) и большинством, считающим, что занимает позиции в обществе выше средней (около двух третей респондентов). В наименее развитых странах, напротив, большинство составляют те, у кого статус ниже среднего (в пяти странах с невысоким ВВП их около 43%), а в меньшинстве – люди со статусом выше среднего (27%).

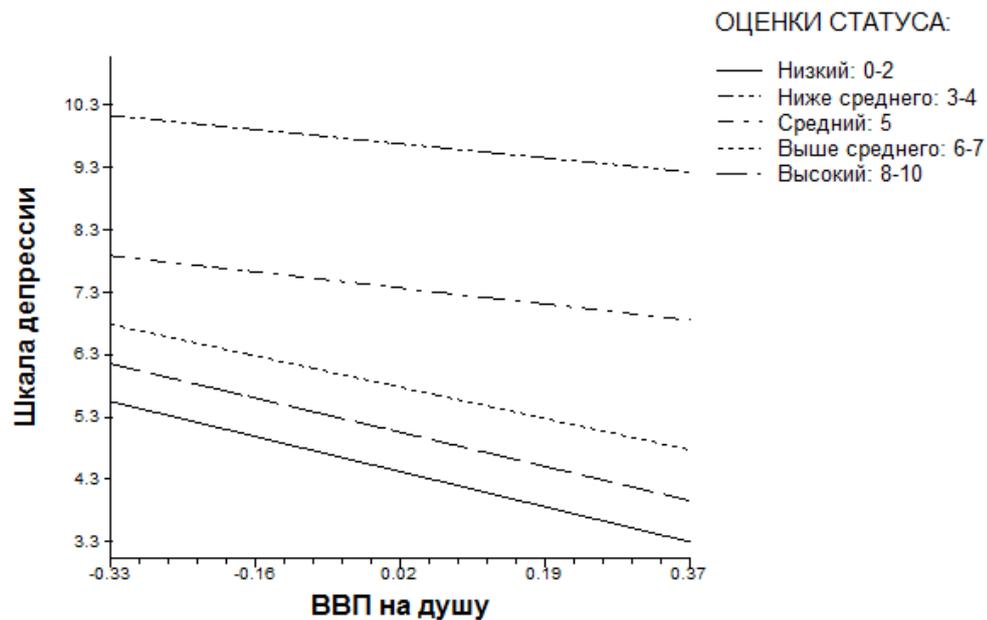


Рис. 5. Неравенства в психическом здоровье и экономическое развитие

Примечание. Рисунок построен по уравнению двухуровневой линейной модели, где различия по шкале депрессии объясняются социальным статусом (при контроле пола и возраста) и уровнем экономического развития страны. N1 (уровень 1, индивиды) = около 50500; N2 (уровень 2, страны) = 27.

Индивидуальные и контекстуальные факторы снижения неравенств в здоровье

В наших исследованиях проверялись предположения о важной роли социального капитала и психологических ресурсов в поддержании здоровья людей, а также об их особой значимости для представителей нижних общественных страт – буферного эффекта.

Результаты анализа буферного эффекта, обусловленного ресурсами социального капитала, отражает рис. 6. Они получены при двухуровневом моделировании, в котором оценка респондентами своего здоровья анализировалась в зависимости от социального статуса (при контроле демографии), переменной социального капитала и их интеракции на индивидуальном уровне, а на контекстуальном (уровне стран) – душевого ВВП, а также межуровневых интеракций.

Рисунок показывает, что социальный капитал – важный фактор поддержания здоровья, воздействие которого наблюдается во всех социальных стратах и при любых общественных условиях. Однако буферный эффект – большее его влияние на самочувствие людей с низким статусом – проявляется несколько сильнее в странах, отличающихся высоким экономическим развитием (такая зависимость при статистической значимости остаётся всё же не очень сильной).

Результаты другого направления нашего анализа, также предполагавшего построение двухуровневых моделей, свидетельствуют, что важную роль в поддержании здоровья играют и персональные психологические ресурсы (автономия, контроль, оптимизм). С ростом значений переменной, свидетельствующей о наличии всех трёх разновидностей

этих ресурсов, повышаются самооценки здоровья, причём как у людей с низким, так и с высоким статусом, как в менее, так и в более развитых странах Европы (см. рис. 7).

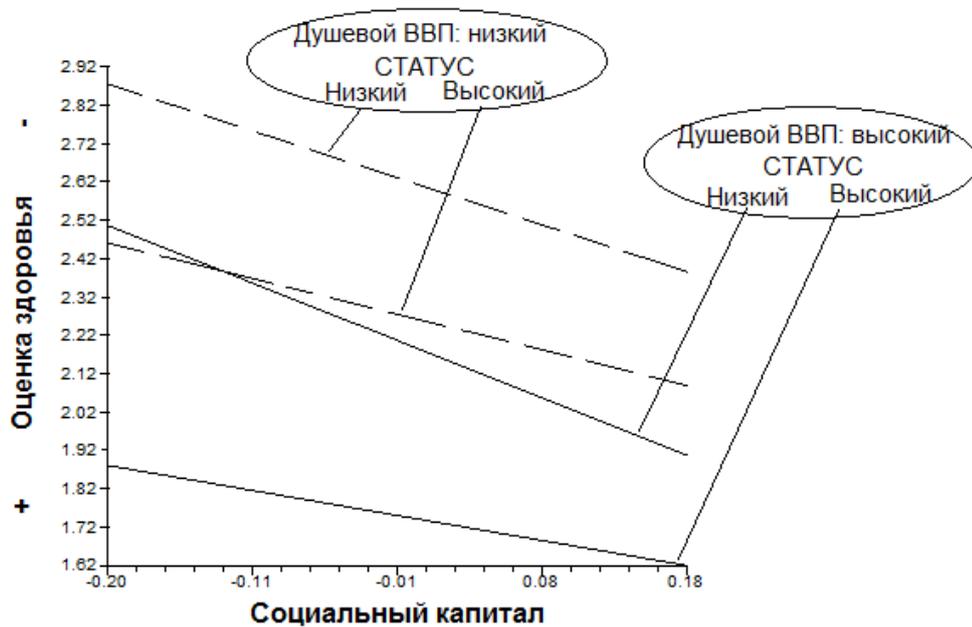


Рис. 6. Буферный эффект социального капитала: влияние фактора ВВП

Примечание. Рисунок построен по уравнению линейной двухуровневой модели, описывающей различия в самочувствии людей. Социальный капитал – индекс, свидетельствующий о вовлечённости индивида в сети социальных взаимодействий, доверии другим людям и уверенности в поддержке с их стороны в трудных обстоятельствах (представлен шкалой от «0» до «1», центрирован относительно средних для каждой страны). Низкий/высокий ВВП – усреднённые значения нижнего и верхнего квартилей переменной валового внутреннего продукта на душу. Низкий/высокий статус – усреднённые значения нижнего и верхнего квартилей переменной воспринимаемого положения в обществе.

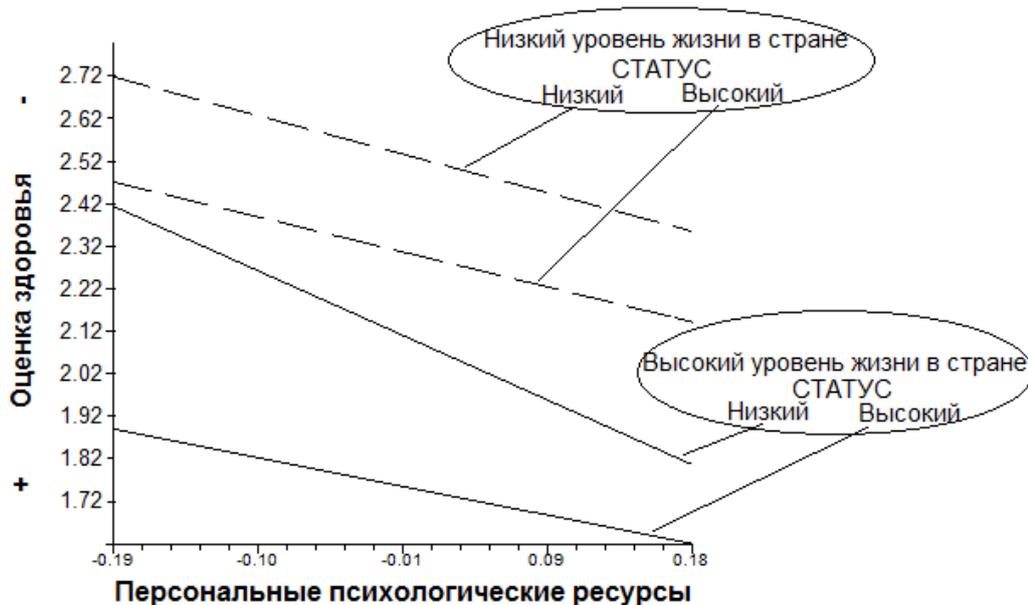


Рис. 7. Влияние психологических резервов на самочувствие

Примечание. Рисунок построен по уравнению двухуровневой линейной модели, описывающей различия в самочувствии людей в зависимости от социального статуса, персональных психологических ресурсов (индекс, объединяющий показатели «автономии», «контроля над жизнью», «личного и социального оптимизма», шкала от «0» до «1», центрирована относительно средних в каждой стране) и уровня жизни в стране. Низкий/высокий уровень жизни в стране – усреднённые значения нижнего и верхнего квартилей переменной воспринимаемого уровня жизни (процента опрошенных в изучавшихся странах, которым доходы позволяют «жить без материальных затруднений»). Низкий/высокий статус – усреднённые значения нижнего и верхнего квартилей переменной воспринимаемого положения в обществе.

Но при этом с полной отчётливостью проявлялся и буферный эффект, однако только в странах с высоким уровнем жизни (значительная часть их населения указала, что доходы позволяют жить, не испытывая материальных затруднений). В этих странах резервный психологический потенциал особенно важен для уязвимых слоёв, способствуя заметному улучшению их здоровья. В странах, где многие люди живут на свои доходы «трудно» или «очень трудно», а к их числу относятся многие посткоммунистические государства, включая Россию, буферный эффект психологических ресурсов не проявляется. Эта закономерность подтверждается и при анализе другого показателя здоровья – ограничений в повседневной активности, вызванных серьёзными заболеваниями, результаты которого приводятся на рис. 8.

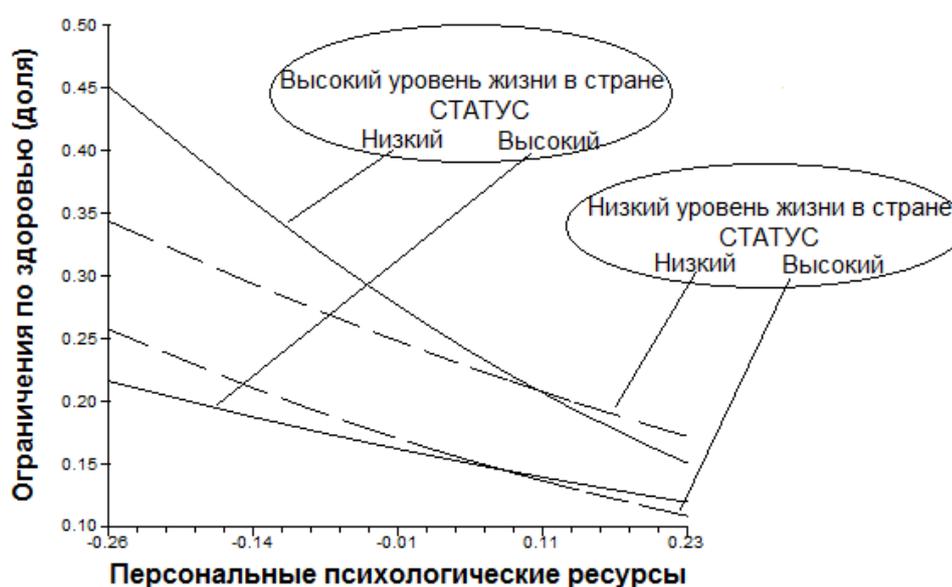


Рис. 8. Психологические резервы и ограничения активности по здоровью

Примечание. Рисунок построен по уравнению двухуровневой логистической модели, описывающей различия между людьми, испытывающими ограничения в повседневной деятельности из-за проблем со здоровьем, и тех, кто их не испытывает, в зависимости от социального статуса, персональных психологических ресурсов (индекс, объединяющий показатели «автономии», «контроля над жизнью», «личного и социального оптимизма», шкала от «0» до «1», центрирована относительно средних в каждой стране) и уровня жизни в стране. Низкий/высокий уровень жизни в стране – усреднённые значения нижнего и верхнего квартилей переменной воспринимаемого уровня жизни (процента опрошенных в изучавшихся странах, которым доходы позволяют «жить без материальных затруднений»). Низкий/высокий статус – усреднённые значения нижнего и верхнего квартилей переменной воспринимаемого положения в обществе.

Буферный эффект, как видно на этом рисунке, проявляется только в странах с высоким уровнем жизни.

Выявленная контекстуальная обусловленность буферных эффектов социального капитала и психологических резервов связана, скорее всего, с тем, что в благополучных обществах (странах Европы, которые отличаются высоким уровнем жизни) негативное воздействие на здоровье низкого социального статуса, затрагивающее сравнительно немногочисленные уязвимые слои, обусловлено не столько материальными лишениями, сколько относительной депривацией – негативными эмоциями, стрессами, острым переживанием отчуждённости, маргинальности и неспра-

ведливости, которые порождаются социальными сравнениями с благополучным большинством. В этих условиях психологические резервы позволяют смягчать отрицательные эффекты для здоровья, вызываемые действием этого механизма.

В таких же странах, как Россия, где уровень жизни большей части населения остаётся невысоким, состояние здоровья людей с низким общественным положением, составляющих относительное большинство, в меньшей степени обусловлено депривацией, порождаемой социальными сравнениями. Оно остаётся связанным главным образом с ограниченным доступом к качественному питанию, рекреации и медицинской помощи, так что психологический потенциал, помогая преодолевать трудности жизни, позитивно сказывается на самочувствии уязвимых страт, но не сильнее, чем других социальных категорий.

Россия в европейском контексте

Показатели здоровья в России, включая общее самочувствие и риски развития депрессии, согласно нашим исследованиям, подтверждающим объективные данные о его состоянии, – одни из самых низких в Европе. Они сильно отличаются у людей, занимающих неодинаковые позиции в демографической и социальной структурах. Особенно сильные различия обнаруживаются между младшими и старшими возрастными когортами, причём в развитых европейских странах с высоким уровнем благосостояния и государственных социальных гарантий такие различия в значительной степени сглаживаются. Статусные неравенства в нашей стране также проявляются с полной отчётливостью, хотя с чуть меньшей выразительностью, чем в развитой Европе. Правда, это происходит только при контроле возрастных особенностей, что говорит о характерном для нашего общества (в меньшей степени – для Западной Европы) сочетании возрастных и статусных рисков плохого самочувствия. Кроме того, российская социальная структура очень заметно отличается от развитых европейских стран многочисленностью нижних слоёв. Так что в России статусные неравенства свидетельствуют о расхождении между большей частью населения с проблемами в здоровье и меньшинством, у которого их нет, а на Западе, наоборот – между значительной долей граждан с хорошим здоровьем и небольшим слоем тех, у кого оно оставляет желать лучшего. В отличие от развитой Европы, социальный капитал и психологические ресурсы у нас не выступают модератором отношений между здоровьем и статусом – их благоприятное воздействие на самочувствие одинаково сказывается в любых социальных стратах, однако не даёт выигрыша уязвимым слоям. Если в Европе негативное воздействие на здоровье в немалой степени связано с относительной депривацией, то в России гораздо более важным является дефицит материальных ресурсов и ограниченный доступ к качественным медицинским услугам.

Библиографический список

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2017а. Влияние безработицы на здоровье в странах Европы: значение социального государства // Социологический журнал. Т. 23. № 2. С. 28–50. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5158

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2015. Здоровье в странах Европы: статусные неравенства и влияние социального капитала // Социологический журнал. Т. 21. № 4. С. 34–60. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3065

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2014а. Значение социального капитала для здоровья в странах Европы // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 17. № 3. С. 112–133.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2017б. Персональные психологические ресурсы и неравенства в здоровье: выраженность буферного эффекта в европейских странах // Демографическое обозрение. Т. 4. № 3. С. 59–87.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2014б. Состояние здоровья в Европе и России: общественный контекст и социальные неравенства // Социологический журнал. Т. 20. № 4. С. 19–43.

Русинова Н., Сафронов В. 2013. Социальные особенности здоровья в Европе и России: влияние индивидуальных и контекстуальных факторов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3. С. 16–32.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2016б. Социальное государство и неравенства в здоровье в странах Европы // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 4. С. 49–70.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2016а. Социальные риски депрессии в Европе и России: значение демографии, образования и социального капитала // Социологический журнал. Т. 22. № 3. С. 82–106. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4586

Adler N. E., Boyce T., Chesney M. A., Cohen S., Folkman S., Kahn R. L., Syme S. L. 1994. Socioeconomic status and health. The challenge of the gradient // American Psychologist. Vol. 49. № 1. P. 15–24. DOI: 10.1037/0003-066X.49.1.15

Arcaya M. C., Arcaya A. L., Subramanian S. V. 2015. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // Global Health Action. Vol. 8. № 1. Article: 27106. DOI: 10.3402/gha.v8.27106

Berkman L. F., Glass T. 2000. Social Integration, Social Networks, Social Support, and Health // Social epidemiology / Ed. by L. F. Berkman, I. Kawachi. Cambridge: Oxford University Press. P. 137–173.

ESS Round 3: European Social Survey Round 3 Data. 2006. Data file edition 3.6. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 4: European Social Survey Round 4 Data. 2008. Data file edition 4.4. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 5: European Social Survey Round 5 Data. 2010. Data file edition 3.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 6: European Social Survey Round 6 Data. 2012. Data file edition 2.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 7: European Social Survey Round 7 Data. 2014. Data file edition 2.1. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

Gallo L. C., Matthews A. K. 2003. Understanding the Association between Socioeconomic Status and Physical Health: Do Negative Emotions Play a Role? // *Psychological Bulletin*. Vol. 129. № 1. P. 10–51. DOI: 10.1037/0033-2909.129.1.10

Huijts T. 2011. Social Ties and Health in Europe. Individual Associations, Cross-national Variations, and Contextual Explanations. Nijmegen: Radboud University. 246 p.

Huijts T., Eikemo T. A. 2009. Causality, social selectivity or artefacts? Why socioeconomic inequalities in health are not smallest in the Nordic countries // *European Journal of Public Health*. Vol. 19. № 5. P. 452–453. DOI: 10.1093/eurpub/ckp103

Lachman M. E., Weaver S. L. 1998. The sense of control as a moderator of social class differences in health and well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74. № 3. P. 763–773. DOI: 10.1037/0022-3514.74.3.763

Link B. G., Phelan J. 1995. Social conditions as fundamental causes of disease // *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 51. Extra Issue. P. 80–94. DOI: 10.2307/2626958

Lundberg O., Lahelma E. 2001. Nordic health inequalities in the European context // *Nordic Welfare States in the European Context* / Ed. by M. Kautto, J. Fritzell, B. Hvinden, J. Kvist, H. Uusitalo. London: Routledge. P. 42–65.

Mackenbach J. P. 2012. The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox // *Social Science and Medicine*. Vol. 75. № 4. P. 761–769. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.02.031

Mackenbach J. P., Stirbu I., Roskam A-J. R., Schaap M. M., Menvielle G., Leinsalu M., Kunst A. E. 2008. Socioeconomic inequalities in health in 22 European countries // *New England Journal of Medicine*. Vol. 358. № 23. P. 2468–2481. DOI: 10.1056/NEJMsa0707519

Matthews K. A., Gallo L. C. 2011. Psychological perspectives on pathways linking socioeconomic status and physical health // *Annual Review of Psychology*. Vol. 62. P. 501–530. DOI: 10.1146/annurev.psych.031809.130711

Raudenbush S. W., Bryk A. S. 2002. Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods. Thousand Oaks, CA: Sage. 512 p.

Rostila M. 2013. Social Capital and Health Inequality in European Welfare States. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 253 p. DOI: 10.1057/9781137305664

Ryff C. D., Radler B. T., Friedman E. M. 2015. Persistent Psychological Well-being Predicts Improved Self-Rated Health Over 9–10 Years: Longitudinal Evidence from MIDUS // Health Psychology Open. Vol. 2. № 2. DOI: 10.1177/2055102915601582

Schullgen I., Huxhold O., Schüz B., Tesch-Römer C. 2011. Resources for Health: Differential Effects of Optimistic Self-Beliefs and Social Support According to Socioeconomic Status // Health Psychology. Vol. 30. № 3. P. 326–335. DOI: 10.1037/a0022514

Social Capital and Health. 2008. / Ed. by I. Kawachi, S. V. Subramanian, D. Kim. New York: Springer. 292 p.

Social Determinants of Health. 2006. / Ed by M. Marmot, R. G. Wilkinson. Oxford: Oxford University Press. 376 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198565895.001.0001

Szreter S., Woolcock M. 2004. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. Vol. 33. № 4. P. 650–667. DOI: 10.1093/ije/dyh013

Turiano N., Chapman B. P., Agrigoroaei S., Infurna F. J., Lachman M. 2014. Perceived control reduces mortality risk at low, not high, education levels // Health Psychology. Vol. 33. № 8. P. 883–890. DOI: 10.1037/hea0000022

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.562

The Issue of Social Inequality in Terms of Health: A Comparative Study of Russia Within the European Context

Nina L. Rusinova

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Saint-Petersburg, Russia. Email: nrusinova@gmail.com

Viacheslav V. Safronov

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: vsafronov@list.ru

For citation: Rusinova, N. L.; Safronov, V. V. The issue of social inequality in terms of health: a comparative study of Russia within the European context. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 139–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>

Abstract. This article examines the issue of social inequality in terms of health, while citing the main results of an empirical study on the matter, which have been attained by means of analyzing data from the European social survey (ESS) for a few dozen countries, including Russia, together with statistical information on the state of their economy and welfare, utilizing a two-level linear and logistic modeling method. In different parts of Europe indexes of general wellbeing and the

risk of developing depression differ quite drastically – in Russia, as is the case with most other relatively underdeveloped nations, the population's health is markedly worse than in the most of the highly developed social democracies. These indexes significantly differ within the country as well – among people who occupy unequal positions within demographical and social structures. A natural discrepancy in health between elder and younger age groups is especially pronounced in underdeveloped countries, while in nations with a high level of prosperity and state social guarantees these age-related discrepancies are more or less evened out. Social capital and an individual's mental strength play a crucial role in maintaining good health. Possessing psychosocial resources is beneficial to the health of those belonging to any given social stratum. However, in developed European countries this is mostly beneficial to the more vulnerable groups of lower social status. In developed European countries the health of said groups is negatively affected in no small part due to them experiencing relative deprivation, and the stress of social comparison to the prosperous majority. So this is not only due to a shortage of material resources or their limited access to high-quality medical services, as is the case in Russia and in underdeveloped European states. In well developed countries individual reserves and social bonds are especially important for the lower strata, in order for them to successfully overcome the negative impact of such strain on their health.

Keywords: inequalities in health, demographic and social structure, social capital, psychological resources, European countries and Russia, two-level modeling.

References

Adler N. E., Boyce T., Chesney M. A., Cohen S., Folkman S., Kahn R. L., Syme S. L. Socioeconomic status and health. The challenge of the gradient. *American Psychologist*, 1994., vol. 49, no 1, pp. 15–24. DOI: 10.1037/0003-066X.49.1.15

Arcaya M. C., Arcaya A. L., Subramanian S. V. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories. *Global Health Action*, 2015, vol. 8, no 1, article 27106. DOI: 10.3402/gha.v8.27106

Berkman L. F., Glass T. Social Integration, Social Networks, Social Support, and Health. *Social epidemiology*. Ed. by L. F. Berkman, I. Kawachi. Cambridge, Oxford University Press, 2000, pp. 137–173.

ESS Round 3: European Social Survey Round 3 Data. 2006. Data file edition 3.6. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 4: European Social Survey Round 4 Data. 2008. Data file edition 4.4. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 5: European Social Survey Round 5 Data. 2010. Data file edition 3.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 6: European Social Survey Round 6 Data. 2012. Data file edition 2.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 7: European Social Survey Round 7 Data. 2014. Data file edition 2.1. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

Gallo L. C., Matthews A. K. Understanding the Association between Socioeconomic Status and Physical Health: Do Negative Emotions Play a Role? *Psychological Bulletin*, 2003, vol. 129, no 1, pp. 10–51. DOI: 10.1037/0033-2909.129.1.10

Huijts T., Eikemo T. A. Causality, social selectivity or artefacts? Why socioeconomic inequalities in health are not smallest in the Nordic countries. *European Journal of Public Health*, 2009, vol. 19, no 5, pp. 452–453. DOI: 10.1093/eurpub/ckp103

Huijts T. Social Ties and Health in Europe. Individual Associations, Cross-national Variations, and Contextual Explanations. Nijmegen, Radboud University, 2011. 246 p.

Lachman M. E., Weaver S. L. The sense of control as a moderator of social class differences in health and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, vol. 74, no 3, pp. 763–773. DOI: 10.1037/0022-3514.74.3.763

Link B. G., Phelan J. Social conditions as fundamental causes of disease. *Journal of Health and Social Behavior*, 1995, vol. 51 (extra Issue), pp. 80–94. DOI: 10.2307/2626958

Lundberg O., Lahelma E. Nordic health inequalities in the European context. *Nordic Welfare States in the European Context*. Ed. by M. Kautto, J. Fritzell, B. Hvinden, J. Kvist, H. Uusitalo. London, Routledge, 2001, pp. 42–65.

Mackenbach J. P. The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox. *Social Science and Medicine*, 2012, vol. 75, no 4, pp. 761–769. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.02.031

Mackenbach J. P., Stirbu I., Roskam A-J. R., Schaap M. M., Menvielle G., Leinsalu M., Kunst A. E. Socioeconomic inequalities in health in 22 European countries. *New England Journal of Medicine*, 2008, vol. 358, no 2, pp. 2468–2481. DOI: 10.1056/NEJMsa0707519

Matthews K. A., Gallo L. C. Psychological perspectives on pathways linking socioeconomic status and physical health. *Annual Review of Psychology*, 2011, vol. 62, pp. 501–530. DOI: 10.1146/annurev.psych.031809.130711

Raudenbush S. W., Bryk A. S. *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Thousand Oaks (CA), Sage, 2002. 512 p.

Rostila M. *Social Capital and Health Inequality in European Welfare States*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013. 253 p. DOI: 10.1057/9781137305664

Rusinova N. L., Safronov V. V. Personal'nye psikhologicheskie resursy i neravenstva v zdorov'e: vyrazhennost' bufernogo effekta v evropeyskikh stranakh [Personal psychological resources and health inequalities: buffering effects in European countries]. *Demograficheskoe obozrenie*, 2017, vol. 4, no 3, pp. 59–87.

Rusinova N. L., Safronov V. V. Sostoyanie zdorov'ya v Evrope i Rossii: obschestvennyy context i sotsial'nye neravenstva [Health in Europe and Russia: social context and social inequalities]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2014, vol. 20, no 4, pp. 19–43.

Rusinova N. L., Safronov V. V. Sotsial'noe gosudarstvo i neravenstva v zdorov'e v stranakh Evropy [The welfare state and inequality in health in Europe]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2016, vol. 19, no 4, pp. 49–70.

Rusinova N. L., Safronov V. V. Sotsial'nye osobennosti zdorov'ia v Evrope i Rossii: vliyanie individual'nykh i kontekstual'nykh faktorov [Social features of health in Europe and Russia: influence of individual and contextual factors]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2013, no 3, pp. 16–32.

Rusinova N. L., Safronov V. V. Sotsial'nye riski depressii v Evrope i Rossii: znachenie demografii, obrazovaniya i sotsial'nogo kapitala [Social risks of depression in Europe and Russia: the importance of demography, education and social capital]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 22, no 3, pp. 82–106. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4586

Rusinova N. L., Safronov V. V. Vliyanie bezrabotitsy na zdorov'e v stranakh Evropy: znachenie sotsial'nogo gosudarstva [The impact of unemployment on health in Europe: the importance of the welfare state]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2017, vol. 23, no 2, pp. 28–50. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5158

Rusinova N. L., Safronov V. V. Zdorov'e v stranakh Evropy: statusnye neravenstva i vliyanie sotsial'nogo kapitala [Health in Europe: status inequalities and the impact of social capital]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2015, vol. 21, no 4, pp. 34–60. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3065

Rusinova N. L., Safronov V. V. Znachenie sotsial'nogo kapitala dlia zdorov'ya v stranakh Evropy [The importance of social capital for health in Europe]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2014, vol. 17, no 3, pp. 112–133.

Ryff C. D., Radler B. T., Friedman E. M. Persistent Psychological Well-being Predicts Improved Self-Rated Health Over 9–10 Years: Longitudinal Evidence from MIDUS. *Health Psychology Open*, 2015, vol. 2, no 2. DOI: 10.1177/2055102915601582

Schnllgen I., Huxhold O., Schyz B., Tesch-Rdmer C. Resources for Health: Differential Effects of Optimistic Self-Beliefs and Social Support According to Socioeconomic Status. *Health Psychology*, 2011, vol. 30, no 3, pp. 326–335. DOI: 10.1037/a0022514

Social Capital and Health. Ed. by I. Kawachi, S. V. Subramanian, D. Kim. New York, Springer, 2008. 292 p.

Social Determinants of Health. Ed. by M. Marmot, R. G. Wilkinson. Oxford, Oxford University Press, 2006. 376 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198565895.001.0001

Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health. *International Journal of Epidemiology*, 2004, vol. 33, no 4, pp. 650–667. DOI: 10.1093/ije/dyh013

Turiano N., Chapman B. P., Agrigoroaei S., Infurna F. J., Lachman M. Perceived control reduces mortality risk at low, not high, education levels. *Health Psychology*, 2014, vol. 33, no 8, pp. 883–890. DOI: 10.1037/hea0000022

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>